

ДИАНА ГЭБЛДОН

Стрекоза в янтаре

История, ставшая
культовым сериалом XXI века

Чужестранка. Сериал по романам
Дианы Гэблдон в одном томе

Диана Гэблдон
Стрекоза в янтаре

«ЭКСМО»

1992

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Стрекоза в янтаре / Д. Гэблдон — «Эксмо»,
1992 — (Чужестранка. Серил по романам Дианы Гэблдон в одном
томе)

ISBN 978-5-04-185081-4

История великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире и стала культовым сериалом XXI века. «Диана Гэблдон – прирожденный рассказчик». The Arizona Republic «Это триумф! Мощная история. Мне нравилась каждая страница». Нора Робертс Клэр Рэндолл возвращается в Шотландию, страну величественных гор, окутанных туманом. Она хочет узнать правду, столь же ошеломительную, как и события, ее породившие. Правду о загадке древнего каменного круга, способного перебросить человека на много лет назад, и о Джеймсе Фрэйзере, шотландском воине XVIII века, чьи храбрость и любовь защищали Клэр от опасностей той бурной эпохи. Политические интриги, шпионаж, предательство и цепь убийств вынуждают Клэр и ее мужа, Джеймса Фрэйзера, покинуть дворец Людовика XV и отправиться к болотам Шотландии и пропитанным кровью землям при Каллодене. Но ужасная ловушка обстоятельств возвращает Клэр обратно в будущее, где ее ждут долгие поиски правды и еще более шокирующие откровения. Клэр Рэндолл понадобится много сил, чтобы выдержать все испытания и вернуть любимого. История, ставшая культовым сериалом «Чужестранка»

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-185081-4

© Гэблдон Д., 1992

© Эксмо, 1992

Содержание

Книга 1	8
Пролог	8
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	38
Глава 5	50
Часть 2	61
Глава 6	61
Глава 7	85
Глава 8	95
Глава 9	107
Глава 10	120
Глава 11	126
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Диана Гэблдон Стрекоза в янтаре

Diana Gabaldon
DRAGONFLY IN AMBER
Copyright © 1992 by Diana Gabaldon

© Рейн Н., перевод на русский язык, 2022
© Жабина Н., перевод на русский язык, 2022
© Серебрякова Л., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

ДИАНА
ГЭБЛДОН
Стрекоза в янтаре

Москва
2022

*Моему мужу, Дагу Уоткинсу,
с благодарностью за помощь в сборе материала*

Книга 1

Разделенные веками

Пролог

Я просыпалась три раза в темный предрассветный час. Сперва в печали, потом в радостном волнении и наконец – с чувством одиночества. Слезы глубоко переживаемой утраты пробуждали меня, омывая лицо прохладным прикосновением, словно влажная ткань в чьих-то любящих руках. Я вжалась лицом в мокрую подушку, и соленая река унесла меня в скорбные провалы воспоминаний, в таинственные глубины сна.

И я проснулась с ощущением безумной радости, тело изогнулось дугой в судорогах физического слияния, кожа чувствовала свежесть его прикосновений, разбегающуюся по нервам и сладкой дрожью замирающую где-то в самой глубине моего существа. Я отогнала от себя пробуждение, повернулась, ища забвения в остром теплом аромате удовлетворенного мужского желания, в утешительных объятиях возлюбленного.

На третий раз я проснулась одна, ощущая себя свободной от любви и печали. Вид тех каменных столбов был еще свеж в памяти.

Маленький круг, камни, окаймлявшие гребень крутого зеленого склона. Название этого холма – Крэг-на-Дун, Холм фей. Одни говорят, что холм этот заколдован, другие – что над ним тяготеет проклятие. И те и другие правы.

Но никто не знает, каково предназначение и смысл этих камней...

Никто, кроме меня.

Часть 1

В зазеркалье, в темноте.

Инвернесс, 1968 год

Глава 1

Список личного состава

Роджер Уэйкфилд стоял посередине комнаты и чувствовал, что окружен со всех сторон. Основания к тому были у него самые веские. Он и на самом деле был окружен: столами с разными безделушками и сувенирами; тяжелой викторианской мебелью, покрытой какими-то салфеточками, плюшевыми накидками, афганскими коврами; крошечными вышитыми ковриками на паркетном полу, готовыми заскользнуть под чьей-то неосторожной ногой. Он был окружен двенадцатью комнатами, забитыми мебелью, одеждой и бумагами. И книгами. О бог мой, эти книги!..

Три стены кабинета, где он теперь находился, сплошь занимали битком набитые книжные полки. Перед томами, переплетенными в телячью кожу, высились стопки детективов в ярких бумажных обложках; между ними были втиснуты более изысканные образчики полиграфии, удовлетворяющие вкусам любого, даже самого придирчивого члена клуба книголюбов; торчали корешки старинных книг, украденных в свое время из гибнущих библиотек, а также тысячи и тысячи брошюр, записных книжек и рукописей.

Та же ситуация наблюдалась и в остальных помещениях: книги и бумаги занимали все горизонтальные поверхности; шкафы и кладовки трещали по швам. Его покойный отчим прожил долгую плодотворную жизнь, на десять лет дольше положенных по Библии семидесяти. И мистер Реджиналд Уэйкфилд никогда ничего не выбрасывал.

Роджер с трудом подавил желание выбежать из дома, вскочить в свой «моррис майнор» и вернуться в Оксфорд, оставив особняк и все, что в нем имелось, на растерзание стихии и вандалам. «Успокойся, – сказал он себе и глубоко вздохнул. – Со всем этим вполне можно справиться». С книгами проще всего: их надо рассортировать, а потом позвонить, чтобы приехали и забрали. Понадобится грузовик размером с товарный вагон, но и это преодолимо. Одежда – с ней вообще нет проблем. «Оксфам»¹ все заберет.

Он не совсем понимал, что будет делать «Оксфам» с целой кучей черных саржевых костюмов покроя 1948 года, но, возможно, бедняки не слишком разборчивы. Ему стало легче дышать. Он специально взял месячный отпуск на кафедре истории Оксфордского университета, чтобы привести в порядок имущество и дела его преподобия. Что ж, в этот срок вполне можно уложиться. Правда, порой его охватывало отчаяние, и тогда казалось, что эту работу не переделать и за годы.

Он подошел к одному из столов и взял с него маленькое фарфоровое блюдце. В нем лежали небольшие металлические прямоугольнички – свинцовые «габерлунзы», специальные бляхи, которые в XVIII веке служили приходским нищим как бы свидетельством того, что они имеют лицензию на это ремесло. У лампы стояла коллекция каменных бутылей, рядом с ними – табакерка из рога, отделанная серебром. Сдать их в музей? Весь дом битком набит

¹ «Оксфам» – благотворительная организация с центром в Оксфорде, оказывающая гуманитарную помощь голодающим и пострадавшим от стихийных бедствий в различных странах.

разными предметами яacobитской эпохи²: его преподабие любил историю, а излюбленным объектом исследований был XVIII век.

Пальцы инстинктивно потянулись к табакерке, погладили ее поверхность, пробежали по вырезанным на ней черным буквам – именам и датам жизни «дьяконов и казначеев гильдии портных Кэнонгейта, Эдинбург, 1726 год». Может, все же стоит сохранить несколько раритетов из коллекции его преподабия? Но он тут же решительно отверг эту мысль.

– Ни в коем случае, приятель, – произнес он вслух. – Иначе можно рехнуться.

Или превратиться в древесную крысу³. Стоит только начать с нескольких вещей, и вскоре счет пойдет на тысячи. Тут же возникнет искушение поселиться в этом чудовищном доме среди завалов из всякой дребедени.

– И беседовать с самим собой вслух, – добавил он.

Мысль о завалах из дребедени напомнила ему о гараже, и колени Роджера подогнулись. Его преподабие, приходившийся на деле Уэйкфилду двоюродным дедушкой, усыновил его в возрасте пяти лет, после того как родители мальчика погибли во время Второй мировой войны: мать – во время бомбежки, отец – в темных водах Ла-Манша. Следуя своей обычной скопидомской манере, священник сохранил все вещи родителей Роджера – уложенные в сундуки и коробки, они хранились в гараже. Роджер знал, что за последние двадцать лет к ним не прикасалась рука человека.

При мысли, что ему предстоит рыться в родительских вещах, Роджер испустил тяжкий вздох.

– Господи, – взмолился он, – что угодно, только не это!

Слова эти мало походили на молитву, однако словно в ответ на них брякнул дверной колокольчик, и от неожиданности Роджер прикусил язык.

В сырую погоду входная дверь в особняке имела привычку разбухать, отчего отворить ее было непросто. Наконец, издав скрип, она подалась, и Роджер увидел на пороге женщину.

– Чем могу быть полезен?

Женщина была среднего роста и весьма миловидна. Вот общее впечатление, создавшееся у него: тонкие черты лица, белая льняная блузка, копна вьющихся каштановых волос, напоминающая слегка развившийся шиньон. А в центре – пара ярких глаз цвета хорошо выдержанного шерри.

Глаза обежали его фигуру, возвышавшуюся над ней на фут, начиная с парусиновых туфель одиннадцатого размера, и остановились на лице. Легкая улыбка еще шире раздвинула губы.

– Не хотелось бы начинать с банальностей, – сказала она, – но, бог мой, как же вы выросли, молодой Роджер!

Роджер почувствовал, что краснеет. Женщина рассмеялась и протянула руку:

– Вы ведь Роджер? А я – Клэр Рэндолл, старая приятельница его преподабия. Но когда мы виделись последний раз, вам было не больше пяти.

– Э-э... Так вы дружили с моим отцом? Тогда вы, должно быть, знаете...

Улыбка исчезла, ее сменило скорбное выражение.

– Да. Очень печально было узнать эту новость. Сердечный приступ?

– Гм, да. Он умер совершенно внезапно. Я только что приехал из Оксфорда, чтобы как-то разобраться со всем этим.

И он слабо махнул рукой, имея в виду смерть его преподабия и этот дом со всем его содержимым.

² Яcobиты – сторонники короля Якова II (правил в 1685–1688 гг.) и его наследников.

³ Крупная североамериканская крыса с пушистым хвостом. Ворует у людей еду и мелкие предметы.

– Насколько я помню библиотеку вашего отца, это занятие вполне может затянуться до самого Рождества, – заметила Клэр.

– В таком случае не будем отнимать у вас время, – раздался за ее спиной голос с американским акцентом.

– О, совсем забыла. – Клэр отступила и обернулась к девушке, стоявшей слева от нее, так что Роджеру не было ее видно. – Роджер Уэйкфилд – моя дочь Брианна.

Брианна Рэндолл шагнула вперед, застенчиво улыбаясь. На секунду Роджер растерялся, затем вспомнил о манерах. Отступил на шаг, пошире распахнул дверь, судорожно соображая при этом, когда последний раз менял рубашку.

– Что вы, что вы, вы мне нисколько не помешали! – Он говорил совершенно искренне. – Как раз собирался передохнуть. Входите, прошу!

Он провел гостей через холл в кабинет викария, бегло отметив при этом, что Брианна, помимо того что довольно хорошенькая, еще и одна из самых высоких девиц, которых ему когда-либо доводилось видеть вблизи. Футов шести росту, не меньше, подумал он, заметив, как она чуть пригнула голову, проходя под аркой в холле. И тут же бессознательно выпрямился, следуя за ней, до полных своих шести футов и трех дюймов. И лишь в последний миг, проходя вслед за гостями в комнату, пригнулся, чтобы не удариться головой о притолоку.

– Хотела приехать раньше, – сказала Клэр, усаживаясь в огромное вращающееся кресло.

Четвертую стену в кабинете священника занимали высокие, от пола до потолка, окна, и солнце высветило в ее светло-каштановых волосах седину. Локоны начали развиваться, особенно один, возле уха, который она рассеянно теребила.

– Уж совсем было собралась приехать в прошлом году, но тут в нашей больнице, в Бостоне, возникли какие-то непредвиденные обстоятельства. Я, знаете ли, врач, – объяснила она, немного кривя рот, словно в ответ на удивление, отразившееся на лице Роджера вопреки всем его стараниям. – И теперь страшно жалею, что не пришлось повидаться с вашим отцом...

Интересно, подумал Роджер, зачем тогда она заявила, зная, что священник умер. Но спросить не осмелился, это было бы невежливо. И вместо этого сказал:

– Решили полюбоваться окрестностями?

– Да, мы ехали на машине из Лондона, – ответила Клэр и улыбнулась дочери. – Я хотела, чтобы Бри посмотрела страну. По ее акценту не скажешь, но, знаете ли, она у нас чистокровная англичанка, как и я, хотя никогда не жила в Англии.

– Вот как?

Роджер взглянул на Брианну и подумал, что она мало походит на англичанку. Слишком высокая, густые рыжие волосы небрежно спадают на плечи, черты лица четкие, жестко очерчены, нос прямой, длинный, пожалуй, даже чуть длиннее, чем следует.

– Я родилась в Америке, – объяснила Брианна. – Но мама и папа... Он у меня тоже был англичанин.

– Был?

– Муж умер два года назад, – объяснила Клэр. – Думаю, вы о нем слышали. Фрэнк Рэндолл...

– Фрэнк Рэндолл? Ну конечно! – Роджер хлопнул себя по лбу и почувствовал, что щеки у него вспыхнули, – так громко рассмеялась Брианна. – Нет, я, должно быть, выгляжу полным идиотом! Только сейчас понял, кто вы.

Это имя говорило о многом. Фрэнк Рэндолл был выдающимся историком и добрым другом его преподобия. В течение многих лет они обменивались крупицами новых сведений о якобитах, хотя со времени последнего визита Фрэнка Рэндолла в этот дом прошло, наверное, не меньше десяти лет.

– Так вы решили посетить исторические места в окрестностях Инвернесса? – осведомился Роджер. – В Куллодене уже побывали?

– Еще нет, – ответила Брианна. – Думаем посетить его позже, в конце недели. Улыбка ее была вежливой, но никаких эмоций не выражала.

– Сегодня мы записались на экскурсию в Лох-Несс, – сказала Клэр. – А завтра, наверное, поедем в Форт-Уильям или просто погуляем по Инвернессу. Тут так все изменилось за последнее время...

– А когда вы были здесь последний раз?

Роджер никак не мог решить, стоит ли предлагать дамам свои услуги в качестве экскурсовода. Времени у него на это не было, но, с другой стороны, Рэндоллы являлись близкими друзьями священника. Кроме того, поездка в Форт-Уильям в компании двух таких очаровательных дам представляла собой куда более приятную перспективу, нежели разборка вещей в гараже, которую он запланировал на завтра.

– О, давно! Лет двадцать назад...

В голосе Клэр он уловил какие-то странные нотки, однако, подняв на нее глаза, увидел, что она улыбается.

– Что ж, – предложил он, – если я могу быть чем-то полезен, пока вы здесь, в Шотландии...

Клэр все еще улыбалась, но выражение ее лица изменилось. Казалось, она чего-то ждет.

– Поскольку уж вы сами заговорили об этом... – начала она, и улыбка стала еще шире.

– О, мама! – одернула ее Брианна и выпрямилась в кресле. – Стоит ли утруждать мистера Уэйкфилда! У него же непочатый край работы.

Она обвела рукой кабинет, заваленный коробками, ящиками и заставленный бесконечными рядами книг.

– Что вы, какое беспокойство! – возразил Роджер. – Э-э... а чем, собственно, я могу...

Клэр жестом успокоила дочь.

– Я вовсе не собираюсь отрывать его от дела, – несколько раздраженно заметила она. – Но возможно, Роджер знает кого-то, кто может помочь. Я провожу одно небольшое историческое исследование, – пояснила она, – и мне нужен человек, сведущий в движении якобитов восемнадцатого века. Знающий о Красавчике принце Чарли⁴ и прочих...

Роджер подался вперед, явно заинтересованный.

– Якобиты? – переспросил он. – Нет, в этой области я не специалист, но кое-что знаю. Что и неудивительно, поскольку прожил столько лет неподалеку от Куллодена. Ведь именно здесь произошла последняя битва, – объяснил он Брианне. – Люди Красавчика принца Чарли двинулись против герцога Камберленда и были перебиты.

– Верно, – кивнула Клэр. – Именно это меня и интересует.

Она потянулась к сумке и достала из нее сложенный пополам листок бумаги.

Роджер развернул его и быстро пробежал глазами. Это был список имен, человек тридцать, все мужчины. Предварял его заголовок: «Восстание якобитов, 1745 год. Куллоден».

– О, так это тысяча семьсот сорок пятый? – спросил Роджер. – Эти люди сражались при Куллодене?

– Да, – ответила Клэр. – Мне хотелось бы выяснить, сколько их уцелело после битвы.

Роджер, потирая подбородок, рассматривал список.

– Вроде бы простой вопрос, – сказал он. – Но получить на него ответ будет сложно. В этой битве погибло столько сторонников принца Чарли, что по отдельности их не хоронили. Их зарывали в братских могилах, а сверху клали камень, где не было имен, только название рода.

– Знаю, – кивнула Клэр. – Брианна здесь никогда не была, но я... мне доводилось, хотя и очень давно...

⁴ Красавчик принц Чарли – одно из прозваний принца Карла Стюарта (1720–1788), или Младшего Претендента, возглавлявшего якобитское восстание 1745–1746 гг.

Ему показалось, что в ее глазах промелькнула какая-то тень, но она тут же наклонилась к сумочке. Впрочем, ничего удивительного тут нет, подумал он. Куллоденское поле битвы – трогательное место, у многих, кто там бывал, на глаза наворачивались слезы при виде этой огромной, поросшей вереском пустоши и при воспоминании о благородных и мужественных шотландцах, которые спят теперь здесь вечным сном под высокой травой.

Клэр развернула и протянула ему еще несколько отпечатанных на машинке листков. Длинный белый палец скользил по страницам сверху вниз. Красивые у нее руки, отметил про себя Роджер. Изящные, ухоженные, на каждой – по кольцу. Серебряное на левой – особенно эффектное: широкий ободок традиционного шотландского плетения, украшенный цветками чертополоха.

– Тут имена жен, насколько я знаю. Возможно, это как-то поможет. Ведь раз их мужья погибли при Куллодене, некоторые из этих женщин наверняка снова вышли замуж или уехали. В церковных книгах должны были остаться записи. Все они из одного прихода: церковь была в Брех-Мордхе, это недалеко, к югу отсюда.

– Да, неплохая идея, – согласился Роджер, слегка удивленный. – Такое могло прийти в голову только историку.

– О, меня вряд ли можно причислить к историкам, – суховати ответила Клэр Рэндолл. – С другой стороны, когда долго живешь с историком, начинаешь смотреть на многие вещи несколько иначе.

– Конечно.

Тут Роджер вспомнил о своем положении хозяина и поднялся.

– Из меня никудышный хозяин! Позвольте предложить вам выпить, а потом продолжим беседу. Возможно, я и сам смогу вам помочь.

Несмотря на царивший в доме беспорядок, он знал, где находятся бокалы, и быстро принес виски. Брианне щедро подлил содовой, но заметил, что, отпив, она поморщилась, словно то был некий антимуравьиный спрей, а не лучшее шотландское виски из отборного ячменя. Клэр, попросившая вовсе не добавлять ей содовой, похоже, пила с удовольствием.

– Что ж, – заметил Роджер, снова усевшись, и взял в руки список, – проблема интересная, с исторической точки зрения, разумеется. Вы сказали, что все эти люди были из одного прихода? Тогда, должно быть, они принадлежали к одному роду, или клану. Я вижу, некоторые из них носили фамилию Фрэзер?

Клэр кивнула:

– Да, все они выходцы из одного места. Небольшой шотландской фермы под названием Брех-Туарах. Известна больше под местным названием Лаллиброх. И они действительно принадлежали к клану Фрэзер, хотя никогда не признавали лорда Ловата главой рода. Эти люди присоединились к восстанию на самом раннем этапе. Они принимали участие в битве при Престонпансе⁵. Люди же Ловата присоединились к ним только при Куллодене.

– Вот как? Интересно.

Обычно в восемнадцатом веке все мелкие фермеры умирали там, где прожили всю жизнь. И хоронили их на сельских кладбищах, предварительно сделав запись в церковной книге. Похоже, что Красавчик принц Чарли, попытавшийся в тысяча семьсот сорок пятом году завладеть шотландским тронном, нарушил привычный порядок вещей. Во время голода, последовавшего за битвой при Куллодене, многие шотландцы эмигрировали в Новый Свет, другие двинулись с пустошей в города в поисках еды и работы. Остались лишь немногие, верные своей земле и традициям.

⁵ Престонпанс – место сражения 21 сентября 1745 г. между отрядом королевской армии и отрядом якобитов под командованием Карла Эдуарда Стюарта.

– Это материал для потрясающей статьи, – сказал Роджер, размышляя вслух. – Проследить за судьбой нескольких человек и на их примере выяснить, что же произошло с целым народом. Жаль, если все они действительно погибли при Куллодене, но всегда есть шанс, что хоть несколько человек да уцелели.

Он бы наверняка занялся этой проблемой, если бы Клэр Рэндолл его попросила.

– Да, думаю, что смогу помочь вам, – заключил он и был вознагражден ее теплой улыбкой.

– Правда? Но это же просто замечательно! – воскликнула она.

– С радостью, – ответил Роджер. Сложил листки и опустил на стол. – Займусь безотлагательно. Однако расскажите, как прошло ваше путешествие из Лондона.

Беседа перешла на более общие темы, Рэндоллы рассказывали ему о своей поездке, о том, как плыли через океан, о том, как добирались из Лондона. Но Роджер слушал не слишком внимательно. Мысли его были поглощены предстоящим исследованием. И одновременно он испытывал чувство вины – за то, что хочет заняться делом, времени на которое у него просто нет. С другой стороны, проблема страшно интересная. Вполне возможно, что ему удастся сочетать работу над ней с разборкой рукописей его преподобия. Он знал, что в гараже хранятся сорок восемь коробок с надписью на каждой: «Якобиты. Разное». При воспоминании о них он снова почувствовал слабость в коленях.

Усилием воли он отогнал мысль о гараже и внезапно заметил, что разговор принял совсем иное направление.

– Друиды? – озадаченно спросил Роджер и с подозрением уставился в свой бокал.

Неужели он забыл добавить себе содовой?

– Разве вы о них не слышали? – разочарованно спросила Клэр. – Но ваш отец, то есть его преподобие... он довольно много знал о друидах, хотя, возможно, не слишком афишировал свои знания. Вероятно, он считал, что вам рассказывать о них не стоит.

Роджер задумчиво почесал в затылке, ероша густые черные волосы.

– Нет, не припоминаю. Вы, вероятно, правы, он не принимал все эти рассказы всерьез.

– Не уверена. – Клэр положила ногу на ногу. Луч солнца нежно отсвечивал на чулке, подчеркивая изящество длинной стройной икры. – Когда я была здесь последний раз с Фрэнком... Боже, с тех пор прошло целых двадцать три года! Так вот, тогда его преподобие говорил ему, что обнаружил местную группу... гм... современных друидесс, если можно так выразиться. Уж не знаю, насколько они были настоящие... Вполне вероятно, что нет.

Брианна вся подалась вперед и слушала с интересом, совсем позабыв про бокал виски, зажатый в руке.

– Конечно, священник не заявлял о них официально. Его обвинили бы в язычестве и прочее. Но его экономка миссис Грэхем входила в эту группу и намекнула Фрэнку, что они собираются проводить какую-то очередную церемонию накануне Белтейна, то есть первого мая.

Роджер кивнул, пытаясь совместить образ пожилой миссис Грэхем, весьма строгой и приличной дамы, с обликом ведьмы, принимающей участие в языческом ритуале и пляшущей на рассвете у круга из каменных столбов. Что касается самой церемонии, то он мог припомнить только, что во время проведения некоторых из них сжигались жертвенные животные в плетеных корзинах, что делало еще более сомнительным участие в этих ритуалах пресвитерианки столь почтенного возраста.

– Где-то здесь, совсем рядом, на гребне одного из холмов выложен круг из камней. И вот однажды, на рассвете, мы отправились туда проследить за друидами, – продолжала Клэр, винувато поеживаясь. – Вы же знаете, что это за люди, ученые. Для них нет преград, когда речь заходит о предмете изысканий. Они способны на самые сомнительные поступки.

Роджер слегка поморщился, однако кивнул в знак согласия.

– И друиды действительно были там, – говорила Клэр. – И миссис Грэхем тоже. Завернувшись в простыни, они напевали что-то и танцевали внутри каменного круга. Фрэнк был

совершенно заморожен этим зрелищем, – добавила она с улыбкой. – Оно действительно впечатляло, даже меня.

На секунду она умолкла, задумчиво глядя на Роджера.

– Я слышала, что миссис Грэхем скончалась несколько лет назад. Но интересно было бы узнать, остался ли кто в живых из членов ее семьи. Ведь членство в подобных группах носит, насколько мне известно, наследственный характер. Возможно, у нее была дочь или внучка, которая могла бы рассказать мне об этом?

– Гм... – медленно начал Роджер. – Да, у нее есть внучка по имени Фиона. Фиона Грэхем. Более того, она после смерти бабушки заменила ее. Его преподобие был слишком стар, чтобы самому управляться с хозяйством.

Если что-то и могло затмить в его сознании образ миссис Грэхем, пляшущей у каменных столбов, то только воспоминание о девятнадцатилетней Фионе, носительнице древнего мистического знания. Но Роджер решительно отмел его и продолжил:

– Правда, сейчас, к сожалению, ее здесь нет. А то бы я, конечно, пригласил ее поговорить с вами.

Клэр махнула изящной кистью:

– Не стоит беспокоиться. Как-нибудь в другой раз. Мы и так отняли у вас много времени.

Роджер забеспокоился, когда она поставила пустой бокал на столик между креслами и Брианна тут же поставила рядом свой, почти нетронутый. Он заметил, что Брианна Рэндолл грызет ногти. Это маленькое несовершенство придало ему храбрости. Она заинтриговала его, ему не хотелось, чтобы сейчас она вдруг навсегда исчезла из его жизни.

– Кстати, об этих каменных столбах, – торопливо заметил он. – Мне кажется, я знаю те, что вы упоминали. Там очень красиво и от города недалеко.

Он улыбнулся Брианне, попутно отметив про себя, что на одной щеке у нее красуются три рыжие веснушки.

– И я думаю, можно начать наши исследования с небольшого путешествия в Брех-Туарах. Это как раз по пути к камням... так что, может быть, вы... ах!

Своей объемистой сумкой Клэр Рэндолл задела бокалы и столкнула их со столика, залив содержимым брюки Роджера.

– Ох, простите ради бога! – извинилась она, наклонилась и начала подбирать осколки хрустала, несмотря на неуклюжие попытки Роджера остановить ее.

Схватив с буфета несколько льняных салфеток, Брианна пришла на помощь со словами:

– Не представляю, мама, какой из тебя хирург! Ты такая неловкая! Смотри, у него все туфли насквозь промокли от виски! – Она опустила на колени и начала подбирать осколки и промокать лужицы. – И брюки тоже...

Взяв сухую салфетку, она тщательно протерла туфли Роджера, свесив ему на колени пряди рыжих волос. Затем подняла голову и начала энергично тереть пятна на вельветовых брюках. Роджер закрыл глаза и заставил себя думать о жутких автомобильных катастрофах, о налоговой декларации для Управления налоговых сборов и о нашествии из космоса – о чем угодно, лишь бы не опозориться полностью, чувствуя горячее дыхание Брианны Рэндолл на мокрых брюках.

– Э-э... может, с остальным справитесь сами?

Голос прозвучал где-то у самого его носа. Он открыл глаза, и они тут же встретились с парой глубоких синих глаз, смотревших на него с нежной усмешкой. Ослабевшей рукой он взял протянутую ему салфетку, тяжело дыша, словно догонял поезд.

Перед тем как опустить голову и приняться за дело, он поймал на себе взгляд Клэр. В нем читались насмешка и сочувствие одновременно. Больше ничего. Ничего похожего на тень, снова промелькнувшую в ее глазах перед тем, как разлилось виски. А может, ему просто показалось? К чему бы ей нарочно разливать виски?..

– С каких это пор ты интересуешься друидами, мама? – Похоже, Брианна была склонна усматривать в этом нечто смешное: я заметила, как она втягивала щеки, с трудом сдерживая смех, пока я болтала с Роджером Уэйкфилдом. – Ты что, тоже собираешься обрядиться в белые простыни и плясать на холме?

– Во всяком случае, это куда занятнее, чем совещания медперсонала в больнице по четвергам, – ответила я. – Хотя, наверное, там сквозняки...

Она так и покатила со смеху, спугнув с дорожки двух синиц.

– Нет, – продолжила я после паузы уже более серьезным тоном, – меня куда больше интересуют не друиды. Просто хотела отыскать в Шотландии одну женщину, которую некогда знала. У меня нет ее адреса, я не виделась с ней более двадцати лет. Она в свое время интересовалась разными необычными вещами, фольклором и прочее... Когда жила в этих краях. Вот я и подумала, что если она еще здесь, то наверняка вхожа в эту группу.

– А как ее зовут?

Я покачала головой и попыталась подхватить заколку, соскользнувшую с волос, но она упала в густую траву на обочине.

– Черт! – воскликнула я и стала шарить среди густых стеблей.

Мне стоило немалого труда отыскать заколку, покрытую влагой от росистой травы. Одно упоминание о Джейлис Дункан совершенно выводило меня из равновесия, даже теперь.

– Не знаю, – ответила я, отбросив пряди волос с покрасневшего лица. – Я хочу сказать, прошло так много времени, что у нее теперь наверняка другое имя. Она была вдовой. Наверняка снова вышла замуж или живет под девичьей фамилией.

– О... – Брианна потеряла интерес к теме, и какое-то время мы шли молча. Вдруг она спросила: – Как тебе показался Роджер Уэйкфилд, мама?

Я искоса взглянула на нее. Щеки у девочки покраснелись, должно быть, просто от ветра.

– Похоже, очень славный молодой человек, – осторожно заметила я. – Определенно неглуп. Он ведь один из самых молодых профессоров Оксфорда. Впрочем, ум – это еще далеко не все, важно, есть ли у него воображение. У ученых оно зачастую начисто отсутствует. Воображение, вот что могло бы мне помочь...

– У него такие глубокие глаза... – мечтательно произнесла Брианна, полностью игнорируя вопрос о его интеллекте. – Зеленые-презеленые... Ты когда-нибудь видела такие?

– Да, глаза красивые, – согласилась я. – Всегда были такие. Я обратила на них внимание еще тогда, когда он был совсем крошкой...

Брианна, нахмурившись, смотрела на меня сверху вниз:

– Да уж, мама! Ну скажи, неужели нужно было говорить ему: «Ой, как вы выросли!» – не успел человек отворить дверь. Ты его совершенно смутила!

Я рассмеялась и попыталась оправдаться:

– Когда ты последний раз видела человека малышом, едва достающим тебе до пупка, а потом вдруг обнаруживаешь, что вынуждена смотреть на него снизу вверх, тут трудно не заметить разницы.

– Мама! – укоризненно воскликнула она и тут же прыснула со смеху.

– Да он и в нижней части вполне ничего, – продолжила я, чтобы еще больше развеселить ее. – Заметила, когда он наклонился, разливая виски.

– Мама!!! Они же тебя слышат!

Мы уже дошли до автобусной остановки. Там стояли две или три женщины и пожилой джентльмен в твидовом пиджаке. Они обернулись и во все глаза уставились на нас.

– Отсюда отправляется автобус на Лох-Несс? – спросила я, оглядывая объявления, развешанные на доске.

– Да-да, – добродушно закивала одна из дам. – Автобус придет минут через десять.

Она задержала взгляд на Брианне, которая выглядела типичной американкой в своих голубых джинсах и белой ветровке. Лицо дочери покраснело, она едва сдерживала смех.

– Собираетесь повидать Лох-Несс? Наверное, в первый раз?

Я улыбнулась женщине:

– Плавала по этому озеру на лодке еще лет двадцать назад, вместе с мужем. Но моя дочь в Шотландии прежде никогда не была.

– О, вот как!

Это восклицание привлекло внимание других дам, и они, окружив нас, стали чрезвычайно дружелюбны и буквально засыпали нас советами и вопросами, пока наконец из-за поворота не показался большой пылящий желтый автобус.

Перед тем как подняться по ступенькам, Брианна остановилась, любуясь прекрасным видом. Зеленые луга окаймляли ярко-синее озеро, по берегам его поднимались высокие темные сосны.

– Здорово! – воскликнула она, смеясь. – Как думаешь, а мы чудовище увидим?

– Как знать... – ответила я.

Всю оставшуюся часть дня Роджер провел, в рассеянности бродя по дому и хватаясь то за одно дело, то за другое. Книги, предназначенные для безвозмездной передачи в Общество охраны древностей, валялись грудями возле картонных коробок, старенький фургон священника стоял на подъездной дорожке с поднятым капотом, потому что процесс проверки мотора был еще не завершен, а Роджер сидел, забыв про чашку с недопитым чаем, на поверхности которого образовалась молочная пенка, и тупо следил за первыми каплями дождя, начавшегося к вечеру.

Основная работа была еще впереди, предстояло разобрать бумаги в кабинете. Не книги, с ними все обстояло куда проще. Надо было просто решить, какие передать в Общество охраны древностей, какие – в библиотеку колледжа его преподобия. Нет, рано или поздно придется заняться огромным письменным столом, каждый ящик которого до краев набит бумагами, торчавшими из щелей. Мало того, нужно разобрать груды рукописей, сваленных на полках у одной стены, – задача, способная устроить самое отважное сердце.

Помимо вполне понятного и естественного нежелания начинать эту скучную и утомительную работу у Роджера была еще одна причина. Ему просто не хотелось заниматься этим, а хотелось немедленно приступить к изысканиям для Клэр Рэндолл и проследить за судьбой членов клана из Куллодена.

По-своему довольно интересное занятие, хотя и не слишком научное. Нет, дело даже и не в том, если уж быть до конца честным с самим собой. Больше всего на свете ему хотелось бы прийти в пансион миссис Томас и положить к ногам Брианны результаты своих трудов, подобно рыцарям, которые клали к ногам своих возлюбленных головы драконов. И даже если он не преуспеет в этом деле, ему все равно нужен повод снова увидеть ее и поговорить с ней.

Она напоминает даму с полотен Бронзино, решил он. Ее облик и облик ее матери создавали странное впечатление: будто некая рука очертила их фигуры и лица энергичными живыми мазками, не забывая при этом и об изящных деталях. Они выделялись на общем фоне столь выразительно и четко, словно кто-то выгравировал эти прелестные образы. Брианна к тому же обладала той яркостью красок и той невероятной живостью, которые были свойственны натурщицам Бронзино: казалось, они так и провожают вас глазами, того и гляди заговорят в своих рамках... Правда, он никогда прежде не видел, чтобы натурщицы Бронзино кривились от виски, но если бы видел, тогда уж они были бы совершенно точной копией Брианны Рэндолл!

– Черт побери! – заметил он вслух. – Не так уж много займет это времени, просмотреть завтра книги записей, верно? А вы, – обратился он к бумагам, наваленным на столе, – можете

и подождать денек. И вы тоже, – добавил он, обращаясь к полкам, и выдернул наугад с одной из них приключенческий роман.

Окинул вызывающим взглядом мебель и прочие предметы, как бы ожидая возражений, но не услышал ни звука, кроме тихого жужжания электрокамина. Выключил его и вышел из кабинета с книгой под мышкой, погасив за собой свет.

Секунду спустя он вернулся, пересек в темноте комнату и взял со стола листок бумаги со списком.

– Тысяча чертей! – буркнул он и сунул бумагу в карман рубашки. – А то бы утром точно забыл...

И он похлопал по карману, услышал, как тихонько хрустнула бумага у сердца, и направился в спальню.

Мы вернулись с Лох-Несса, насквозь промокшие под дождем и продрогшие на ветру, в тепло и уют пансиона, где нас ждали горячий ужин и огонь в камине. Брианна совсем размлела над яйцами всмятку и вскоре извинилась и отправилась принимать ванну. Я еще немного посидела внизу, поболтала с миссис Томас, хозяйкой, и лишь около десяти пошла наверх.

Брианна была по натуре жаворонком – рано вставала и рано ложилась; открыв дверь в спальню, я услышала ее ровное дыхание. Она не только рано засыпала, но и очень крепко спала. Я осторожно двигалась по комнате, развешивая одежду и убирая вещи на место, но можно было не стараться – разбудить ее не так-то просто. В доме все стихло, и я принялась за работу. В наступившей тишине каждое мое движение, каждый шорох казались громкими.

Я привезла с собой несколько книг Фрэнка, собираясь отдать их в местную библиотеку. Они были аккуратно уложены на дно чемодана, образуя как бы фундамент для более легких предметов, и я стала вынимать их одну за одной и раскладывать на постели. Пять томов в твердых переплетах и глянцевиных суперобложках. Красивые, солидные книги по 500–600 страниц каждая, не считая указателей и иллюстраций.

Полное собрание сочинений моего покойного мужа, с аннотациями. На внутренних сторонах обложек помещались восторженные отзывы, комментарии буквально всех до единого признанных специалистов в этой области. Труд жизни, подумала я, не такой уж плохой результат. Есть чем гордиться. Солидное, внушительное, можно сказать, роскошное издание.

Я аккуратно выложила книги на столик рядом с сумкой, чтобы не забыть их утром. Названия на корешках были разные, но я сложила их так, чтобы одинаковые на всех томах надписи «Фрэнк У. Рэндолл» располагались одна над другой. Буквы отливали золотом в маленьком круге света от настольной лампы.

В доме стояла тишина. Сезон отпусков еще не начался, а немногочисленные постояльцы давным-давно спали. Брианна издала слабый стон и повернулась на другой бок. Пряди рыжих волос разметались по лицу. Одна длинная босая нога высунулась из-под одеяла, и я осторожно прикрыла ее.

Желание прикоснуться к спящему ребенку с возрастом не угасает. И не важно, что ребенок вырос, перерос мать, превратился в женщину, пусть и очень молодую, но настоящую женщину. Я убрала волосы с ее лица и нежно погладила по голове. Счастливая улыбка мелькнула и тут же исчезла. Я же продолжала улыбаться, любуясь Брианной, а потом прошептала в сонное ушко, как делала много раз:

– Боже, до чего же ты похожа на него!..

Проглотила нарастающий в горле ком – и это тоже стало уже почти привычкой – и взяла халат со спинки стула. Апрельские ночи в Шотландии страшно холодные, а залезать в теплую постель я пока не собиралась.

Я упростила хозяйку оставить в камине огонь, клятвенно обещав, что затушу его перед тем, как уйти. Затем притворила за собой дверь, бросив последний взгляд на отливающие бронзой пряди, разметавшиеся по голубому стеганому одеялу.

– Труд моей жизни... Тоже не так уж плохо, – прошептала я, стоя в темном коридоре. – Возможно, не столь солидное, но не менее роскошное издание.

В гостиной царил уютный полумрак, огонь мягко мерцал на длинных обгорелых поленьях. Я пододвинула к камину маленькое кресло, уселась и поставила ноги на решетку. Дом был полон тихих, но вполне отчетливых звуков: где-то внизу мерно гудел холодильник, рокотала и булькала вода в трубах отопления, что делало огонь в камине хоть и приятным, но все же излишеством чисто декоративного характера; изредка с шорохом проносилась за окном машина.

Но над всеми этими звуками господствовала тишина шотландской ночи. Я тоже сидела тихо, словно погружаясь в нее. Лет двадцать миновало с тех пор, как довелось испытать это ощущение. Но и теперь, спустя многие годы, утешительная власть ночи снизошла ко мне, спустившись с горных вершин.

Я сунула руку в карман халата и извлекла сложенную пополам бумажку – копию того списка, что отдала Роджеру Уэйкфилду. Читать у камина было нельзя – слишком темно, но мне и не нужно было видеть эти имена. Я расправила листок на коленях и просто смотрела на неразборчивые темные строчки. Медленно провела по ним пальцем, тихо, словно молитву, пронося каждое имя. Они в большей степени принадлежали этой холодной апрельской ночи, нежели я. И я продолжала всматриваться в тусклые язычки пламени в ожидании, что они угаснут, придет тьма и заполнит собой пустоту внутри меня.

И вот, твердя каждое имя точно заклинание, я сделала свой первый шаг назад, в пустое темное пространство, где ждали они...

Глава 2

Задача усложняется

На следующее утро Роджер вышел из куллоденского прихода со списком на двенадцати страницах и ощущением полной беспомощности. То, что сперва казалось простым делом, самой легкой частью исследования, внезапно усложнилось, на этот счет сейчас у него не было никаких сомнений.

В записях об умерших жителях Куллодена он обнаружил всего три имени из списка Клэр. И это неудивительно: в армии Карла Стюарта не велось тщательного учета прибывших и выбывших, поскольку многие члены кланов зачастую присоединялись к Красавчику принцу Чарли случайно и выходили вполне беспричинно до того, как их имена вносились в официальные реестры. Учет в шотландской армии вообще велся слабо, а к концу войны совершенно прекратился, да и какой смысл был во всех этих списках, если платить все равно нечем?

Роджер медленно сложился пополам и влез в старенький «моррис», автоматически пригнувшись, чтобы не стукнуться головой. Вынув папку из-под мышки, раскрыл ее и хмуро уставился на страницы, переписанные им с оригиналов. Вот что действительно странно, так это то, что почти все люди из списка Клэр оказались в списке другой армии.

Члены клана, служившие в одном полку, вполне могли дезертировать, предвидя надвигающуюся беду, – в этом нет ничего необычного. Нет, удивительным было совсем другое – то, что имена из перечня Клэр вдруг оказались все, полностью, в списке полка Ловата. Лорд Ловат послал своих людей в армию Стюарта много позднее.

Однако Клэр со всей определенностью заявила – и первый же взгляд на ее список подтверждал это, – что все до одного люди эти были выходцами из маленького местечка под названием Брех-Туарах, находившегося к юго-западу от земель Фрэзера, на границе с землями клана

Маккензи. Более того, она утверждала, что люди эти входили в шотландскую армию с момента битвы при Престонпансе, которая произошла в самом начале кампании.

Роджер покачал головой. Концы с концами явно не сходились. Разумеется, Клэр могла ошибиться в отношении времени, она же сама говорила, что не историк. Что же касается всего прочего... И как могли люди из местечка Брех-Туарах, никогда не дававшие клятву верности вождю клана Фрэзеров, оказаться затем в подчинении Саймона Фрэзера? Верно, что лорд Ловат был прозван Старым Лисом, и не без оснований, но Роджер сомневался, чтобы даже такой ловкач, как старый герцог, мог исхитриться и выкинуть подобный трюк.

Хмурясь, Роджер завел мотор и выехал со стоянки. Архивы, хранящиеся в Куллодене, удручающе скудны; по большей части они состояли из пространных писем лорда Джорджа Муррея, почти целиком сводившихся к проблемам военных поставок, а также обычных для всех краеведческих музеев экспонатов для туристов. Ему было этого недостаточно.

– Не вешать нос, приятель! – сказал он себе, покосившись в боковое зеркальце на повороте. – Ты должен выяснить, что случилось с теми, кто не погиб в Куллодене. Совсем не важно, как они попали туда, раз все равно все до единого покинули поле боя!

И все же это не давало ему покоя. Странные обстоятельства... С именами всегда возникала путаница, особенно в Шотландии, где половина населения могла носить одно и то же имя – к примеру, Александр. А потому, чтобы не было путаницы, людей различали по названиям мест, откуда они родом, а также по названиям кланов или прозвищам. Так, Лохиеля, одного из самых выдающихся военачальников якобитов, звали на самом деле Дональд Камерон из Лохиеля, что помогало отличить его от доброй сотни других Камеронов по имени Дональд. Всех же прочих шотландцев, кто не был наречен Дональдом или Алеком, называли Джонами.

Из тех трех имен, что он нашел в списке павших и которые совпадали со списком Клэр, одного звали Дональдом Мурреем, другого – Александром Маккензи Фрэзером и третьего – Джоном Грэхемом Фрэзером. И обозначены они были без указания, откуда родом эти люди, – просто имя с фамилией и полк, к которому были приписаны. Полк господина Ловата, полк Фрэзера.

Но если нет названия места, то как можно быть уверенным, что это люди из списка Клэр? В списке павших значилось по меньшей мере шестеро Джонов Фрэзеров. И даже он мог оказаться неполным: англичане – народ не слишком педантичный, большинство списков составлялись задним числом вождями кланов, пересчитывающими свое «поголовье» после того, как люди вернулись с войны. Зачастую и сами вожди не возвращались, что еще более запутывало дело.

Он с силой провел пальцами по волосам, словно этот массаж мог стимулировать мышление. Но если эти трое вовсе не те люди, тайна усугублялась. Ведь в сражении при Куллодене перебита добрая половина войска Карла Стюарта. А солдаты Ловата находились в самой гуще, в самом пекле сражения. Вряд ли группа из тридцати человек могла уцелеть в подобных обстоятельствах. Люди Ловата присоединились к восставшим позже других; в то время как в остальных полках дезертирство стало нормой – более опытные вояки уже сообразили, чем может кончиться дело, – сторонники Фрэзера оставались преданными ему, а потому неминуемо должны были поплатиться за свою верность.

Громкий гудок, раздавшийся сзади, вывел Роджера из задумчивости, и он съехал к краю дороги, чтобы пропустить огромный грохочущий грузовик. Нет, вождение никак не совместимо с размышлениями, решил он. Иначе он точно разобьется.

Какое-то время он сидел неподвижно, пытаясь сообразить, как действовать дальше. Его так и подмывало поехать в пансион миссис Томас и сообщить Клэр о результатах своих изысканий. Особенно соблазнительной казалась перспектива провести хотя бы несколько минут в обществе Брианны Рэндолл.

С другой стороны, инстинкт историка подсказывал, что этих данных совсем недостаточно. И он вовсе не уверен, что здесь Клэр может ему помочь. Он вообще не понимал, что заставило ее заняться этими изысканиями, к тому же дама явно снабдила его неточной информацией. В этой затее не было смысла, однако Клэр Рэндолл производила впечатление вполне разумной особы.

И потом, эта история с виски... При одном воспоминании о ней щеки у него начинали гореть. Он был уверен, что она сделала это нарочно. А поскольку она вовсе не походила на человека, склонного к подобным выходкам, напрашивался один-единственный вывод: она сделала это, чтобы он не смог пригласить Брианну в Брех-Туарах. Почему?.. То ли она не хотела, чтобы он посещал это место, то ли была против, чтобы он оказался там с Брианной. Чем дольше он размышлял об этом инциденте, тем больше склонялся к мысли, что Клэр Рэндолл что-то утаивает от дочери, но что именно, понять не мог. Еще более смутно представлял он себе причину, по которой Клэр обратилась за помощью именно к нему.

Он бы ни за что не стал заниматься этим, если б не два обстоятельства – Брианна и простое любопытство. Хотелось все же понять, что происходит, и, черт возьми, он это выяснит! Обязательно.

Он мягко стукнул кулаком по рулю, не обращая внимания на шум пролетающих мимо автомобилей. Наконец решение было принято. Он завел мотор и выехал на дорогу. На ближайшей развилке развернулся и направился к центру Инвернесса, где находился железнодорожный вокзал.

До Эдинбурга можно добраться скорым за три часа. Архивом Стюарта заведовал близкий друг священника, который наверняка поможет ему. Из списка, где упоминались имена сторонников Ловата, явствовало, что эти тридцать человек находились под командованием капитана Джеймса Фрэзера из Брех-Туараха. По всей видимости, этот человек являлся единственным связующим звеном между Брех-Туарахом и Фрэзерами Ловата. Интересно, подумал он, почему же Джеймс Фрэзер не попал в список Клэр?

Показалось солнце – редкое явление для середины апреля в этих краях, и Роджер инстинктивно подставил лицо под яркие лучи, проникавшие сквозь боковое окошко машины.

Ему пришлось заночевать в Эдинбурге, и вернулся он лишь на следующий день поздно вечером, настолько уставший после долгого путешествия, что заниматься ничем не мог, лишь съел горячий ужин, приготовленный Фионой, и лег спать. Но сегодня он проснулся полный сил и решимости и отправился на машине в маленькую деревушку Брех-Мордха, расположенную неподалеку от Брех-Туараха. Если Клэр не желает, чтобы ее дочь ездила в Брех-Туарах, то уж ему-то никто и ничто не может помешать посетить это место.

И он действительно нашел владение Брех-Туарах, вернее, предположил, что это оно, когда увидел груду камней, окружающих развалины одного из древних круглых «брохов», или башен, которые в прошлом использовались людьми как жилье и как своеобразная крепость. Он был достаточно сведущ в гэльском, чтобы понять: название это переводится как «башня, глядящая на север», и подивился, каким образом башня может глядеть только на север, если она круглая.

Главное строение и более мелкие постройки также лежали в руинах, но кое-что сохранилось. У въезда во двор красовалась табличка с именем агента по продаже недвижимости, буквы, стертые дождями и ветрами, были едва различимы. Роджер остановил машину и огляделся по сторонам. Судя по первому впечатлению, здесь не было ничего такого, что могло бы объяснить нежелание Клэр пускать сюда свою дочь.

Он припарковал «моррис» у ворот и вышел. Красивое место, но с печатью запустения. Ему понадобилось минут сорок пять осторожного маневрирования по совершенно разбитой дороге, чтобы добраться сюда, не повредив масляный бак.

В дом он не пойдет – совершенно очевидно, что он необитаем, к тому же это опасно. На дверной перемычке было вырезано имя «Фрэзер», то же имя красовалось на большинстве могильных плит во дворе. Должно быть, семейное кладбище, подумал он. Нет, ни на одной из плит не было имен, значившихся в списке Клэр. Надо было ехать не сюда, а дальше по главной дороге, к деревне Брех-Мордха в трех милях отсюда, если карта не врет.

Его опасения подтвердились: маленькая деревенская церковь давным-давно бездействовала и была заколочена. Настойчивый стук в двери вызвал лишь недоумение и подозрительные взгляды местных жителей, пока наконец какой-то пожилой фермер не высказал робкого предположения, что все приходские документы переданы в музей в Форт-Уильяме или же в Инвернесс – там вроде бы живет священник, собирающий подобную ерунду.

Усталый, весь в пыли, однако не утративший решимости, Роджер поплелся назад, к машине, оставленной на лужайке у паба. Подобного рода начало слишком часто сопутствует историческим изысканиям, так что он уже привык к этому. Быстренько выпить pintу пива, а может, и две – почему бы нет, день такой удивительно теплый, – и дальше, в путь, в Форт-Уильям.

«И поделом тебе, – мрачно размышлял он, – если эти записи действительно окажутся в архивах его преподобия. Так всегда случается с теми, кто, пренебрегая делом, пускается в разные сомнительные авантюры, лишь бы произвести впечатление на девчонку». Путешествие в Эдинбург имело лишь тот результат, что из списка пришлось вычеркнуть еще три имени, почерпнутых им из куллоденских архивов, – все эти люди принадлежали к разным полкам и не входили в группу из Брех-Туараха.

Архивы Стюарта занимали целые три комнаты, а также бесчисленные коробки в подвале музея, на тщательное их исследование рассчитывать не приходилось. Тем не менее ему удалось обнаружить дубликат списка, хранившегося в муниципалитете Куллодена, где были перечислены люди, составлявшие часть полка под командованием Ловата, сына Старого Лиса, по прозвищу Молодой Саймон. «Вот хитрый старый мерзавец, – думал Роджер. – Послал своего наследника сражаться за Стюартов, а сам отсиживался дома, оправдывая это тем, что является верным и преданным слугой короля Якова. Много ли это принесло ему добра?»

В документе был упомянут Саймон Фрэзер-младший, командир, однако о Джеймсе Фрэзере не было ни слова. Некий Джеймс Фрэзер упоминался в ряде армейских депеш и других документов. Если это один и тот же человек, то, похоже, он был очень активен. Но лишь по одному имени невозможно было установить, происходил ли он родом из Брех-Туараха. Джеймс – столь же распространенное у шотландцев имя, как Дункан или Роберт.

Он раздраженно отмахнулся от налетевшей неведомо откуда мошканы. Да на то, чтобы как следует разобраться в этих бумагах, потребуются годы! Роджер нырнул в прохладный, пахнущий дрожжами и пивом полумрак паба, оставив за порогом растерянно вьющееся облачко назойливых мошек.

Потягивая холодный горьковатый эль, он мысленно оценивал предпринятые им шаги, чтобы решить, как действовать дальше. Успеть сегодня в Форт-Уильям можно, хотя это означает, что в Инвернесс он вернется поздно. А если и в музее Форт-Уильяма не окажется ничего достойного внимания, тогда разбор архивов его преподобия, как это ни прискорбно, неизбежен.

Ну а дальше?

Роджер допил последние горькие капли и жестом попросил налить ему еще. Что ж, тогда придется обследовать каждую церковь и каждое надгробие в округе, в окрестностях Брех-Туараха. Сомнительно, правда, чтобы Рэндоллы задержались здесь в ожидании результатов на два или три года...

Он нащупал в кармане блокнот – неперенный спутник всех историков. Перед тем как уехать из Брех-Мордхи, стоит все же хоть краем глаза взглянуть, что стало со старым клад-

бищем. Никогда не знаешь, что на этих кладбищах можно обнаружить. Тогда, по крайней мере, не придется еще раз заезжать сюда специально с этой целью.

На следующий день Роджер пригласил Рэндоллов к себе на чай и представил отчет о проделанной им работе.

– Мне попалось несколько имен из вашего списка, – сказал он Клэр, провожая ее в гостиную. – Но как ни странно, я не нашел среди них ни одного, кто наверняка погиб в Куллодене. Сперва думал, что трех все же обнаружил, но то оказались совсем другие люди с другими именами.

Он взглянул на доктора Рэндолл. Она стояла с отрешенным видом, вцепившись пальцами в спинку кресла, словно забыла, где находится.

– Э-э... не присядете ли? – поспешно продолжил Роджер.

Она слегка вздрогнула, кивнула и резко опустилась на край кресла. Роджер покосился на нее с любопытством, потом все же взял папку и протянул ей.

– Как я уже говорил, это очень странно. Конечно, мне не удалось проверить все имена, для этого пришлось бы перекопать все церковные архивы и обследовать все кладбища в окрестностях Брех-Туараха. Большинство записей я обнаружил в бумагах отца. И нашел всего два или три имени, которые с уверенностью можно причислить к павшим на поле битвы, что само по себе удивительно. Особенно если учесть, что, судя по вашим словам, они принадлежали к полку Фрэзера, а этот полк оказался в самой гуще сражения, в самом его пекле.

– Знаю.

В голосе ее прозвучали нотки, заставившие Роджера удивленно взглянуть на свою гостью, но она опустила голову, погрузившись в чтение бумаг. Большинство из них были копиями, сделанными самим Роджером, поскольку ксеро- и фотокопирование было в архивах в ту пору делом почти невиданным, но здесь же находилось и несколько оригиналов, обнаруженных в бумагах священника Уэйкфилда. Она осторожно листала хрупкие шуршащие страницы, словно боялась повредить их.

– Вы правы, это странно.

Голос ее звучал взволнованно и одновременно удовлетворенно и даже с облегчением. Она в какой-то степени ожидала этого или надеялась, и надежды ее оправдались.

– Скажите... – она немного замаялась, – эти имена, что вы обнаружили... Что могло произойти с этими людьми, если они не погибли при Куллодене?

Его немного удивила ее реакция, слишком уж эмоциональная, но он покорно раскрыл свою папку.

– Двое из них оказались в списке пассажиров некоего корабля, они эмигрировали в Америку вскоре после Куллодена. Четверо умерли своей смертью примерно год спустя. Что неудивительно, ведь в ту пору разразился страшный голод и в Шотландии погибло много людей. И еще одно я отыскал в приходской книге, только не в том приходе, к которому принадлежал этот человек. И тем не менее я совершенно уверен, что он из нашего списка.

Судя по ее виду, у нее с души свалился камень.

– Вы по-прежнему хотите, чтобы я искал остальных? – спросил он, надеясь, что ответом будет «да».

Краем глаза он наблюдал за Брианной, стоявшей у матери за спиной. Она делала вид, что все это мало ее интересует, но между бровей залегла крошечная вертикальная морщинка.

Возможно, она ощущала то же, что и он, – некую ауру с трудом скрываемого волнения, исходившую от Клэр и пронзавшую пространство, словно электрический разряд. Он почувствовал это с той секунды, как Клэр шагнула в комнату. Казалось, стоит дотронуться до нее, и ударит током.

Мысли его прервал стук в дверь. Она отворилась, и вошла Фиона Грэхем, толкая перед собой сервировочный столик с чайником, чашками, салфетками, тремя видами сэндвичей, пирожными с кремом, бисквитами, тартинками с джемом и лепешками со взбитыми сливками.

– Вот это да! – воскликнула Брианна. – Это все нам или вы ожидаете еще человек десять гостей?

Клэр Рэндолл с улыбкой оглядела столик. Напряжение еще ощущалось, однако она старалась подавить его усилием воли. Роджер заметил, что одной рукой она так крепко сжимает складку на юбке, что край кольца глубоко врезался в палец.

– Да этого чая хватит, чтобы потом поститься целую неделю! – сказала она. – И как все красиво!

Фиона расцвела в улыбке. Это была низенькая, пухленькая, довольно миловидная девушка, напоминавшая куропатку. Роджер вздохнул. Он вовсе не собирался пускать своим гостям пыль в глаза, угощать их было удовольствием прежде всего для него самого. Девятнадцатилетняя же Фиона преследовала в этой жизни лишь одну цель – стать женой и домохозяйкой. Лучше всего – женой профессора. Неделю назад, едва увидев Роджера, она решила, что ассистент профессора на кафедре истории – это как раз то, что надо. Особенно если учесть скудный выбор женихов в Инвернесе.

С этого момента в него начали впихивать разные вкусности, словно откармливали рождественского гуся; ботинки его сияли, перины были взбиты, пальто и пиджаки тщательно чистились щеточкой, вечерние газеты подавались на подносе, шею массировали, стоило ему просидеть за письменным столом несколько часов кряду. Ему также задавались бесконечные вопросы о душевном и физическом самочувствии в данный момент и общем состоянии здоровья. Никогда прежде он не был окружен столь настырной и неутомимой заботой.

Короче, Фиона просто бесила его. И то, что он часто бродил по дому небритым, было своеобразным актом протеста, ответом на ее неустанную приторную заботливость, неряшливостью, в которую порой счастливы погрузиться мужчины, чтобы хоть на время ощутить себя свободными от обязанностей перед окружающими и обществом в целом.

При мысли, что его с Фионой могут когда-либо соединить священные узы брака, сердце Роджера холодело от ненависти. Да ровно через год она сведет его с ума своим квохтаньем. Он заметил, что Брианна Рэндолл задумчиво созерцает тележку с угощением, словно решая, с чего начать.

Он решил, что сегодня целиком сосредоточит свое внимание на Клэр и ее исследованиях, и избегал смотреть на Брианну. Клэр выглядела прелестно – тонкие черты, нежная, словно светящаяся кожа. С такой кожей и в шестьдесят будешь выглядеть на двадцать. Но при каждом беглом взгляде на Брианну сердце у него замирало. Какая гордая осанка, прямо как у королевы... Она не сутулилась, подобно большинству высоких девушек. Унаследовала от матери прямую спину и грацию в движениях. Но не высокий рост прежде всего привлекал внимание, а каскад длинных, до пояса, волос, отливающих то золотом, то медью, порой с янтарным, порой с лимонным оттенком. Они обрамляли лицо и спадали с плеч подобно мантии. Глаза такие темно-синие, что порой кажутся черными. Не слишком крупный, но выразительный рот, слегка припухшая нижняя губка – казалось, она так и просит поцелуя или нежного покусывания в миг любовных утех. Эти черты она, должно быть, унаследовала от отца.

Роджер был даже рад, что отца ее здесь нет, иначе бы тот наверняка прочитал его мысли. А этого он боялся больше всего на свете.

– Позвольте налить вам чаю? – любезно осведомился он и продолжал: – Великолепно, все просто чудесно! Печенье выглядит очень аппетитно, Фиона. Я... гм... не думаю, что нам понадобится что-либо еще...

Однако Фиона проигнорировала этот достаточно прозрачный намек и осталась. Добродушно кивая в ответ на комплименты гостей ее кулинарному искусству, она разложила сал-

фетки, ловко расставила чашки и блюда, налила чай, обнесла всех блюдом с пирожными и, похоже, вознамерилась торчать здесь и дальше, изображая из себя хозяйку дома.

– Вы бы намазали кремом лепешку, Родж... ой, то есть я хотела сказать, мистер Уэйкфилд, – прощепетала она и, не дождавшись ответа, добавила: – Вы такой худышка, вам надо подкормиться!

Она бросила на Брианну заговорщицкий взгляд.

– Вы же знаете, каковы мужчины! Никогда толком не поедят, если женщина о них не позаботится!

– Мистеру Роджеру очень повезло, что вы проявляете такую заботу, – вежливо заметила Брианна.

Роджер глубоко вздохнул и несколько раз хрустнул пальцами, пока желание немедленно вышвырнуть Фиону вон не улеглось.

– Фиона, – сказал он, – вы... э-э... не могли бы оказать мне одну маленькую услугу?

Лицо ее осветилось изнутри, словно фонариком, рот растянулся в услужливой улыбке.

– Конечно, Родж... то есть, это... мистер Уэйкфилд. Все, что пожелаете!

Роджеру стало немного стыдно. Но в конце концов, он поступает так ради ее же блага. Если она не уйдет, и немедленно, он может выйти из себя, наругать ей, а потом оба они будут об этом сожалеть.

– О, спасибо, Фиона! Дело в том, что я... ну, в общем, заказал... заказал... – Он судорожно старался припомнить имя хозяина сельской лавки. – Заказал табак у мистера Бьюкена на Хай-стрит. Не могли бы вы сходить и взять этот табак? Я бы с таким удовольствием выкурил трубочку после этого замечательного чая...

Фиона уже снимала фартук – нарядный, с кружевными оборками, как мрачно отметил Роджер. И с облегчением закрыл глаза, когда дверь за ней затворилась. Тот факт, что он вообще не курит, пока не всплыл. И он возобновил разговор со своими гостями.

– Вы спросили, хочу ли я, чтобы вы продолжили искать другие имена из моего списка? – напомнила Клэр.

У Роджера возникло странное ощущение, что она тоже испытывает облегчение после ухода Фионы.

– Да, хотела бы. Если, разумеется, это вас не слишком затруднит.

– О нет, нисколько, – заверил Роджер лишь с небольшой запинкой. – С радостью займусь этим.

Какое-то время его рука неуверенно парила над яствами на чайном столике и опустилась на хрустальный графинчик с виски «Мур Брим» двенадцатилетней выдержки. Он чувствовал – ему совершенно необходимо выпить после этой истории с Фионой.

– Желаете капельку? – вежливо спросил он дам и, заметив отвращение на лице Брианны, торопливо добавил: – Или чай?

– Чай! – твердо ответила Брианна.

– Ты не понимаешь, от чего отказываешься, – заметила Клэр дочери, явно наслаждаясь ароматом виски.

– Отчего же, прекрасно понимаю, – ответила Брианна. – Поэтому и отказываюсь.

Она передернулась и подмигнула Роджеру.

– А в Массачусетсе придется дожидаться, пока тебе не стукнет двадцать один год, прежде чем будешь иметь право употреблять спиртные напитки. – Клэр говорила это скорее для Роджера. – Бри надо ждать этого еще восемь месяцев. Она действительно не привыкла пить виски.

– Ты так говоришь, словно не любить виски – преступление! – возразила Брианна, улыбаясь Роджеру над чашкой.

Он приподнял брови и строгим тоном заметил:

– Но, моя дорогая, здесь Шотландия. И нелюбовь к виски – конечно же, преступление!

– Ах вот как? – воскликнула Брианна, имитируя шотландский акцент. – Остается лишь надеяться, что за это не предусмотрена смертная казнь!

Роджер рассмеялся и подавился виски. Кашляя и колотя себя кулаком в грудь, взглянул на Клэр – разделяет ли она шутку? На губах ее застыла вымученная улыбка, лицо побледнело. Затем веки ее дрогнули, улыбка стала более естественной, напряжение спало.

Роджер удивлялся, как легко и непринужденно чувствует он себя в компании дам. Они болтали о разных пустяках, говорили и об исследовании Клэр. Брианну явно интересовала работа отца, и о якобитах она знала куда больше, чем мать.

– Удивительно, что они вообще добрались до Куллодена, – сказала она. – Известно ли вам, что шотландцы выиграли битву при Престонпансе силами всего в две тысячи человек, в то время как англичан было восемь тысяч? Поразительно!

– Да, и битва в Форкерке велась примерно в тех же условиях, – подхватил Роджер. – Кажется бы, уступая в численности, плохо вооруженные, пешие, они никак не могли победить... и тем не менее победили!

– Угу, – кивнула Клэр и отпила глоток виски. – Именно.

– Я тут подумал, – нарочито небрежным тоном обратился Роджер к Брианне, – возможно, вы согласитесь посетить со мной одно из этих мест, поле битвы, что-то в этом роде?.. Там очень интересно, к тому же уверен: вы сможете оказать мне большую помощь.

Брианна рассмеялась и откинула назад волосы:

– Не знаю, как насчет помощи, но поехать мне очень хочется.

– Замечательно!

Обрадованный ее согласием, он потянулся за графином и едва не опрокинул его. Выручила Клэр – подхватила и налила ему стаканчик.

– Чтобы не разлилось, как в прошлый раз, – заметила она и улыбнулась, а он рассыпался в благодарностях.

Глядя на нее, такую спокойную и веселую, Роджер усомнился в своих подозрениях. Возможно, она разбила бокалы просто случайно, но прочесть что-либо определенное на этом холодном и красивом лице не удалось.

Через полчаса тарелки почти опустели. Графинчик – тоже, и все трое сидели сытые и довольные. Брианна, поерзав немного в кресле, взглянула на Роджера и осведомилась, где находятся «удобства».

– О, ватерклозет? Конечно, сию минуту.

И он с трудом поднялся, чувствуя, как пирожные и кексы тяжелым грузом осели в желудке. Если не избавиться от Фионы в самом скором времени, то к возвращению в Оксфорд он будет весить добрых триста фунтов.

– Заведение несколько старомодное, – объяснил он, указывая через холл на дверь в ванную. – Бачок под потолком и ручка на цепочке.

– Видела такие в Британском музее, – кивнула Брианна. – Но не в качестве экспонатов, а внизу, в дамской комнате.

Помолчав немного, она застенчиво спросила:

– Надеюсь, у вас не тот сорт туалетной бумаги, что используют в Британском музее? Потому что если тот, то у меня с собой в косметичке «клинекс».

Роджер сощурил один глаз и скосил на нее другой.

– Или же мне показалось, – пробормотал он, – или же я выпил больше, чем думал.

На деле они с Клэр вполне оценили «Мур Брим», в то время как Брианна пила только чай.

Клэр рассмеялась. Она слышала этот разговор. Встала и протянула Брианне несколько косметических салфеток из своей сумки.

– Это не какая-нибудь там воощенная бумага, где внизу стоит штамп «Собственность правительства ее величества», как в музее, однако не думаю, что намного лучше, – сказала она дочери. – Британская туалетная бумага вообще отличается жесткостью.

– Спасибо. – Брианна взяла салфетки и направилась было к двери, но обернулась. – И почему это, скажите на милость, люди, словно специально, производят туалетную бумагу, похожую больше на фольгу?

– Сердца наших людей тверды как камень, – насмешливо подхватил Роджер. – Ну а зады – из нержавеющей стали. Думаю, это способствует формированию национального характера.

– В таком случае, наверное, шотландцы вообще лишены нервных окончаний, – со смехом добавила Клэр. – У людей, способных скакать верхом в килтах⁶, кожа на задах не уступает по прочности той, из которой делают седла!

Брианна так и покатила со смеху:

– Тогда на то, что они используют в качестве туалетной бумаги, должно быть, просто смотреть страшно!

– А вот и нет, – возразила Клэр. – Листья коровяка вполне ничего, ничуть не хуже двухслойной туалетной бумаги. А зимой или в домашних условиях это обычно клочок влажной ткани. Не слишком гигиенично, зато достаточно удобно...

Роджер и Брианна с удивлением уставились на нее.

– Я... э-э... вычитала это в одной книге, – объяснила Клэр и немного покраснела от смущения.

Брианна, все еще хихикая, отправилась на поиски «удобств». Клэр осталась стоять у двери.

– Вы очень любезны – устроили нам такой роскошный прием, – с улыбкой заметила Клэр. Минутная неловкость прошла, к ней вернулись обычные спокойствие и уверенность.

– И огромное вам спасибо за то, что удалось выяснить интересующие меня детали, касающиеся этих людей.

– Сущие пустяки, – ответил Роджер. – Приятно было отвлечься от паутины и нафталиновых шариков. Как только удастся выяснить о якобитах что-то еще, тут же дам вам знать.

– Спасибо.

Немного помолчав, Клэр глянула через его плечо и, понизив голос, добавила:

– Пользуясь тем, что Бри вышла... я хотела бы кое о чем попросить вас. Но только между нами.

Роджер откашлялся и поправил галстук, который нацепил по случаю прихода гостей.

– Прошу, говорите, – произнес он бодро, чувствуя, что чаепитие удалось как нельзя лучше. – Я всецело к вашим услугам.

– Вы пригласили Бри сопровождать вас в поездке... Там есть одно место, которое... Я не хотела бы, чтобы она посещала его... Если вы, конечно, не против.

Сигнал тревоги снова зазвучал в голове Роджера. «Чего она боится? Что я узнаю какой-то секрет о Брех-Туарахе?»

– Каменные столбы... они называются Крэг-на-Дун. – Лицо Клэр приняло серьезное, озабоченное выражение, и она придвинулась еще ближе. – Причина очень веская, иначе бы я не просила... Я хочу отвезти Брианну туда сама. И боюсь, что сейчас не смогу сказать вам, почему именно. Настанет время, и вы все узнаете. Только не теперь. Обещаете?

Мысли Роджера смешались. Так значит, вовсе не в Брех-Туарах не хочет Клэр пускать дочь. Одна загадка разъяснилась, но на смену ей пришла другая, еще более таинственная.

– Как скажете, – ответил он после паузы. – Конечно.

– Благодарю.

⁶ Килт – клетчатая юбка, национальный костюм шотландского горца.

Она легонько прикоснулась к его руке и тут же отошла. Ее силуэт, вырисовывавшийся на фоне окон, напомнил ему кое о чем. Возможно, не самый удобный момент задавать этот вопрос, но ведь он вполне невинный.

– О, доктор Рэндолл... Клэр...

Она обернулась. Сейчас, когда в комнате не было Брианны, он с особой остротой вдруг почувствовал, сколь красива на свой лад Клэр. Лицо ее раздурманилось от виски, а глаза приобрели необычный золотисто-коричневый оттенок и напоминали отполированный янтарь.

– Во всех документах, что я просматривал в связи с этими людьми, – начал Роджер, осторожно подбирая слова, – упоминается некий капитан Джеймс Фрэзер, похоже, он был их командиром. Но в вашем списке его имя отсутствует. И я просто хотел спросить, что вам о нем известно.

На секунду она словно окаменела. И стояла совершенно неподвижно, что напомнило Роджеру ее странное поведение во время первой их встречи. Затем слегка пожала плечами и ответила нарочито спокойным тоном:

– Да... Я о нем знаю. – Голос звучал ровно, но краска отхлынула от лица, и Роджер заметил, как на шее у нее дрожит и бьется маленькая жилка. – Я не внесла его в список потому, что и без того знаю, что с ним произошло. Джеймс Фрэзер погиб при Куллодене.

– Вы уверены?

Словно собираясь выбежать из комнаты, Клэр Рэндолл нервно схватила сумку и бросила взгляд в коридор, откуда донесся скрежет дверной ручки, что означало, что Брианна вот-вот выйдет.

– Да, – ответила она не оборачиваясь. – Совершенно уверена. О, мистер Уэйкфилд... то есть Роджер...

Она отпрянула, не сводя с него странных золотистых глаз. При этом освещении они кажутся почти желтыми, подумал он, глаза большой кошки или леопарда.

– Прошу вас, пожалуйста, только не упоминайте имени Джеймса Фрэзера в присутствии моей дочери!

Было уже довольно поздно, и, хотя ему следовало бы давно находиться в постели, Роджер не спал, просто не мог уснуть. То ли Фиона вывела его из равновесия, то ли противоречивое поведение Клэр. То ли так взволновала перспектива отправиться вместе с Брианной Рэндолл в поездку, но сон все не приходил и, похоже, не собирался прийти вовсе. И вот, вместо того чтобы вертеться в постели с боку на бок или считать овец, он решил употребить бессонницу себе на пользу и заняться разбором бумаг его преподобия. Возможно, это скучное занятие все же нагонит сон.

Свет в комнате Фионы, находившейся в другом конце коридора, все еще горел, и он на цыпочках поднялся вверх, стараясь ее не беспокоить. Включил лампу в кабинете и секунду стоял в задумчивости, пытаясь оценить масштаб предстоящей ему работы.

Размещение книг, бумаг и прочих предметов отражало склад характера священника Уэйкфилда. Часть помещения занимал огромный, размером двадцать на двенадцать футов, стеллаж. Впрочем, самого стеллажа не было видно: все было завалено кипами бумаг, фотографий, листками ксерокопий, счетами, рецептами, птичьими перьями, обрывками конвертов с наклеенными на них интересными марками, визитками с адресами, связками ключей, открытками, резинками и прочими мелочами, громоздящимися друг на друге или висящими в связках. Мелочей этих были горы, но его преподобие всегда безошибочно знал, куда следует запускать руку, чтобы извлечь нужный ему предмет. Роджеру пришло на ум, что вся эта свалка была не случайным скопищем вещей, а хранилищем, организованным в соответствии с неким научным принципом, настолько хитроумным и сложным, что даже ученые из НАСА не смогли бы приблизиться к его разгадке, пусть даже чисто теоретически.

Он с робостью озирал этот айсберг. Разве можно понять, откуда лучше начать? Вытянул наугад ксерокопию расписания заседаний Генеральной ассамблеи ООН – такие рассылала епископальная служба, – и тут же его внимание привлек находившийся под ней карандашный рисунок. Дракон с картинными клубами дыма, вырывающимися из раздутых ноздрей, с зелеными языками пламени, изрыгаемыми широко разинутой пастью.

Внизу неровными печатными буквами было выведено: «Роджер». И он вдруг вспомнил, как объяснял кому-то из взрослых, почему огонь из пасти дракона зеленый. Потому что тот питается одним только шпинатом... Он сунул расписание заседаний ООН обратно в кучу и отвернулся. Нет, этим он займется позже.

Гигантский дубовый письменный стол – бюро с убирающейся крышкой и минимум пятью десятками битком набитых ящиков и ячеек, напоминающих слоеный пирог. Со вздохом Роджер придвинул к столу расшатанное старое кресло и сел, решив сперва разобрать документы, которые его преподобие считал достойными хранения.

В одном ящике – неоплаченные счета. В другом – разные деловые бумаги: документы на автомобили, отчеты, акты о приемке строительных объектов. Еще один заполнен историческими записями и документами. Отдельно были сложены семейные реликвии. И наконец, еще в одном, самом вместительном ящике хранилась всякая ерунда.

Целиком погрузившись в свое занятие, он не услышал, как дверь за спиной скрипнула и раздались шаги. Внезапно на столе перед ним возник большой чайник.

– Что?

Он вздрогнул и выпрямился.

– Вот, подумала, может, вы чайку захотите, мистер Уэйк... то есть Роджер.

И Фиона поставила рядом с чайником маленький поднос с чашкой, блюдцем и тарелочкой с бисквитами.

– О, спасибо...

Он и в самом деле проголодался и одарил Фиону дружеской улыбкой, отчего ее круглые щеки зарозовели. Ободренная такой реакцией, она осталась и, присев на уголок стола, стала наблюдать, как он, продолжая просматривать бумаги, поедает шоколадные бисквиты.

Смутно понимая, что следует как-то реагировать на ее присутствие, Роджер приподнял в руке надкусанный ломтик бисквита и заметил:

– Вкусно!

Фиона покраснела еще гуще.

– Правда? Сама испекла.

А вообще-то она довольно симпатичная девушка, эта Фиона... Маленькая, кругленькая, с темными кудряшками и широко расставленными карими глазами. Он вдруг поймал себя на мысли, что Брианна вряд ли умеет готовить, и тряхнул головой, чтобы отогнать ее образ.

Приняв этот его жест за выражение сомнения, Фиона пододвинулась поближе.

– Нет, правда, – сказала она. – Это еще бабушкин рецепт. Она всегда говорила, что священник просто обожает этот кекс.

Карие глаза слегка затуманились.

– Она оставила мне все свои рецепты, кулинарные книги и все такое прочее... Я ведь единственная внучка, понимаете?

– Очень печально, что ваша бабушка умерла, – вполне искренне заметил Роджер. – Надеюсь, она не слишком страдала?

Фиона скорбно кивнула:

– О нет. Прямо как гром среди ясного неба... Только поужинала и говорит: «Что-то я устала...» И пошла в спальню. – Девушка беспомощно пожала плечами. – Легла, заснула и больше не проснулась.

– Что ж, это хороший конец, – сказал Роджер. – Я рад, что она не мучилась...

Миссис Грэхем поселилась в доме задолго до того, как там впервые появился Роджер, робкий, только что осиротевший мальчуган пяти лет. Уже тогда она была пожилой дамой, вдовой со взрослыми детьми, и обильно изливала на Роджера материнскую, хоть и не лишённую строгости любовь, когда тот приезжал гостить на каникулы. Она с его преподобием являли собой довольно странную парочку, впрочем, им удавалось создать в этом старом особняке по-настоящему домашнюю, теплую и уютную атмосферу.

Растроганный воспоминаниями, Роджер легонько сжал руку Фионы в своей. Она ответила тем же; карие глаза внезапно приобрели томное выражение. Маленький, напоминающий бутон розы ротик приоткрылся, и она всем телом подалась вперед, так что Роджер ощутил на щеке ее теплое дыхание.

– Спасибо вам, – пробормотал он и выдернул руку из ее горячей ладошки. – Огромное спасибо. За... э-э... чай... и все остальное. Все было так хорошо, просто чудесно... Да, чудесно. Спасибо.

Он отвернулся и торопливо потянулся за новыми бумагами, желая скрыть замешательство. Схватил наугад торчавшую из ящика пачку газет. Развернул пожелтевшие страницы и разложил их перед собой на столе, прижимая ладонями. Приняв сосредоточенный вид, нахмурился и склонился над побледневшим от времени текстом. Через минуту Фиона с глубоким вздохом поднялась; он услышал, что она идет к двери, но не поднял головы.

Роджер в свою очередь испустил глубокий вздох облегчения, прикрыл глаза и возблагодарил Бога за избавление. Да, Фиона привлекательная женщина. Да, она, несомненно, прекрасная кухарка. Но она любопытна, настырна, действует на нервы и, по всему видно, твердо настроена на замужество. Стоит ему еще раз прикоснуться к этой розовой плоти, и через месяц придется оглашать в церкви имена брачующихся. Но уж если дело дойдет до оглашения, то в приходской книге рядом с именем Роджера Уэйкфилда может появиться только одно имя – Брианна Рэндолл, если, конечно, он, Роджер, не имеет ничего против...

Интересно, как это он может быть против? С этой мыслью Роджер открыл глаза и тут же растерянно заморгал. Потому что перед ним, в газете, было то самое имя, которое только что пригрезилось ему на страницах брачного свидетельства, – Рэндолл.

Нет, конечно, не Брианна Рэндолл. Клэр Рэндолл. Вверху заголовок: «Возвращение из мертвых». А под ним – фотография Клэр, только лет на двадцать моложе. Впрочем, на ней она не сильно отличалась от нынешней Клэр, если не считать выражения лица. Она сидела в больничной постели, волосы взъерошены и развеваются, как знамена, тонкие губы сжаты в плотную линию, удивительные глаза сверкают и смотрят прямо в объектив.

Совершенно потрясенный, Роджер начал торопливо перебирать вырезки, затем стал читать. Газетчики явно старались раздуть из этой истории целую сенсацию, но фактов было мало.

Клэр Рэндолл, жена известного историка доктора Франклина У. Рэндолла, пропала в Шотландии во время своего отпуска. Случилось это в Инвернесе, в конце весны 1945 года. Машину ее нашли, но сама женщина бесследно исчезла. Все поиски оказались напрасными; наконец полиция и отчаявшийся муж пришли к печальному выводу, что Клэр Рэндолл, должно быть, погибла от руки какого-то бродяги, а тело ее спрятали среди скал и камней.

И вот в 1948 году, через три года после исчезновения, Клэр Рэндолл объявилась. Ее обнаружили, грязную, оборванную, в каких-то лохмотьях, бродившей вблизи того места, где она пропала. Она была цела и невредима, хотя и сильно истощена, однако, похоже, плохо осознала, что с ней и где она находится. Речь Клэр была бессвязной.

Мысль о том, что Клэр Рэндолл может бессвязно выражаться, заставила Роджера удивленно приподнять брови, и он продолжил просматривать вырезки. Но помимо информации, что миссис Рэндолл поместили в местную больницу оправляться от потрясения, он мало что

извлек из них. Попались фотографии мужа, который был «вне себя от радости». Впрочем, на них он скорее выглядел таким же потрясенным. Да и можно ли было упрекнуть его в этом?

Роджер с любопытством рассматривал фотографии. Фрэнк Рэндолл, стройный, красивый, аристократической внешности мужчина. Темноволосый, со шеголеватой грацией, читавшейся в каждом изгибе тела, он стоял у входа в больницу, застигнутый репортером в тот момент, когда собирался навестить свою вновь обретенную жену.

Роджер внимательно разглядывал длинный, четко очерченный подбородок, наклон головы и внезапно осознал, что ищет сходство Брианны с отцом. Заинтригованный этой мыслью, он поднялся и взял с полки одну из книг Фрэнка Рэндолла. Там, на задней стороне обложки, нашел более четкую фотографию. Нет, волосы у него не рыжие, а темно-каштановые. Должно быть, она унаследовала эту сверкающую гриву от бабушки или дедушки, и темно-синие глаза с кошачьим разрезом – тоже. У матери ее красивые глаза, но совсем другие. И у отца тоже другие. Сколько он ни старался уловить хоть малейшее сходство этой рыжеволосой богини со знаменитым историком, ему это не удалось.

Со вздохом он отложил книгу и собрал газетные вырезки. Хватит заниматься всякой ерундой, пора и за дело, иначе придется заниматься разборкой бумаг не меньше года.

Он уже складывал вырезки в папку, как вдруг на глаза ему попался заголовок: «Похищена феями?» И не столько сам заголовок, сколько дата под ним: «6 мая 1948 года».

Роджер осторожно опустил на стол вырезку, словно то была бомба, готовая взорваться в руках. Закрыв глаза и припомнил сегодняшнюю беседу. «А в Массачусетсе придется дожидаться, пока тебе не стукнет двадцать один год, – сказала Клэр. – Брианне ждать еще восемь месяцев». Выходит, ей двадцать? Брианне Рэндолл двадцать...

Быстро отсчитать назад в уме пресловутые девять месяцев он не смог. Подошел к «вечному» календарю, которым пользовался викарий, припиленному к стенке там, где нашлось свободное место. Отыскал дату и замер с пальцем, прижатым к календарю, лицо его побледнело.

Клэр Рэндолл вернулась после своего таинственного исчезновения оборванной и истощенной, бормочущей бессвязно какие-то слова и... беременной.

В конце концов Роджеру удалось заснуть, но после бессонной ночи проснулся он поздно и с тяжелой головой. Не помогли ни холодный душ, ни щебет Фионы за завтраком.

Он чувствовал себя так скверно, что отложил работу и решил прогуляться. Моросил мелкий дождик, но свежий воздух сделал свое дело – головная боль почти прошла. Правда, это возымело и отрицательный эффект: мысли его прояснились и он снова начал размышлять о своем ночном открытии.

Брианна ничего не знает. Это совершенно очевидно, судя по тому, как она говорит о своем покойном отце, вернее, о человеке, которого считает отцом. О Фрэнке Рэндолле. И очевидно, что Клэр не хочет, чтобы дочь знала, иначе бы давно рассказала ей обо всем. Или же их нынешнее путешествие в Шотландию должно послужить прелюдией к разговору? Ее настоящим отцом был, вероятно, какой-нибудь шотландец, ведь Клэр исчезла, а потом появилась именно в Шотландии. Интересно, он все еще здесь?

Поразительная мысль! Неужели Клэр привезла дочь в Шотландию специально, чтобы познакомиться с настоящим отцом? Роджер с сомнением покачал головой. Нет, это чертовски рискованно – проводить такие эксперименты. Это посеет в душе Брианны лишь боль и смятение, да и в душе самой Клэр тоже. К тому же может ли тот человек занять место покойного? Ведь девушка была очень привязана к Фрэнку, это очевидно. Как она поведет себя, узнав, что человек, которого она так любила и идеализировала всю свою сознательную жизнь, вовсе ей не отец?

Роджер ощутил острое чувство жалости к ней и к себе тоже. Не стоило ему влезать во все это, лучше было оставаться в счастливом неведении. Ему нравилась Клэр Рэндолл, очень нравилась, и просто претила мысль о том, что она могла изменить мужу. Впрочем, он тут же укорил себя за столь старомодную сентиментальность. Как знать, возможно, она была несчастна с Фрэнком Рэндаллом? Возможно, у нее имелись все основания сбежать с другим мужчиной? Но почему же она тогда вернулась?..

Вспотевший и мрачный Роджер побрел обратно к дому. Повесил пиджак в прихожей и отправился в ванную. Иногда ванна очень помогала успокоиться, а он так нуждался в успокоении.

Он провел рукой по ряду вешалок в гардеробе в поисках своего изрядно поношенного махрового халата. После секундного колебания полез в дальний угол, расталкивая вешалки, пока не нащупал то, что искал. С нежностью глядел он на потрепанный домашний халат. Желтый шелк подкладки выцвел, но разноцветные павлины были по-прежнему великолепны – величественно расправив свои красочные хвосты, они смотрели на него маленькими глазками, напоминая черные бусинки. Он поднес мягкую ткань к носу и глубоко вздохнул, прикрыв глаза. Слабый аромат «Боркум Рифф» и пролитого виски так живо напомнил ему преподобного Уэйкфилда, как ничто другое.

Сколько раз вдыхал он этот умиротворяющий запах с оттенком одеколona «Олд Спайс», прижимаясь лицом к гладкому и скользкому шелку, а полные руки приемного отца обнимали его, словно защищая от всех бед и суля надежное прибежище! Всю остальную одежду священника он отдал «Оксфаму», но с халатом расстаться не смог.

Действуя чисто импульсивно, он накинул халат на голые плечи, дивясь его легкости и теплоте. Ткань ласкала кожу, словно нежные пальцы. Он слегка подвигал плечами, наслаждаясь этим ощущением, плотнее запахнул халат и завязал пояс небрежным узлом.

Настороженно озираясь, не видно ли поблизости Фионы, он прошел через холл в ванную. Газовая колонка размещалась наверху, в изголовье ванны, словно страж и хранитель священной воды, надежный, приземистый и вечный. Снова вспомнилось детство – боязнь поднести спичку к горелке, чтобы включить газ и нагреть воду. Над головой с угрожающим шипением и свистом выходил газ, руки не слушались, потные и скользкие от страха, что в любой момент газ взорвется и тогда смерть неминуема. Он чиркал спичку за спичкой по металлической поверхности.

Уже давно загадочные внутренности колонки подверглись реконструкции, и она действовала теперь автоматически, мирно бурчащая горелка была надежно упрятана под металлическим кожухом. Роджер до отказа повернул треснутый кран горячей воды, до половины открыл холодный и в ожидании, пока наполнится ванна, принялся изучать себя в зеркале.

Вроде бы и не так плох собой, подумал он, втягивая живот и выпрямляясь перед высоким, в человеческий рост, зеркалом, вставленным в дверь. Крепкий. Стройный. Длинноногий, но не долговязый. Возможно, чуточку костляв в плечах. Он критически прищурился и изогнулся всем телом.

Провел рукой по жестким черным волосам, торчавшим на затылке, как щетина кисточки для бритья, пытаясь представить себя с бородой и длинными волосами, как ходят теперь некоторые из его студентов. Пойдет ли это ему или, напротив, состарит?.. А может, вставить в ухо серьгу? Тогда он станет похожим на пирата, как Эдвард Тич или Генри Морган. Он грозно свел брови и оскалил зубы...

– Грррр, – сказал он отражению.

– Мистер Уэйкфилд? – ответило отражение.

Роджер испуганно отпрянул и пребольно ушиб палец ноги о выступ ножки ванны в виде когтистой лапы.

– Ой!

– Вы в порядке, мистер Уэйкфилд? – спросило зеркало. Фарфоровая ручка двери задергалась.

– Конечно, в порядке! – рявкнул он злобно. – Уходите, Фиона! Я принимаю ванну.

Из-за двери послышался смешок:

– Да, по два раза на дню! Не пижонство ли это, а? Может, хотите мыло с лавровишней? Оно там, в шкафчике.

– Нет, не хочу! – огрызнулся он.

Вода наполнила ванну до половины, и он завернул краны. Настала умиротворяющая тишина, и он глубоко вдохнул пар в легкие. Слегка морщась, ступил в горячую воду и медленно погрузился в нее, чувствуя, как на лице выступили мелкие капельки пота.

– Мистер Уэйкфилд?

Голос вернулся снова. Она ворковала за дверью, словно малиновка.

– Уйди, Фиона, – буркнул он, вытягиваясь в полный рост. Горячая вода омывала тело, ласкала кожу, словно руки возлюбленной. – У меня все есть!

– Нет, нету.

– Нет, есть!

Взгляд скользнул по целому строю бутылочек, банок и прочих принадлежностей, расставленных на полке. Шампунь трех видов. Кондиционер для волос. Крем для бритья. Бритва. Мыло для тела. Мыло для лица. Лосьон после бритья. Одеколон. Дезодорант...

– Мне ничего больше не нужно, Фиона!

– А полотенца? – нежно спросил голос.

В отчаянии он принялся озиаться в поисках полотенец, но не обнаружил ни одного. Закрыв глаза, стиснул зубы и начал считать до десяти. Этого оказалось недостаточно. Пришлось считать до двадцати. Наконец бешенство, охватившее его, немного улеглось, и он произнес как можно спокойнее:

– Хорошо, Фиона. Принесите и положите у двери. И пожалуйста... пожалуйста, прошу вас, Фиона, уходите!

Шорох за дверью сменился звуком удаляющихся шагов. С облегчением вздохнув, Роджер полностью отдался радостям уединения. Тишина... Покой... Фионы нет.

Теперь, размышляя более хладнокровно о своем удивительном открытии, он вдруг понял, что ему страшно хочется знать, кем же он был, этот таинственный настоящий отец Брианны. Судя по внешности девушки, человек этот обладал редкостными физическими данными и привлекательностью. Но было ли этого достаточно, чтобы соблазнить такую женщину, как Клэр Рэндолл?

Был ли он шотландцем, настоящий отец Брианны? Жил ли – а может, и теперь живет – в Инвернесе? Возможно, именно присутствием этого человека где-то поблизости объясняется нервозность Клэр и ее таинственность. Но как это соотносится с ее странной просьбой? Ведь она просила его не брать Брианну на Крэг-на-Дун, не упоминать имени капитана из Брок-Туараха в ее присутствии. Почему?

Следующая мысль настолько поразила его, что он резко сел, расплескивая воду. А что, если ее интересовал вовсе не воин-якобит XVIII века, а лишь его имя? Что, если человека, являющегося настоящим отцом ее дочери, тоже звали Джеймсом Фрэзером? Это ведь довольно распространенное в Шотландии имя.

Да, решил он, это все объясняет. Что же касается стремления Клэр самой показать дочери круг из каменных столбов, то, возможно, это также каким-то образом связано с тайной происхождения девушки. Может, именно там встретила Клэр этого человека, именно там была зачата Брианна Рэндолл? Он знал, что у каменных столбов принято назначать свидания. Он и сам, будучи старшеклассником, не раз встречался там с девушками в надежде, что некая аура

языческих таинств заставит их держаться более раскованно. И надо сказать, что расчет этот срабатывал безотказно.

Он вдруг с необычайной отчетливостью представил себе красивые белые ноги Клэр Рэндолл, в дикой судороге страсти обхватившие обнаженное мускулистое тело рыжеволосого мужчины. Тела, скользкие от дождя, в стеблях травы, извивающиеся в экстазе... Видение это настолько потрясло его, что он вдруг почувствовал, что весь дрожит, а по груди струйками стекает пот, смешиваясь с горячей водой в ванне.

Господи!.. Как же он посмотрит теперь в глаза Клэр Рэндолл, когда они встретятся в следующий раз? Что он скажет Брианне при этой встрече? «Читали в последнее время что-нибудь интересное? Видели какой-нибудь хороший фильм? Известно ли вам, что вы – незаконнорожденная?»

Он покачал головой, пытаясь отогнать эти мысли. Суть в том, что он не знает, как быть дальше. Так все запуталось!.. Ему вовсе не хочется участвовать во всем этом, и однако он участвует. Ему нравится Клэр Рэндолл, нравится Брианна Рэндолл – нет, больше чем просто нравится, это следует признать. Ему хотелось защитить ее, уберечь от боли. Но как это сделать, он не знал. Все, что ему оставалось, – это держать рот на замке, пока Клэр Рэндолл не осуществит то, что задумала. А потом начать подбирать осколки...

Глава 3 Матери и дочери

Интересно, сколько же в Инвернесе маленьких уютных лавок и магазинчиков? По обе стороны Хай-стрит, насколько хватал глаз, тянулись бесчисленные кафе и лавочки, торгующие сувенирами для туристов. С тех пор как королева Виктория сделала Шотландию безопасной для туристов, они потоком хлынули на север и количество их с каждым годом возрастало. Шотландцы, не ожидавшие со стороны юга ничего, кроме военного или политического вмешательства, достойно встретили это нашествие.

Буквально на каждом шагу на главной улице любого шотландского городка попадались магазины и киоски, торгующие песочным печеньем, эдинбургской карамелью, платочками с вышитыми на них трилистниками, игрушечными волынками, клановыми кокардами из алюминия, открывалками в виде палашей, кошельками для мелочи в форме шотландских сумок, отделанных мехом, а иногда еще и украшенных брелоками в виде миниатюрной фигурки шотландца. Повсюду пестрели разнообразнейшие клетчатые ткани и изготовленные из них предметы – от кепи, галстуков и салфеток до мужских панталон «бьюкенен» совершенно чудовищного желтого цвета.

Разглядывая горы чайных полотенец с примитивным изображением лох-несского чудовища, распевającego «Auld Lang Syne»⁷, я подумала, что Виктория за многое должна ответить.

Брианна медленно шла по узкому проходу в лавке и, запрокинув голову, с изумлением разглядывала свисающие с балок сувениры.

– Как думаешь, они настоящие? – спросила она, указывая на рога горного оленя, торчащие среди целого леса басовых трубок волынок.

– Рога? О да, разумеется. Не думаю, что местная технология изготовления пластиковых изделий достигла таких высот, – ответила я. – И потом, взгляни на цену! Все, что стоит свыше сотни фунтов, имеет право претендовать на подлинность.

Глаза Брианны расширились, она опустила голову:

– Господи... Слушай, может, тогда купить Джейн вместо них отрез шотландки на юбку?

⁷ Старые добрые времена (гэльск.).

– Настоящая шерстяная шотландка стоит не меньше, – сухо зато заметила я. – Правда, удобнее будет везти домой в самолете. Давай заглянем в магазин готовых юбок, там всегда продавались вещи лучшего качества.

Начался дождь – как же в Шотландии без него? – и мы сунули свои пакеты в оберточной бумаге под плащи, надетые по моему настоянию. Неожиданно Брианна прыснула:

– Мы так привыкли называть эти штуки «мак»⁸, что уже забыли, как они называются на самом деле! Нисколько не удивлюсь, если это шотландское изобретение, – добавила она, глядя, как с края капюшона стекает вода. – Здесь что, все время идет дождь?

– Не все время, но очень часто, – ответила я, всматриваясь, не видно ли приближающихся машин. – Хотя я всегда подозревала, что этот мистер Макинтош был изрядным неженкой. Большинство шотландцев – это я точно знаю – вполне терпимы к дождю...

Тут я прикусила губу, но Брианна, похоже, не заметила обмолвки. Она смотрела на бурный поток воды, бегущий вдоль обочины и с грохотом исчезающий в сточной канаве.

– Слушай, мама, давай лучше пойдем к переходу. Здесь нам не перебраться.

Кивнув в знак согласия, я последовала за ней по улице. Сердце тревожно билось.

«Боже, доколе же это будет продолжаться? – спрашивала я себя. – Сколько можно следить за своей речью, спохватываясь, замолкать на полуслове? Почему бы не сказать ей прямо сейчас?»

Еще не время, твердила я себе. Я не трусиха. А если даже и трусиха – плевать! Но еще не время. Пусть сперва посмотрит Шотландию. И не эту ерунду (мы как раз проходили мимо витрины, где были выставлены детские тубельки из клетчатой ткани) – нет, пусть посмотрит на окрестности, природу... Больше всего на свете мне хотелось бы поведать ей, чем закончилась история. Но для этого мне необходим Роджер Уэйкфилд...

Тут, словно мысли мои материализовались, наше внимание привлек старенький «моррис» с оранжевым верхом на стоянке слева от нас, яркий, будто цветок мака на сером туманном фоне.

Брианна тоже заметила его – в Инвернесе не так много автомобилей столь специфического цвета и в таком плачевном состоянии – и, указав на него, воскликнула:

– Гляди, мама, а это машина не Роджера Уэйкфилда?

– Да, кажется, – ответила я.

Справа находилось кафе, откуда доносился аромат свежее испеченных ячменных лепешек, горячих тостов и кофе, растворявшийся в пропитанном влагой воздухе. Я схватила Брианну за руку и направилась к кафе.

– Знаешь, я что-то проголодалась, – заметила я. – Давай выпьем какао с бисквитами.

Любого ребенка можно соблазнить сладким, к тому же они голодны почти все время. Бри спорить не стала и, войдя в кафе, села и взяла со стола закапанный чаем листок бумаги, служивший меню.

Не то чтобы мне так хотелось какао. Просто нужно было время немного подумать, сосредоточиться. На бетонной стене автостоянки красовалась надпись: «Парковка машин только для отъезжающих с вокзала», ниже перечислялось, что грозит владельцам транспортных средств, осмелившихся оставить здесь свою машину и не имевших при этом билета на поезд. Или Роджер больше знал о порядках и законах в Инвернесе, чем я, или же действительно сел на поезд. Да, похоже, он всерьез вознамерился заняться этим исследованием, бедный мальчик...

Сами мы прибыли поездом из Эдинбурга. Я пыталась вспомнить расписание, но безрезультатно.

⁸ Сокр. от «макинтош», по имени изобретателя этого вида плаща.

– Интересно, вернется ли Роджер вечерним поездом? – сказала Брианна, словно прочитав мои мысли, отчего я едва не подавилась какао.

Тот факт, что ее заботит приезд Роджера, заставляет подозревать мою девочку в некотором равнодушии к молодому человеку.

А может, даже больше чем просто равнодушии?..

– Я тут подумала, – небрежно продолжила она, – наверное, надо купить Роджеру какой-нибудь подарок, раз уж мы все равно ходим по магазинам? В благодарность за помощь.

– Неплохая идея. А как думаешь, что бы ему понравилось?

Она, задумчиво хмуря брови, уставилась в чашку, словно хотела отыскать там ответ.

– Не знаю. Что-нибудь хорошее... Ведь похоже на то, что ему придется изрядно повозиться с этими исследованиями.

Вдруг она подняла на меня глаза.

– Почему ты попросила об этом именно его? Есть специальные службы, которые занимаются поиском людей, генеалогией и прочим. Папа обращался в компанию «Скотсерч», когда ему надо было установить чью-то генеалогию, а времени заняться этим самому не было.

– Не знаю, – ответила я и глубоко вздохнула: мы ступили на скользкую почву. – Это исследование... отец придавал ему большое значение. Это он хотел, чтобы Роджер Уэйкфилд занялся им.

– О-о...

Она помолчала немного, следя за жемчужными каплями дождя, сползающими по оконному стеклу.

– Ты скучаешь по папе? – спросила она вдруг и снова наклонилась к чашке: ресницы опущены, глаза избегают моего взгляда.

– Да. – Я провела пальцем по ободку своей чашки, вытирая следы какао. – Мы не всегда с ним ладили, знаешь ли, но в целом... Да, мы уважали друг друга, а это уже очень много. И любили друг друга, несмотря ни на что. Да, я по нему скучаю.

Она, не произнося ни слова, кивнула, накрыла мою руку ладонью и легонько стиснула. Я обхватила ее длинные теплые пальцы, и с минуту мы сидели вот так, в молчании, попивая какао.

– Знаешь, – сказала я наконец и отодвинула скрипнувший по линолеуму металлический стул, – я совсем забыла. Хотела отправить письмо в клинику. Собиралась, когда мы выходили, а потом просто вылетело из головы. Думаю, если побегу прямо сейчас, то успею до закрытия. А ты тем временем сходила бы в магазин юбок, это недалеко отсюда, на той стороне улицы. Я же только загляну на почту – и тут же к тебе.

Похоже, Бри была немного удивлена, однако с готовностью кивнула:

– Ладно. А почта далеко отсюда? Ты ведь промокнешь!

– Не волнуйся. Возьму такси.

Я оставила на столе фунтовую бумажку, расплатиться за еду, и влезла в макинтош.

В большинстве городов таксистов отличает манера исчезать с улиц вместе со своими машинами, как только начинается дождь. Но в Инвернесе такие экземпляры попадаются редко. Не успела я пройти и квартала, как обнаружила два приткнувшихся возле отеля приземистых черных таксомотора и скользнула в теплое, пропахшее табаком нутро одного из них с радостным чувством узнавания. Мало того что в здешних такси больше места, чтобы вытянуть ноги, и удобнее, чем в американских, в них и пахнет совсем по-другому. Я сама не понимала, как соскучилась по ним за эти двадцать лет.

– Номер шестьдесят четвертый? Такой старый дом?

Несмотря на то что печка в машине работала, водитель был в теплой куртке, укутан шарфом до ушей, а голову прикрывало от сквозняков плоское кепи.

Да, современные шотландцы превратились в настоящих неженков, подумала я, совсем не то что прежнее поколение, здоровяки. Те могли спать хоть на земле, поросшей вереском, в одной рубашке, прикрывшись пледом. С другой стороны, самой мне, например, вовсе не улыбается перспектива спать в вереске под сырым пледом.

Я кивнула водителю, и машина, со всплеском врезаясь в лужи, отъехала от тротуара.

Конечно, это не очень красиво – влезать в чужой дом в отсутствие хозяина, чтобы побеседовать с экономкой. И к тому же обманывать Брианну. Но объяснить всем им, чем я занимаюсь, так трудно, почти невозможно... Я еще не решила, когда и как скажу им все то, что должна сказать, однако сейчас еще не время.

Пальцы нащупали во внутреннем кармане макинтоша твердый уголок конверта из «Скотсерч». Не слишком внимательно следя за работой Фрэнка, я тем не менее знала о существовании этой фирмы, где работало с полдюжины экспертов-профессионалов, специализирующихся на генеалогии шотландцев. «Скотсерч» вовсе не походила на контору, где вам выдавали рисунок генеалогического древа, демонстрирующего степень вашего родства с Робертом Брюсом⁹, и считали при этом свой долг выполненным.

Они провели свои, как всегда тщательные и конспиративные, исследования по Роджеру Уэйкфилду. Теперь я знала, кто были его родители и прародители до седьмого, а то и восьмого колена. Но я еще не знала, из какого материала сделан этот молодой человек. Время покажет...

Я расплатилась с таксистом и прошлепала по лужам ко входу в дом священника. На крыльце было сухо, и я успела отряхнуться, прежде чем на мой звонок ответили.

Фиона, отворившая дверь, расцвела в приветливой улыбке. У нее было круглое веселое личико – на таких улыбка всегда как нельзя кстати. Девушка была в джинсах и фартуке с оборками, от его складок так и веяло ароматом лимонной мастики для натирки полов и свежей выпечкой.

– Ой, миссис Рэндолл! – воскликнула она. – Уж не знаю, чем могу вам помочь, но...

– Я подумала, что можете, Фиона, – ответила я. – Мне хотелось бы поговорить о вашей бабушке.

– Ты уверена, что в порядке, мама? Может, позвонить Роджеру и попросить его приехать завтра, а я останусь с тобой?

Брианна стояла в дверях спальни, озабоченно хмурясь. Одета она была для прогулки – сапоги, джинсы, свитер, однако добавила к этому наряду яркий оранжево-синий шелковый шарф, который Фрэнк привез ей из Парижа за два года до своей смерти.

– Прямо под цвет твоих глаз, маленькая красotka, – сказал он тогда и, улыбаясь, накинул шарф ей на плечи. – Оранжевый!

Это прозвище, «маленькая красotka», стало домашней шуткой, с тех пор как в пятнадцать Брианна обогнала в росте отца с его скромными пятью футами. Впрочем, он часто называл ее так еще в детстве, а теперь с нежностью обращался к дочери, приподнимаясь на цыпочки, чтобы дотянуться до кончика ее носа.

Шарф, в синей своей части, действительно был под цвет глаз Брианны – цвет шотландских озер и летнего неба, оттенок туманной синевы далеких гор. Я знала, что она очень бережет этот шарф, и тот факт, что она надела его сегодня, свидетельствовал, что к Роджеру Уэйкфилду интерес проявляется нешуточный.

– Да нет, все в порядке, мне ничего не нужно, – ответила я и указала на столик возле кровати, где стоял чайник, заботливо прикрытый вязаным чехольчиком, чтобы не остыл, и тостер, где, тоже в тепле, хранились тосты. – Миссис Томас принесла мне чай с тостами, чуть позже перекушу, а сейчас что-то не хочется.

⁹ Брюс Роберт (1274–1329) – шотландский король с 1306 г.

Я надеялась, что Брианна не слышит голодного урчания желудка под одеялом, что могло вызвать сомнения в искренности моего высказывания.

– Ну тогда ладно. – Она нехотя направилась к двери. – Думаю, надолго в Куллодене мы не задержимся.

– Из-за меня можете не спешить! – крикнула я ей вслед.

Я подождала, пока не захлопнется за ней внизу входная дверь, и только тогда полезла в ящик туалетного столика и извлекла оттуда плитку шоколада «Херши» с миндалем, которую припрятала накануне вечером.

Удовлетворив потребности желудка, я откинулась на подушки, рассеянно наблюдая, как постепенно сереет небо за окном. В стекло стучала ветка липы с набухшими почками, поднимался ветер. В спальне было тепло, у изножья кровати журчала батарея центрального отопления, но меня вдруг пробрал озноб. Как, должно быть, холодно на Куллоденском поле...

Наверное, так же холодно, как тогда, в апреле 1746-го, когда Красавчик принц Чарли вывел своих людей на это поле, навстречу дождю со снегом и оглушительному грохоту канонады. Исторические хроники утверждали, что стужа в тот день стояла страшная, и раненые шотландцы лежали вперемешку с убитыми, насквозь промокшие от крови и дождя, в ожидании милосердия со стороны английских победителей. Но герцог Камберленд, командующий английской армией, раненых не пощадил.

Мертвецов сгребали, точно поленья, и сжигали, чтобы предотвратить распространение заразы. История свидетельствует, что и многих раненых постигла та же участь, им было отказано даже в такой милости, как последняя пуля в лоб. И все они покоятся теперь на Куллоденском поле, под зеленой травой, безразличные к войнам, непогоде, безразличные ко всему.

Я видела это место однажды, лет тридцать назад, когда мы с Фрэнком ездили в свадебное путешествие. Теперь Фрэнка тоже нет в живых, и я привезла в Шотландию дочь. Я хотела, чтобы Брианна увидела Куллоден, но никакая сила не заставила бы меня вновь ступить на эту страшную, поросшую вереском землю.

И вот я решила остаться в постели под предлогом внезапного недомогания, чтобы не сопровождать Брианну с Роджером в этой поездке. Стоит только встать и заказать ланч, и миссис Томас наверняка проболтается. Я заглянула в ящик. Еще целых три плитки шоколада и развлекательный роман. Будем надеяться, этого хватит на весь день.

Роман оказался довольно любопытным, но шум ветра за окном навевал дремоту, а в постели было так тепло и уютно. И я мирно погрузилась в сон, и мне снились шотландцы в клетчатых килтах и неспешное журчание их разговора у костра, напоминавшее тихое жужжание пчел в улье.

Глава 4 Куллоден

– Какая мерзкая свиньячья физиономия!

Брианна слегка склонилась, совершенно замороженная видом манекена в красном мундире, возвышавшегося в углу фойе куллоденского Центра по туризму. Росту в нем было пять футов и несколько дюймов, напудренный парик воинственно съехал до бровей, из-под него торчали отвислые ярко-розовые щеки.

– Да, маленький толстячок, – с улыбкой кивнул Роджер. – Однако он был чертовски крутым генералом, особенно в сравнении с его элегантным кузенком.

Он махнул рукой в сторону высокой фигуры Карла Стюарта, стоявшего по другую сторону. Карл надменно смотрел куда-то вдаль из-под голубой бархатной шляпы, презрительно игнорируя герцога Камберленда.

– Ему дали прозвище Мясник Билли, – сказал Роджер, указывая на герцога в белых панталонах до колен и расшитом золотом камзоле. – И не без оснований. Не считая того, что они натворили здесь, – он жестом указал на покрытую весенней зеленью пустошь за окном, – именно люди Камберленда ответственны за жесточайший террор, развязанный Англией в Шотландии. Они охотились за уцелевшими в битве, загоняя их в горы, сжигая и разрушая все на своем пути. Женщины и дети голодали, мужчин убивали прямо на месте, даже не потрудившись выяснить, сражались они на стороне Чарли или нет. Один из современников герцога высказался о нем так: «Он сотворил пустыню и назвал ее миром». Боюсь, что герцог Камберленд до сих пор фигура не слишком популярная в этих краях.

Это было действительно так; куратор музея для туристов, приятель Роджера, рассказывал ему, что если к изображению Красавчика принца Чарли публика относилась с должным уважением, то фигура герцога постоянно служила объектом грубых шуток, а пуговицы с его камзола постоянно обрывали.

– Он рассказывал, что как-то утром пришел пораньше, включил свет и вдруг увидел, что из живота его светлости торчит настоящий шотландский кинжал, – сказал Роджер, кивком указывая на фигуру толстяка. – Говорил, что жутко тогда перепугался.

– Да уж, – пробормотала Брианна, глядя на герцога и удивленно приподняв брови. – Неужели люди до сих пор воспринимают все это так серьезно?

– О да! У шотландцев хорошая память. Они не склонны так легко прощать.

– Вот как? – Она с любопытством взглянула на него. – А вы сами шотландец, Роджер? Уэйкфилд – не слишком похоже на шотландскую фамилию. Судя по фамилии, нет, но то, как вы говорили о герцоге Камберленде...

Губы ее начали складываться в улыбку, и Роджер не понимал, дразнит ли она его или говорит серьезно. Однако ответил со всей серьезностью:

– О да. – Он улыбнулся. – Я шотландец. Уэйкфилд – не настоящая моя фамилия. Ее дал мне священник, после усыновления. Матери он приходился дядей. И когда во время войны родители погибли, взял меня на воспитание. Настоящая моя фамилия – Маккензи. А что касается герцога Камберленда... – он взглянул через зеркальные окна на монументы Куллоденской битвы, едва различимые вдаль, – то вон там есть наше семейное надгробие и на нем выбито имя Маккензи. Там похоронены наши многочисленные родственники.

Он протянул руку и коснулся золотого эполета.

– Я не так пристрастен, как некоторые, однако не забыл... – Он подал ей руку. – Идемте?

На улице было холодно, налетавший порывами ветер трепал полотнища флагов на длинных древках, установленных на поле боя. Один желтый, другой красный – они отмечали позиции, на которых за спинами у своих солдат стояли командиры враждующих сторон в ожидании сигнала к бою.

– Неплохо укрылись, как я погляжу, – сухо заметила Брианна. – Здесь может настичь разве что шальная пуля, да и то сомнительно.

Роджер заметил, что она вся дрожит, взял ее под руку и плотнее прижал к себе. Ему показалось, что сердце у него вот-вот разорвется от счастья прикоснуться к ней. Спеша скрыть свои чувства, он разразился настоящим монологом на исторические темы:

– Да, именно так вели себя тогдашние генералы. Командовали оттуда, из тыла. Особенно отличился Чарли: к концу боя он с такой поспешностью бросился наутек, что растерял свой драгоценный серебряный прибор для пикников.

– Прибор для пикников? Он явился на поле боя с посудой?

– О да!

Роджер вдруг обнаружил, что ему нравится выглядеть в глазах Брианны шотландцем. Обычно он старался говорить с безликим оксфордским акцентом, что, надо сказать, стоило ему

немалых усилий, однако теперь несколько ослабил поводья ради улыбки, которая появлялась на ее лице, стоило ей слышать шотландскую речь.

– А знаете, почему его прозвали принцем Чарли? – спросил он. – Англичане почему-то всегда считали, что это уменьшительное имя, показывающее, как народ любит его.

– А что, разве нет?

Роджер покачал головой:

– Ничего подобного. Его называли принц Тчарлах, – он отчетливо выговорил все буквы, – что по-гэльски соответствует Карлу. Тчарлах мак Симус – Карл, сын Якова. Официальное и в высшей степени уважительное обращение. И весь фокус в том, что в их произношении Тчарлах чертовски напоминало английское Чарли.

Брианна усмехнулась:

– Так выходит, на самом деле он вовсе не был Красавчиком принцем Чарли?

– Нет, тогда нет. – Роджер пожал плечами. – Теперь, конечно, да. Одна из тех маленьких исторических ошибок, что порой превращаются в факт. Таких примеров много.

– Значит, вы настоящий историк? – поддразнила его Брианна.

Роджер сдержанно улыбнулся:

– Насколько я понимаю, да.

Они медленно шли через поле битвы по выложенным гравием дорожкам. Роджер показывал, где стоял какой полк, объяснял ход сражения, вспоминал разные анекдоты о командирах.

Ветер стих, на поле опустилась тишина. Постепенно их беседа тоже стихла, они переговаривались лишь изредка, приглушенными голосами, почти шепотом. Облака тянулись по куполу неба до самого горизонта, все, казалось, застыло, лишь шелестела трава, словно то были голоса людей, уснувших под ней вечным сном.

– Это место называют родником Смерти.

Роджер склонился над маленьким ручейком. Он вытекал из-под камня, образуя крошечный, площадью не более фута, водоем с темной водой.

– Здесь погиб один из шотландских вождей. Товарищи омыли кровь с его лица водой из этого родника. А вон там, дальше, находятся клановые захоронения.

Кладбищенские плиты представляли собой огромные куски серого гранита, поросшие вереском и лишайниками. Они высились среди травы и располагались по краю огромной пустоши. На каждом выбито одно имя. Буквы стерлись и порой были едва различимы: Магилливрей, Макдональд, Фрэзер, Грант, Чизхолм, Маккензи...

– Смотрите, – сказала Брианна почти шепотом и указала на один из камней.

Возле него лежала небольшая кучка серо-зеленых веточек, на них – несколько первых весенних цветков.

– Вереск, – объяснил Роджер. – Он более обычен здесь летом, в пору цветения. Тогда можно увидеть вереск у каждого камня. Пурпурный. Реже встречаются веточки с белыми цветками. Белый – цвет удачи и власти. Он был эмблемой принца Чарли. Белая роза – тоже.

Брианна, перебежав через тропинку, осторожно коснулась веточки пальцем.

– А кто приносит их сюда?

– Посетители. – Роджер последовал за ней. Увидел полустертые буквы на камне: «Фрэзер». – Обычно это потомки тех, кто здесь погиб. Или просто люди, которые не хотят забывать их.

Она взглянула на него; длинные волосы разметались по лицу.

– А вы приносили?

Он опустил глаза:

– Да. Наверное, это выглядит несколько сентиментально, но приносил...

Брианна повернулась и стала рассматривать растения, окаймлявшие тропу.

– Покажите мне, где вереск, – попросила она.

На обратном пути меланхолия, навеянная посещением Куллодена, несколько развеялась, но чувство близости, возникшее у камня, осталось, и они болтали и смеялись, как старые добрые друзья.

– Жаль, что мама не смогла поехать с нами, – сказала Брианна, когда они свернули на улицу, где располагался пансион.

Несмотря на симпатию, испытываемую к Клэр, Роджер в глубине души не мог согласиться с девушкой. «Трое, – подумал он, – это уже целая толпа». Однако он пробормотал что-то в знак согласия и через минуту спросил:

– А как она себя чувствует? Надеюсь, ничего серьезного?

– О нет, небольшое расстройство желудка, так она, по крайней мере, сказала.

Брианна немного нахмурилась, обернулась к Роджеру и положила руку ему на колено. Он ощутил, как по ноге пробежала дрожь, и с трудом сосредоточился на словах Брианны. Она же продолжала говорить о матери:

– Думаю, что она в порядке. – Девушка тряхнула головой; даже в полумраке, царившем в машине, было видно, как отливают медью волны ее волос. – Не знаю, но она выглядит какой-то озабоченной. Не больной, нет, но, похоже, какая-то мысль ее терзает...

Сердце у Роджера екнуло.

– Гм... – буркнул он. – Может, просто тревожится, как там без нее на работе? Все будет в порядке, уверен.

Брианна благодарно улыбнулась ему. Машина притормозила у маленького каменного дома миссис Томас.

– Все было замечательно, Роджер, – сказала девушка, легонько дотронувшись до его плеча. – Но это мало чем может помочь маме в ее исследованиях. Может, вы хотите, чтобы я помогла вам, хотя бы в черновой работе?

Воспрянувший духом Роджер улыбнулся.

– Думаю, это возможно. Хотите, приходите завтра, посмотрим, что там в гараже. Там полно грязи, так что в черной работе недостатка не будет. Надо разобрать кое-какие бумаги...

– Замечательно! – Она стояла, опираясь рукой на машину, и с улыбкой смотрела на него сквозь боковое стекло. – Возможно, и мама захочет присоединиться.

Он почувствовал, что лицо его каменеет, и с трудом сохранил вежливую улыбку.

– Правильно, – ответил он. – Это было бы просто здорово!

Но случилось так, что назавтра Брианна явилась в особняк одна.

– Мама отправилась в публичную библиотеку, – объяснила она. – Порыться в каких-то старых телефонных справочниках. Хочет отыскать кого-то из прежних знакомых.

Сердце Роджера забилось чуть быстрее. Накануне вечером он сам просматривал старые телефонные книги священника. Там оказалось три Джеймса Фрэзера и еще два Фрэзера с другим первым именем и стоящим после него инициалом «Дж.».

– Что ж, остается надеяться, что она разыщет этого человека, – небрежным тоном заметил он. – Вы и вправду уверены, что хотите мне помочь? Это очень скучная грязная работа.

Он с сомнением посмотрел на Брианну, однако та с готовностью кивнула, похоже, ничуть не смущенная этой перспективой.

– Знаю. Иногда я помогала папе. Разбирала старые документы, искала записи. И потом, это ведь нужно маме, и помочь вам – просто мой долг.

– Хорошо. – Роджер взглянул на свою белую рубашку. – Сейчас переоденусь, и пойдем.

Дверь гаража скрипнула, застонала и, подавшись, распахнулась внутрь, обрывая густую паутину и поднимая тучи пыли. Брианна замахала руками перед лицом и закашлялась.

– Боже! – воскликнула она. – Когда последний раз сюда ступала нога человека?

– Целую вечность назад, полагаю, – рассеянно ответил Роджер.

И осветил фонариком в глубину гаража, вырвав из мрака горы картонных коробок, деревянных ящиков, старых сундуков с наклейками и еще какие-то бесформенные брезентовые тюки. Среди всего этого хлама, словно скелеты динозавров, торчали там и сям ножки от мебели.

Посредине имелся едва заметный узкий проход. Роджер втиснулся в него и тут же исчез в туннеле среди пыли и каких-то размытых теней. За продвижением его можно было проследить по бледному пятнышку света от карманного фонаря, время от времени скользившему по потолку. Наконец, издав победный клич, он ухватился за шнур, свисающий с потолка, и гараж озарился ярким светом большой лампы.

– Сюда! – крикнул Роджер, неожиданно возникший рядом, и схватил Брианну за руку. – Там, в дальней части, есть небольшое свободное пространство.

У стены стоял древний стол. Некогда служивший главным предметом столового гарнитура его преподобия, он потерпел ряд понижений в чине и использовался последовательно в качестве кухонного стола, затем верстака, потом подставки для окраски различных предметов, пока не был удален на покой в это насквозь пропыленное убежище. Над ним находилось затянутое паутиной окошко. Мутный дневной свет, просачивающийся сквозь него, позволял видеть исцарапанную, забрызганную краской поверхность.

– Можно работать здесь, – сказал Роджер, выдергивая из груды хлама стул и обтирая его большим носовым платком. – Присаживайтесь, а я пока посмотрю, можно ли открыть это оконце. Иначе мы здесь просто задохнемся.

Брианна кивнула, но вместо того, чтобы сесть, начала с любопытством разглядывать горы рухляди. Роджер с силой дергал перекосившуюся оконную раму и слышал, как девушка передвигается у него за спиной, читая вслух надписи на коробках.

– Тысяча девятьсот тридцатый – тридцать третий годы, – бормотала она. – А здесь сорок второй – сорок шестой. А тут что?

– Дневники, – ответил Роджер и уперся локтем в грязный подоконник. – Мой отец, священник, я имею в виду, постоянно вел дневник. Делал записи каждый вечер после ужина.

– Похоже, ему было о чем писать. – Брианна сняла несколько коробок и поставила их в сторону, чтобы обозреть следующий слой. – Ой, а тут целая куча коробок с какими-то именами. Керс, Ливингстон, Балнейн... Это что, его прихожане?

– Нет. Местные деревни.

На секунду Роджер прервал свое занятие. Он запыхался. Вытер лоб, оставив на рукаве полоску грязи. Хорошо еще, что оба они переоделись в старое тряпье.

– Там записки об истории разных шотландских деревень. Содержимое некоторых из этих коробок превратилось в книги, их продают в магазинах для туристов по всей Шотландии.

Он повернулся к доске, на которой были развешаны старые инструменты, и выбрал большую отвертку для следующей атаки на окно.

– Вы поищите там коробку с надписью «Приходские книги», – добавил он. – Или с именами деревенских жителей в окрестностях Брех-Туараха.

– А откуда мне знать, те это деревни или нет? – спросила Брианна.

– Ах да, совсем вылетело из головы. – Роджер воткнул отвертку в щель между рамой и стеной, отдирая слои старой краски. – Поищите названия Брех-Мордха... гм... Марианнан и... уф!.. Сент-Килда. Есть и другие, но в этих, насколько мне известно, существовали самые большие в округе церкви, которые затем были закрыты или разрушены.

– Хорошо.

Отвернув край брезента, Брианна вдруг отскочила с резким испуганным вскриком.

– Что? Что такое?

Роджер отошел от окна, держа отвертку наготове.

– Не знаю. Я только дотронулась, а оттуда кто-то как выскочит!

Брианна указала пальцем, откуда именно, и Роджер опустил свое оружие.

– А-а... это. Наверное,мышь. Или крыса.

Брианна не на шутку испугалась.

– Крыса? Так у вас здесь крысы?

– Будем надеяться, что нет. Иначе они давно сожрали бы нужные нам бумаги, – ответил Роджер и протянул ей фонарик. – Вот, посветите сперва в темное место, тогда, по крайней мере, не будет неожиданностей.

– Большое спасибо.

Брианна взяла фонарик, все еще с опаской косясь на коробки.

– Ну что же вы? Не бойтесь, – ободрил ее Роджер. – Или вы хотите, чтобы я с ходу сочинил для вас крысиную сатиру?

Лицо Брианны расплылось в улыбке.

– Крысиную сатиру? А что это такое?

Роджер, снова занявшись окном, медлил с ответом. Он дергал и толкал раму, пока не заныли мышцы. Наконец с противным скрипом она поддалась, через щель шириной дюймов в шесть хлынули волны свежего воздуха.

– Вот так-то лучше. – Он обмахивался в изнеможении и улыбался Брианне. – Ну что, продолжим?

Она протянула ему фонарик и отступила.

– Давайте так. Вы будете искать коробки и подавать их мне, а я – просматривать содержимое... И все же что такое крысиная сатира?

– Трусишка, – заметил он, наклонился и начал шарить под брезентом. – Крысиная сатира – это старый шотландский обычай. Если в доме или амбаре заводятся крысы или мыши, их можно заставить уйти, сочинив маленькое стихотворение или песенку, где говорят, как скучно с едой в доме, и советуют им убраться куда-нибудь еще. Только обязательно надо сказать куда. И в результате, если стихотворение получилось удачное, крысы обязательно уходят.

Он поднял картонный ящик с надписью «Якобиты. Разное» и понес его к столу, напевая:

Эй, крысы, вас так много!
Пошли своей дорогой!
Тут нечего вам есть.
Ступайте к Бернсам в огород,
Где точит когти серый кот
И зреют кочаны.
Ступайте наедайтесь!
Назад не возвращайтесь,
Для вас тут нет еды!

Брианна одобрительно усмехнулась:

– Вы что, это сами сочинили?

– Конечно. – Роджер торжественно водрузил на стол еще одну коробку. – Если хочешь, чтобы крысиная сатира подействовала, непременно надо сочинить ее самому.

Он бросил взгляд на поредевшие ряды коробок.

– Будем надеяться, что теперь крысы станут обходить гараж за милю.

– Ну и прекрасно. – Брианна достала из кармана складной нож и перерезала бечевку на верхней коробке. – Вы обязательно должны заглянуть к нам в пансион. Мама уверяет, что видела в ванноймышь. Кто-то грыз ее мыльницу.

– Бог его знает, можно ли избавиться от мыши, способной питаться мылом. Боюсь, это выше моих слабых сил и способностей.

С шаткой кучи старых энциклопедий он снял потрепанную круглую подушечку, которую священник подкладывал под колени во время молитвы, положил ее на пол и сел рядом с Брианной.

– Вот. Вы займетесь приходскими книгами, их легче читать.

Они в полном согласии проработали так все утро, обнаружили немало интересных бумаг, старое столовое серебро и залежи пыли. Однако ничего представляющего интерес для исследований Клэр найти не удалось.

– Пора сделать перерыв на ланч, – сказал Роджер.

Ему страшно не хотелось идти в дом и снова зависеть от милостей Фионы, но он чувствовал, что девушка тоже проголодалась.

– Ладно. Поедим и поработаем еще, если вы, конечно, не слишком устали.

Брианна встала и потянулась, поднятые вверх кулаки почти доставали до потолка старого гаража. Она вытерла ладони о джинсы и нырнула в проход между коробками.

– Эй! – Внезапно девушка резко остановилась у самой двери, и Роджер, идущий следом, едва не налетел на нее.

– Что такое? – спросил он. – Еще одна крыса?

И с восхищением отметил, как солнечный луч высветил одну прядь из копны ее волос, засиявшую бронзой и золотом. Золотистый нимб пыли, вихрящейся над головой, и четкий профиль с длинным носом на фоне ясного неба – все это делало ее похожей на средневековую даму. Богиня архивов...

– Нет! Смотрите, Роджер!

Она указала на картонный ящик в середине кучи. На одной из его сторон крупным четким почерком его преподобия было выведено всего лишь одно слово: «Рэндолл».

Роджер ощутил одновременно и радость, и возбуждение. Брианна же – только последнее.

– Может, это именно то, что мы ищем? – воскликнула она. – Мама говорила, что отец интересовался этими материалами. Кажется, он даже спрашивал о них священника.

– Возможно, – ответил Роджер.

Его вдруг охватила тревога при виде этого четко выведенного на картоне имени. Он опустился на колени и вытащил коробку.

– Давайте отнесем ее в дом, а после ланча поглядим, что там.

В кабинете священника коробку открыли и обнаружили весьма странный набор предметов. Там находились старые фотокопии приходских книг, несколько списков личного армейского состава, несколько писем и документов, тоненькая записная книжка в сером картонном переплете, пакет с какими-то старыми снимками, загнутыми по краям. И папка с именем «Рэндолл», напечатанным на обложке.

Брианна раскрыла папку.

– Ой, здесь же генеалогическое древо папы! – воскликнула она. – Смотрите.

Она передала папку Роджеру. Внутри лежали два листа толстого пергамента, разрисованные схемами со стрелками. Начало датировалось 1633 годом; последняя запись внизу второй страницы гласила: «Фрэнк Уолвертон Рэндолл ж. Клэр Элизабет Бошан, 1937 год».

– Вас тогда еще на свете не было, – пробормотал Роджер.

Брианна, перегнувшись через его плечо, следила, как палец Роджера медленно скользит по линиям схемы.

– Я видела это раньше. У папы в кабинете хранилась копия. И он часто ее мне показывал. И записал мое имя, в самом низу. Так что эти, должно быть, сделаны раньше.

– Вероятно, отец проводил для Фрэнка какие-то исследования. – Роджер вернул Брианне папку и взял со стола одну из бумаг. – А это ваш, семейный.

Он указал на герб в верхнем углу страницы.

– Письмо призывнику в армию, подписано его величеством королем Георгом Вторым¹⁰.

– Георгом Вторым? Господи, он же правил еще до Американской революции!

– Да, задолго до нее. Датировано тысяча семьсот тридцать пятым годом. Послано на имя Джонатана Уолвертона Рэндолла. Вам знакомо это имя?

– Да. – Брианна кивнула, пряди волос упали на лоб. Она небрежным жестом отбросила их назад и взяла письмо. – Папа рассказывал мне о нем. Это один из немногих предков, о котором он знал. Служил капитаном в армии, которая вступила в схватку с войсками Красавчика принца Чарли при Куллодене...

Она подняла на Роджера глаза.

– Думаю, он погиб в этом сражении. Но тогда его здесь не хоронили бы, верно?

Роджер покачал головой:

– Не думаю. Именно англичане расчищали поле после битвы. Они собрали всех своих погибших и отправили хоронить на родину. Во всяком случае, офицеров уж точно.

Он замолчал – в дверях появилась Фиона с метелочкой из перьев для смахивания пыли, которую держала словно копье.

– Мистер Уэйкфилд! – заявила она. – Там пришел человек забрать грузовик священника. Только он никак его не заведет. Спрашивает, может, вы подсобите.

Роджер выглядел виновато. Он сам вынул из мотора аккумулятор, чтобы проверить, и он до сих пор лежал на заднем сиденье «морриса». Неудивительно, что грузовик не заводится.

– Придется пойти помочь, – сказал он Брианне. – Боюсь, что провожусь долго.

– Ничего. – Она улыбнулась, сощуривая синие глаза. – Мне тоже пора. Мама уже, наверное, вернулась, мы с ней хотели еще посмотреть Клава-Кэрнс¹¹, если успеем, конечно. Спасибо за ланч.

– Не за что. Не мне спасибо, а Фионе.

Роджеру хотелось пойти с ней, но дело есть дело. Он взглянул на бумаги, разбросанные по столу, собрал их и сунул в коробку.

– Вот, – сказал он, – тут все ваши семейные документы. Возьмите, надеюсь, вашей маме будет интересно.

– Правда? О, спасибо, Роджер. Вы уверены, что они вам не нужны?

– Совершенно, – ответил он и аккуратно уложил поверх бумаг папку. – О, погодите-ка! Я заметил тут одну вещь...

Из-под письма выглядывал уголок серого блокнота, он вытащил его.

– По всей вероятности, это дневник его преподобия. Ума не приложу, почему он оказался здесь, надо положить его ко всем остальным дневникам. Историческое общество заинтересовалось ими.

– Да, конечно!

Брианна подняла коробку и прижала ее к груди, затем после паузы спросила:

– А вы... вы хотите, чтобы я пришла еще?

Роджер улыбнулся. В волосах у нее запутались паутинки, на носу виднелась полоска грязи.

– Ни о чем другом и не мечтаю, – ответил он. – Тогда до завтра?

¹⁰ Георг II (1683–1760) – английский король с 1727 г.

¹¹ Место неолитического захоронения.

Мысль о дневнике священника не покидала Роджера ни на миг, пока он возился с допотопным грузовичком, пытаясь завести его, и позднее, когда явился оценщик, чтобы отделить ценные антикварные вещи от старого хлама и составить список мебели для аукциона.

Вся эта возня со старыми вещами навевала на Роджера меланхолию. Словно кто-то, теперь уже раз и навсегда, отнимал у него юность вместе с этими бесполезными вещами и безделушками. Усевшись наконец после обеда с дневником священника в кабинете, он не мог с уверенностью сказать, что движет им – желание побольше узнать о Рэндоллах или стремление как-то восстановить хрупкую нить, связывающую его с человеком, который на протяжении многих лет был ему отцом.

Дневники велись методично, ровные чернильные строки повествовали обо всех главных событиях в жизни прихода и общины, частью которой его преподавание мистер Уэйкфилд являлся долгие годы. При виде этого простого серого блокнота и аккуратно исписанных страниц перед Роджером тут же возник образ священника: в свете настольной лампы поблескивает лысина, а он старательно записывает события минувшего дня.

«Это вопрос дисциплины, – объяснил он как-то Роджеру. – Регулярные занятия, особенно умственные, приносят огромную пользу. Католические монахи отправляли службу ежедневно, в определенные часы, у священников был требник. Боюсь, не могу похвастаться тут особым усердием, но регулярное записывание того, что произошло за день, прочищает голову. И после этого я могу с чистым сердцем произнести молитву».

С чистым сердцем... Роджеру хотелось бы и самому испытать это ощущение: подобное состояние нечасто посещало его, особенно с тех пор, как он нашел те газетные вырезки в столе священника.

Он наугад раскрыл дневник и стал медленно перелистывать страницы: не промелькнет ли где-нибудь имя «Рэндолл»?

Заметки датировались январем – июнем 1948 года. Он не солгал Брианне насчет Исторического общества, но то была не единственная причина, по которой он не отдал ей дневник. В мае 1948-го Клэр Рэндолл возвратилась после своего таинственного исчезновения. Священник был хорошо знаком с Рэндоллами, это событие наверняка должно быть упомянуто в дневнике.

Вот оно, запись от 7 мая.

«Сегодня вечером навещал ж. Фрэнка Рэндолла после этой истории. Ужасно! Видел ее вчера – такая худенькая, одни глаза. Они просто не давали мне сидеть спокойно. Бедняжка... Впрочем, изъяснялась она вполне разумно.

То, что она пережила, любого может свести с ума, что бы это ни было. Ходят ужасные слухи. Как неосмотрительно поступил д-р Бартоломью, сообщив, что она беременна. Какой страшный удар для Фрэнка и для нее тоже! Сердце мое разрывается от жалости к ним.

Миссис Грэхем вот уже неделю болеет. Не могла выбрать более подходящего времени: на следующей неделе благотворительная распродажа, а в сундуках у нас полно старой одежды...»

Роджер торопливо перелистывал страницы, выискивая, где еще упоминается имя Рэндолл, и вскоре нашел. Запись относилась к концу недели.

«10 мая. На обед приходил Фрэнк Рэндолл. Из всех сил стараюсь выяснить, что же произошло с его женой. Почти каждый день просиживаю у нее часами в надежде прекратить распространение этих нелепых слухов. Люди болтают бог знает что. Что она сошла с ума и прочее. Зная Клэр Рэндолл, вовсе не уверен, что ее в той же степени не оскорбляет эта нелепица, равно как и утверждение, что она совершенно аморальна. Тут или то, или другое...»

Несколько раз пытался заговорить с ней о случившемся. Но она молчит. Говорит о чем угодно, только не об этом. И мне кажется, что мысли ее витают где-то далеко-далеко.

Не забыть бы упомянуть в воскресной проповеди о вреде, который наносят злые сплетни. С другой стороны, акцентировать внимание на этом прискорбном происшествии... Как бы не вышло хуже.

12 мая. Никак не удается побороть ощущение, что Клэр Рэндолл вовсе не безумна. До нее, разумеется, дошли все эти слухи. Однако в поведении ее не вижу ничего ненормального. Но чувствую, что ее мучает какая-то тайна, которую она вовсе не намерена раскрывать. Осторожно, как только мог, расспрашивал об этом Фрэнка. Он молчит, а я убежден, что кое-что она ему все же рассказала. Попытаюсь выяснить, чтобы помочь им, чем смогу.

14 мая. Заходил Фрэнк Рэндолл. Весьма встревоженный. Просил моей помощи, хотя я и так делаю все возможное. Похоже, это для него очень важно. Он старается держать себя в руках, но, боюсь, того и гляди взорвется.

Клэр достаточно окрепла, чтобы перенести переезд. На этой неделе он собирается забрать ее в Лондон. Уверил его, что сообщу о любых результатах в письме на его университетский адрес. О жене – ни слова.

Выяснил кое-какие интересные моменты о Джонатане Рэндолле. Не пойму, какую роль может играть предок Фрэнка во всей этой истории? О Джеймсе Фрэзере, как я уже говорил Фрэнку, пока ничего...»

Сплошная тайна, подумал Роджер. И даже, скорее всего, не одна, а несколько. О чем просил священника Фрэнк Рэндолл? Очевидно, узнать как можно больше о Джонатане Рэндолле и Джеймсе Фрэзере. Выходит, Клэр говорила с мужем о Джеймсе Фрэзере. Что-то сказала ему о нем, если не все...

Но какая может существовать связь между капитаном английской армии, погибшим при Куллодене в 1746 году, и человеком, чье имя было неразрывно связано с тайной исчезновения Клэр в 1945-м и тайной рождения Брианны?

Все остальные записи в дневнике повествовали о рутинных событиях в жизни прихода. О хроническом пьянстве некоего Дерека Гоуэна, которое в конце мая кончилось тем, что тело его, словно бревно, извлекли из реки Несс; о свадьбе Мэгги Браун и Уильяма Данди за месяц до рождения их дочурки в июне; о том, что миссис Грэхем вырезали аппендицит, в результате чего его преподобию пришлось в одиночку отбиваться от щедрых прихожанок, потоком посылающих в дом различные яства, в том числе и горячие блюда под крышкой, от чего больше других выгадал Герберт, тогдашний пес его приемного отца.

Перелистывая страницы, Роджер вдруг обнаружил, что улыбается, – в строках, записанных рукой старого священника, словно оживала перед ним жизнь прихожан. Он настолько увлекся, что едва не пропустил последнюю запись, касающуюся просьбы Фрэнка Рэндолла.

«18 июня. Получил короткое послание от Фрэнка Рэндолла. Его беспокоит здоровье жены. Беременность протекает с осложнениями. Он просит помолиться за них.

Ответил ему, что все время молюсь о нем и его жене и желаю им всяческого благополучия. Сообщил также интересующую его информацию. Уж не знаю, сочтет ли он ее полезной, о том судить ему самому. Написал также о своей удивительной находке – могиле Джонатана Рэндолла в Сент-Килде; спросил, хочет ли он, чтобы я сфотографировал надгробие».

И все. Больше никаких упоминаний о Рэндоллах или Джеймсе Фрэзере. Роджер отложил дневник и потер виски. От чтения этих мелких, бегущих строк у него немного разболелась голова.

Если не считать подозрения, что человек по имени Джеймс Фрэзер как-то причастен ко всей этой истории, во всем остальном она оставалась столь же недоступной пониманию. При чем здесь, скажите на милость, Джонатан Рэндолл и почему он похоронен в Сент-Килде? Ведь в patente на офицерский чин ясно говорилось, что место рождения Рэндолла – Суссекс. Каким же образом останки его оказались похороненными на заброшенном кладбище в Шотландии? Правда, это не слишком далеко от Куллодена, но почему тело не переправили на родину, в Суссекс?

– Вам что-нибудь сегодня еще понадобится, мистер Уэйкфилд? – прервал его бесплодные размышления голос Фионы.

Он выпрямился, растерянно моргая, и увидел, что она держит в руках щетку и тряпку для натирки полов.

– Что? Ах нет. Нет, спасибо, Фиона. Однако чем это вы заняты? Неужели в столь позднее время надо натирать полы?

– Да это все дамы из церкви, – объяснила Фиона. – Помните, вы сами говорили, что они могут приходить раз в месяц, проводить тут свои встречи. Вот я и решила прибраться маленько.

Дамы из церкви? При мысли о том, что сорок домохозяек, источающих соболезнования, хлынут в дом священника лавиной твидовых костюмов, шерстяных двоек и искусственных жемчугов, Роджер содрогнулся.

– А чай вы с ними будете пить? – спросила Фиона. – Его преподобие всегда пил.

Господи, неужели завтра ему придется одновременно развлекать Брианну Рэндолл и местных прихожанок? Это совершенно вывело Роджера из равновесия.

– Э-э... нет! – твердо ответил он. – Я... у меня на завтра назначена встреча.

Рука его уже лежала на телефоне, наполовину погребенном под грудой бумаг.

– Прощу прощения, Фиона, но я должен позвонить.

Брианна вошла, улыбаясь каким-то своим мыслям.

– Роджер звонил? – осведомилась я.

– Откуда ты знаешь? – Изумление, отразившееся на ее лице, быстро сменилось улыбкой, она скинула халат. – Ну конечно! Он ведь единственный знакомый мне человек в городе!

– Да уж, не думаю, чтобы твои бостонские приятели стали звонить тебе сюда, – ответила я и взглянула на часы. – Во всяком случае, не в этот час. В Америке они сейчас все на футболе.

Брианна, игнорируя эту ремарку, влезла с ногами под покрывало.

– Завтра Роджер приглашает нас в Сент-Килду. Говорит, что там интересная церковь.

– Да, слышала, – сказала я, зевая. – Ладно, почему бы нет? Возьму с собой решетку для гербария, вдруг попадется королевская вика. Обещала привезти образчик доктору Абернети для его исследований. Но если вы собираетесь весь день шататься по кладбищу, читая надгробные надписи, то я, пожалуй, лучше останусь. Копание в прошлом – довольно утомительное занятие.

В глазах Брианны вспыхнул насмешливый огонек. Мне показалось, что она хочет что-то сказать, но дочь лишь кивнула с хитровой улыбкой, застывшей в уголках губ, и погасила свет.

Я лежала в темноте, прислушиваясь к тому, как она тихо ворочается в постели, затем к ее мерному сонному дыханию. Так значит, Сент-Килда... Никогда там не была, но слышала об этом месте. Там действительно стояла старая церковь, давным-давно заброшенная. Туристы туда не заглядывали, лишь изредка появлялся какой-нибудь изыскатель-одиночка. Возможно, именно там представится мне удобный случай, которого я так ждала?

Там будут и Роджер, и Брианна, и больше никого. Никто не помешает. Самое подходящее место, чтобы сказать им... Там, среди давным-давно ушедших из жизни прихожан. Роджер еще не установил местонахождения остальных людей из Лаллиброха, но похоже, что по крайней

мере в Куллоденской битве они уцелели, а именно это мне и надо было знать. Тогда я смогу рассказать Бри, чем все закончилось.

При мысли о предстоящем разговоре во рту пересохло. Какие найти слова? Я пыталась представить, как это будет, что скажу я и что могут ответить они, но воображение подвело. Более чем когда-либо я сожалела об обещании, данном Фрэнку, – не писать отцу Уэйкфилду. Если б я написала, Роджер бы уже знал. А может, и нет. Священник бы мне просто не поверил.

Я беспокойно ворочалась в постели, терзаемая сомнениями, но навалилась усталость, и в конце концов я сдалась – легла на спину и закрыла в темноте глаза. Воспоминание словно вызвало дух священника, в сонном моем сознании прозвучала цитата из Библии: «Для всякого дня достаточно зла его». Ее бормотал, словно издали, голос его преподобия. «Для всякого дня достаточно зла его...» И я уснула.

Проснулась в сгустившейся тьме, пальцы впивались в покрывало, сердце колотилось так бешено, что казалось, кожа гудит, как барабан.

– Господи!.. – воскликнула я.

Шелк ночной рубашки жарко лип к телу; открыв глаза, я увидела, как просвечивают через ткань соски, твердые, будто мрамор. Спазмы сводили руки и бедра, я вся дрожала. Интересно, кричала ли я? Вероятно, все же нет: с другого конца комнаты доносилось ровное дыхание Брианны. Я откинулась на подушки, испытывая страшную слабость, лицо почему-то было горячее и влажное.

– Господи боже ты мой милостивый! – взмолилась я, глубоко втягивая воздух, пока биение сердца не пришло в норму.

Одно из последствий нарушенного сна заключается в том, что тебе перестают сниться связанные сны. Первые годы материнства, переезды, ночные дежурства в клинике привели к тому, что я научилась проваливаться в забытие тотчас же, едва успевала прилечь, и виденные при этом сны являлись какими-то несвязными фрагментами, они вспыхивали в темноте подобно ракетам, выпущенным наугад, как бы в противовес тяготам дня, который неминуемо наступал очень скоро.

В последние годы, с переходом к более нормальному режиму, я снова стала видеть сны. Обычные сны, кошмары или, напротив, приятные – длинная череда образов, блуждающих в подсознании, точно в лесу. И с подобного рода снами мне пришлось свыкнуться. Они приходили ко мне в периоды растерянности или депрессии.

Обычно они наплывали из тьмы, ненавязчивые и нежные, как прикосновение шелковых простыней, а если и будили, то я тотчас же снова проваливалась в забвение с мыслью, что до утра все обязательно забуду.

Но этот был не похож на все остальные. И не то чтобы я очень хорошо его помнила. Осталось лишь ощущение рук, что сжимали меня, крепких и властных – казалось, они не ласкают, но стремятся подчинить. И голос, почти крик, он до сих пор звучит в моих ушах, вместе с биением моего сердца.

Я положила руку на грудь, чувствуя эту пульсацию и округлую мягкость плоти под шелком. Брианна слегка всхрипнула, потом снова начала тихо и мерно дышать. Сколько раз, когда она была маленькой, я прислушивалась к этому звуку – тихому, ровному, успокаивающему ритму ее дыхания в темноте детской. Казалось, я слышу даже, как бьется ее сердечко.

Биение моего сердца понемногу успокаивалось под рукой, под шелком цвета розы, цвета раскрасневшейся щеки спящего младенца. Когда прикладываешь младенца к груди, чтобы покормить его, очертания маленькой головки в точности повторяют изгиб груди, словно этот новый человечек отражает плоть, из которой вышел.

Младенцы такие мягкие... Стоит посмотреть на них, и каждый видит, как нежна и тонка кожа, шелковистость ее сравнима разве что с лепестком розы – так и тянет дотронуться пальцем. Но когда вы живете с ребенком, любите его, вы чувствуете, как эта мягкость проникает

в плоть. Округлые щечки – точно крем, нежны и податливы, крохотные ручонки, похоже, бескостны. Конечности – словно резиновые, и, даже если вы крепко-крепко, со всей страстью целуете его, губы ваши погружаются глубоко и, кажется, никогда не почувствуют кости. Прижимая младенца к себе, вы словно таете, и он тоже тает и растворяется вместе с вами – того и гляди вернется назад, в давшее ему жизнь тело.

Но даже с самых первых дней в каждом младенце есть маленький стальной стержень. Он говорит: «Я есть», он формирует ядро личности.

На второй год кости твердеют и дитя становится на ноги; лобик широкий и твердый, подобно шлему, защищающему мягкую плоть под ним. И это «я есть» тоже растет. Стоит взглянуть на него, и кажется, так и видишь этот стержень, прочный, словно сердцевина дерева, просвечивающий через плоть.

Косточки на лице проступают к шести, а душа – к семи годам. Процесс продолжается, пока не достигнет своего пика – сияющей оболочки отрочества, когда вся мягкость скрывается под перламутровыми слоями многочисленных и разнообразных личин, которые примеряет к себе подросток, чтобы защититься.

В следующие несколько лет жесткость распространяется изнутри, пока человек не заполнит все ячейки души этим «я есть» и оно не проявится в полной мере и со всей четкостью, словно насекомое в янтаре.

Я полагала, что давно миновала эту стадию, потеряла последние намеки на мягкость и вступила в средний возраст, когда весь человек точно из нержавеющей стали. Но теперь мне кажется, что смерть Фрэнка пробила в этой оболочке изрядную брешь. И трещина эта все расширялась, и от этого невозможно было отмахнуться. Я привезла в Шотландию свою дочь, чьи косточки тверды, словно хребты далеких гор, в надежде, что здесь ее оболочка окрепнет, не даст ей распасться и при этом «я есть», расположенное в самой сердцевине, тоже будет достижимо.

А моя сердцевина, мое «я есть» не могло больше вынести одиночества, и не было у него защиты от внутренней мягкости. Я больше не понимала, кем я была и кем она станет, знала лишь, что должна буду сделать.

Ибо я вернулась и здесь, в прохладной тиши шотландской ночи, снова увидела сон. Голос из этого сна до сих пор звенел в ушах и сердце и эхом отдавался в сонном дыхании Брианны.

– Ты моя! – говорил он. – Моя! И я уже не отпущу тебя!

Глава 5

Любимая жена

Кладбище в Сент-Килде дремало под лучами солнца. Располагалось оно на площадке, образовавшейся на склоне холма после сдвига горных пород. Земля изгибалась и горбатилась, часть надгробий пряталась в неглубоких расселинах, часть торчала на гребне холма. Сдвиги пород, видимо, продолжались, многие памятники стояли покосившись, точно захмелевшие, другие вообще рухнули и лежали разбитые среди высокой густой травы.

– Нельзя сказать, чтобы здесь поддерживали порядок, – виновато заметил Роджер.

Они остановились в воротах, разглядывая небольшую коллекцию древних камней, затерянных под сенью давно переросших их гигантских тисов, посаженных в незапамятные времена, дабы защитить кладбище от штормов и бурь, налетавших с Северного моря. Вдали, у горизонта, громоздились облака, но солнце над холмом сияло, и день стоял безветренный и теплый.

– Раз или два в год отец сколачивал команду из прихожан, и они шли сюда наводить порядок. Но в последнее время, боюсь, все здесь пришло в изрядное запустение.

Он наугад толкнул дверь в покойницкую, она держалась на одной петле, а задвижка – на одном гвозде.

– Красивое тихое место. – Брианна осторожно прошла через разбитые ворота. – Это ведь очень старое кладбище, верно?

– О да! Отец полагал, что часовня была построена на месте старой церкви или еще более древней башни. Этим и объясняется столь необычное ее расположение. Один из его оксфордских друзей не раз грозился приехать и произвести здесь раскопки, но, как и следовало ожидать, ему не удалось получить разрешение от церковных властей. И это несмотря на то, что кладбище заброшено вот уже многие годы.

– До чего же высоко! – Брианна стояла, обмахиваясь путеводителем, раскрасневшиеся от подъема щеки понемногу начали бледнеть. – Но красиво...

Она с восхищением глядела на фасад церквушки. Здание было встроено в естественную нишу в скале, все камни и балки выложены вручную, а щели законопачены торфом, смешанным с глиной. Казалось, что церковь выросла из земли и представляет собой часть горного склона. Дверь и оконные рамы украшала старинная резьба, в которой легко угадывались как христианские символы, так и знаки более древнего происхождения.

– А что, могила Джонатана Рэндолла действительно здесь? – Она махнула рукой в сторону кладбища, видневшегося за воротами. – Вот мама удивится!

– Да, полагаю, что да. Сам, правда, еще не видел.

Он надеялся, что сюрприз будет приятным. Когда вчера в телефонном разговоре с Брианной он упомянул об этой могиле, она вдруг разволновалась.

– Я знаю о Джонатане Рэндолле, – сказала она Роджеру. – Папа всегда им восхищался, говорил, что он один из самых замечательных в нашей семье людей. Догадываюсь, что и воякой он был неплохим. У папы хранились разные благодарности от армейского начальства и прочие вещи.

– Правда? – Роджер обернулся, ища глазами Клэр. – Может, вашей маме надо помочь с этим ее гербарием?

Брианна отрицательно покачала головой:

– Нет. Она только что обнаружила у тропинки одно растение и не могла устоять. Через минуту подойдет.

Вокруг стояла тишина. Даже птицы затихли к полудню, а темные хвойные деревья, обрамлявшие площадку, неподвижно застыли – ни малейшего дуновения ветерка. Здесь не было ни свежих могил, напоминающих незатянувшиеся раны на поверхности земли, ни венков из пластиковых цветов, свидетельствующих о недавно пережитом горе. Это кладбище являлось пристанищем давно умерших. Борьба за существование и связанные с ней тяготы остались для них позади, лишь скромные холмики говорили о том, что люди эти некогда ходили по земле. В этом пустынном, заброшенном месте они служили единственным достоверным свидетельством человеческого существования.

Трое посетителей не спешили, они медленно бродили по кладбищу. Роджер с Брианной то и дело останавливались – прочесть вслух едва различимую надпись на выветрившихся от непогоды надгробиях. Клэр шла чуть поодаль и время от времени нагибалась сорвать веточку или стебель цветущего растения.

Наклонившись над одной из плит, Роджер усмехнулся и подозвал к себе Брианну. Она прочитала:

Сняв шляпу, подойди, смирившись с этим фактом.
Уильям Уотсон Б. уснул тут вечным сном.
Он славился умом, и мудростью, и тактом
И был в питье весьма умерен, но силен.

Лицо ее порозовело от смеха.

– А даты нет. Интересно, когда же этот самый Уильям Уотсон Б. жил?

– По всей вероятности, в восемнадцатом веке, – ответил Роджер. – Надгробия семнадцатого настолько разрушены ветром и дождем, что на них ничего нельзя прочесть. К тому же вот уже лет двести здесь никого не хоронят, а церковь закрылась в тысяча восьмисотом.

Минуту спустя Брианна еле слышно ахнула.

– Вот он!

Она живо обернулась в сторону Клэр, которая, стоя в дальнем конце кладбища, сосредоточенно разглядывала какое-то растение, которое держала в руке.

– Мама! Иди сюда! Ты только посмотри!

Клэр помахала рукой в ответ и, осторожно обходя могилы, приблизилась к молодым людям, стоявшим у плоского квадратного камня.

– Что там? – спросила она. – Нашли интересную могилу?

– Да. Кажется, да. Вам ничего не говорит это имя?

Роджер отступил, давая ей возможность увидеть надпись.

– Господи боже ты мой милостивый!

Немного удивленный такой реакцией, Роджер взглянул на Клэр – лицо ее сделалось белым, как мел. Она смотрела на замшелый камень, нервно сглатывая подкативший к горлу комок. И так крепко сжимала в ладони сорванное растение, что почти раздавила его.

– Доктор Рэндолл... Клэр, с вами все в порядке?

Янтарные глаза смотрели невидящим взором. Казалось, Клэр не слышит или не понимает его слов. Затем, встряхнув головой, она посмотрела на Роджера. Она все еще была бледна, но, похоже, взяла себя в руки и постепенно начала успокаиваться.

– Все в порядке, – произнесла она безжизненным тоном и провела пальцами по полустершимся буквам, словно читая методом Брайля. – «Джонатан Уолвертон Рэндолл... – тихо пробормотала она. – Тысяча семьсот пятый – тысяча семьсот сорок пятый». Я же говорила вам! Черт возьми, я же вам говорила!..

Голос ее обрел силу, и в нем отчетливо слышалась с трудом сдерживаемая ярость.

– Мама! Что с тобой? – Брианна, явно встревоженная, потянула ее за рукав.

Роджеру казалось, что перед глазами Клэр опустилась какая-то завеса. Чувства, отражавшиеся в них, внезапно угасли, как только она осознала, что рядом стоят и с ужасом смотрят на нее двое молодых людей. Она заставила себя улыбнуться.

– Нет-нет, ничего. Все чудесно.

Пальцы ее разжались, на землю упал безжизненный зеленый стебелек.

– Я думала, ты обрадуешься. – Брианна с тревогой смотрела на мать. – Это же один из папиных предков, верно? Солдат, погибший при Куллодене?

Клэр глянула вниз, на могильную плиту.

– Да-да, так оно и есть, – сказала она. – И он умер. Ведь это так?

Роджер с Брианной молча обменялись взглядами. Чувствуя, что он невольно чем-то огорчил Клэр, Роджер дотронулся до ее плеча.

– Что-то жарковато сегодня, – произнес он как можно более небрежным тоном. – Может, зайдем в церковь, в тени? Там на купели очень интересная резьба, стоит посмотреть.

Клэр ответила ему улыбкой. На этот раз то была настоящая, искренняя улыбка вполне владеющего собой человека.

– Вы сходите. – Кивком она указала на Брианну. – А мне надо подышать свежим воздухом. Побуду здесь еще немножко.

– Я останусь с тобой.

Брианна явно опасалась оставлять мать одну, но Клэр, похоже, обрела свою обычную уверенность и спокойствие.

– Ерунда! – отрывисто ответила она. – Я в полном порядке. Посижу вон там, в теньке, под деревьями, а вы ступайте. Мне надо немного побыть одной, – добавила она, видя, что Роджер собирается возразить.

Не сказав больше ни слова, она направилась к темным тисам, отмечавшим границу кладбища в западной его стороне. Брианна, глядя ей вслед, явно колебалась, но тут Роджер взял ее за руку и повел к церкви.

– Лучше оставить ее на время, – пробормотал он. – В конце концов, она ведь врач, верно? И знает, когда она в порядке, а когда нет.

– Да, наверное...

Бросив в сторону Клэр последний встревоженный взгляд, Брианна позволила Роджеру увести себя.

Внутри церковь представляла собой помещение средних размеров с деревянным полом. В нем сохранилась лишь купель – видимо, потому, что ее невозможно было вынести, поскольку она представляла собой углубление, вырубленное в уступе каменной стены. Над купелью было выгравировано изображение святой Килды – равнодушный взгляд устремлен в потолок.

– По всей вероятности, одна из первых языческих богинь, – сказал Роджер, проводя пальцем по каменным складкам платья. – Заметно, что покрывало и апостольник добавили позже, не говоря уже о глазах.

– Похожи на вареные яйца, – заметила Брианна и, имитируя статую, тоже закатила глаза. – А это что за резьба? Вот там? Напоминает пиктские камни¹² возле Клава-Кэрнс.

Вдыхая пыльный воздух, они обошли церковь. Разглядывали древнюю резьбу на стенах, читали надписи на маленьких деревянных табличках, прибитых прихожанами в память о своих давно умерших предках. Они переговаривались приглушенными голосами, прислушиваясь, не раздастся ли с кладбища какой-нибудь звук, но все было тихо, и вскоре они успокоились.

Роджер следовал за Брианной, любуясь завитками рыжих волос, выбившихся из косы и прилипших к влажной от пота шее.

От главной части церкви только и осталось что простой деревянный выступ над углублением, где прежде находился алтарь. Стоя рядом с девушкой перед исчезнувшим алтарем, Роджер вдруг ощутил, как по спине пробежал холодок.

Чувство его было столь глубоко и интенсивно, что, казалось, откликнулось эхом в этом пустом замкнутом пространстве. Одна надежда, что Брианна не услышит этого. Ведь они знакомы едва неделю и почти не беседовали на личные темы. Она наверняка возмутилась бы или растерялась, знай, что он сейчас чувствует.

И все же он украдкой бросил на нее взгляд и увидел, что лицо ее спокойно и сосредоточенно. Она тоже подняла на него глаза – именно эта глубокая синева и заставила Роджера бессознательно потянуться к ней.

Поцелуй был коротким и нежным, больше всего он напоминал тот формальный поцелуй, которым обмениваются новобрачные во время свадьбы, однако подействовал на них так же, как если бы они в эту минуту дали брачный обет.

Роджер немедленно опустил руки, но в них, да и во всем теле, до сих пор ощущалась ее теплота, как будто он вовсе не разжимал объятий. Они простояли так с минуту, едва соприкасаясь телами и вдыхая дыхание друг друга.

¹² Пиктские камни – камни, установленные пиктами, составлявшими древнее население Шотландии; в IX веке пикты были завоеваны скоттами (шотландцами) и смешались с ними.

Внезапно тишина взорвалась от ледящего душу крика, донесшегося снаружи, от него взвихрились в воздухе пылинки. Роджер, не раздумывая, выбежал из церкви и помчался, не разбирая дороги и спотыкаясь о камни, к темной полосе тисов. Он расталкивал руками разросшиеся ветви, даже не потрудившись придержать их для Брианны, бегущей за ним следом.

В тени этих ветвей он увидел бледное лицо Клэр Рэндолл. Совершенно лишенное краски, оно на фоне темной зелени напоминало лицо призрака. Она стояла пошатываясь, затем вдруг упала на колени в траву, словно ноги отказывались служить ей.

– Мама! – Брианна тоже бросилась на колени рядом со скорчившейся фигуркой, схватила мать за безжизненно повисшую руку. – Мама, что случилось? Тебе плохо? Давай, давай, приляг...

Но Клэр воспротивилась настойчивым попыткам дочери уложить ее и высоко подняла голову.

– Не хочу ложиться... – выдохнула она. – Я хочу... о боже, боже ты мой милостивый!

Стоя на коленях в высокой траве, она протянула дрожащую руку к камню. Это была простая надгробная плита, высеченная из гранита.

– Доктор Рэндолл! Э-э... Клэр!

Роджер опустился на колени по другую сторону от женщины, поддерживая ее под руку. Его всерьез испугал ее вид. На висках выступили мелкие бисеринки пота, а взгляд был затуманен, словно она вот-вот потеряет сознание.

– Клэр... – повторил он, тщетно пытаясь вывести ее из транса. – В чем дело? Знакомое вам имя?

Недавно произнесенные им слова эхом отдавались в ушах. «С восемнадцатого века здесь никого не хоронят, – сказал он тогда Брианне. – Вот уже лет двести как никого не хоронят».

Пальцы Клэр стряхнули его руку и прикоснулись к плите ласкающим жестом, словно гладили живую плоть, пробежали по буквам, стертым, но все же еще различимым.

– Джеймс Александр Малькольм Маккензи Фрэзер, – произнесла она. – Да, я его знаю.

Рука опустилась ниже, раздвигая густую траву, затенявшую маленькие буквы внизу.

– «Возлюбленный муж Клэр», – прочитала она. – Да, я знала его, – повторила она так глухо, что Роджер едва расслышал эти слова. – Я – Клэр. А он был моим мужем.

Подняв голову, она увидела бледное потрясенное лицо дочери.

– И твоим отцом...

Роджер и Брианна в молчании смотрели на нее. На кладбище стояла тишина, если не считать легкого шелеста веток над головой.

– Нет! – сердито воскликнула я. – В пятый раз повторяю – нет! Я не хочу воды. Я не сидела под солнцем. Это не обморок. И я не больна. И не сошла с ума, хотя понимаю, у вас есть все основания думать именно так!

Роджер с Брианной обменялись взглядами, показывающими, что именно это они и думали.

Они вывели меня с кладбища и усадили в машину. Я отказалась ехать в больницу, и мы направились к дому священника. Там Роджер налил мне виски – с чисто медицинской целью, чтобы оправиться от шока, однако то и дело косился на телефон, видимо размышляя, не следует ли вызвать «скорую». Психиатрическую, насколько я поняла.

– Мама... – нежно произнесла Брианна и протянула руку, убрать мне волосы со лба. – Ты так расстроилась...

– Конечно, расстроилась! – огрызнулась я и, глубоко втянув воздух, сжала губы в плотную линию.

Надо постараться взять себя в руки, говорить спокойнее.

– Конечно, расстроилась, – повторила я. – Но вовсе не сошла с ума.

Я замолкла, собираясь с духом. Нет, совсем не так и не при таких обстоятельствах планировала я провести этот разговор. Правда, как именно – я толком не представляла, но что не так, это уж точно. Выкладывать всю правду с ходу, даже не имея возможности собраться с мыслями... Эта проклятая могила совершенно вывела меня из равновесия и расстроила все планы.

– Черт бы тебя побрал, Джеймс Фрэзер! – в ярости воскликнула я. – Хотела бы я знать, как тебя занесло туда, за мили от Куллоденского поля!

Глаза Брианны, казалось, вот-вот выскочат из орбит, рука Роджера снова потянулась к телефону. Я замолкла, пытаясь успокоиться.

Успокойся, ну же, тихо твердила я себе. Дыши глубоко... Раз... два... еще раз. Так... Все совершенно ясно. Просто надо сказать им всю правду как она есть. Разве не для этого приехала ты в Шотландию?

Я открыла рот, но из него не вышло ни звука. Сомкнула губы и глаза в надежде, что ко мне вернется самообладание, если я не буду видеть эти пепельные от страха лица, с тревогой взирающие на меня. Позволь... только позволь мне сказать... правду, молилась я про себя, толком не понимая, к кому обращаюсь. Возможно, к Джейми...

Но ведь я и раньше говорила правду. И ничего хорошего из этого не вышло.

Еще плотнее смежила веки. Ощутила запах карболки, присущий больнице, жесткое прикосновение накрахмаленной наволочки к щеке...

Из коридора доносился сдавленный от ярости голос Фрэнка: «Что значит «не давить на нее»? Давить на нее! Моя жена отсутствовала три года! Потом вернулась, грязная, оборванная и беременная! И я еще, оказывается, не смею задавать вопросы?»

И голос доктора, бормочущий какие-то успокоительные слова. Я разобрала лишь несколько: «галлюцинации», «травматическое состояние» и «надо подождать, старина, хотя бы немного».

И снова голос Фрэнка, возмущенный и настойчивый, он замирает в конце коридора. Такой знакомый голос, он снова поднял в душе целую бурю печали, гнева и страха.

Я клубком свернулась в постели, защитным жестом прижала к груди подушку, впилась в нее зубами, вгрызаясь все глубже и глубже, пока не почувствовала, что ткань поддалась и под зубами скрипят шелковистые перышки.

Кажется, они скрипят до сих пор.

Я разжала зубы и открыла глаза.

– Вот что, – произнесла я как можно спокойнее, – простите, я понимаю, насколько дико все это звучит. Но тем не менее это правда, тут уж ничего не поделаешь.

Однако эта фраза ничуть не успокоила Брианну, она только еще ближе придвинулась к Роджеру. Сам же Роджер, похоже, немного пришел в себя, и на смену болезненной настороженности явилось сдержанное любопытство. Неужели у него достанет воображения понять и оценить всю правду?

Обрадованная этим его выражением, я разжала кулаки.

– Проклятые камни, – пробормотала я. – Вы ведь знаете этот круг из камней, на Холме фей, к западу отсюда?

– Крэг-на-Дун? – переспросил Роджер. – Вы это имеете в виду?

– Да, именно! – радостно воскликнула я. – И вам наверняка известны легенды, связанные с этим местом? О людях, которые пропадали там, среди скал, а потом вдруг возвращались через двести лет?

Тут Брианна перепугалась уже не на шутку.

– Мама, я серьезно думаю, что тебе надо лечь, – сказала она и привстала с кресла. – Я позову Фиону и...

Роджер положил ей руку на запястье.

– Не надо, подождите, – сказал он, продолжая глядеть на меня с тем сдержанным любопытством, которое отличает ученого, собравшегося разглядывать под микроскопом некий новый образчик. – Говорите же!

– Спасибо, – сухо ответила я. – Не бойтесь. Я вовсе не собираюсь потчевать вас небылицами о феях. Просто подумала, что вам будет интересно узнать, есть ли реальная подоплека у этих легенд. Не имею ни малейшего понятия, как и почему это происходит, но факт есть факт...

Я набрала побольше воздуха в грудь.

– И он заключается в том, что, ступив в этот треклятый круг между камнями в тысяча девятьсот сорок пятом, я оказалась в тысяча семьсот сорок третьем году...

Именно это я и сказала тогда Фрэнку. С минуту он гневно смотрел на меня, потом схватил с тумбочки вазу с цветами и грохнул ее об пол.

Роджер же смотрел на меня, как смотрит ученый на нового открытого им микроба. Интересно почему? Но мне было некогда размышлять об этом, хотелось подобрать для своего последующего рассказа слова, которые звучали бы не совсем безумно.

– Первый человек, на которого я там наткнулась, был английский драгун в полном обмундировании, – продолжила я. – Это натолкнуло меня на мысль, что со мной что-то не так...

Лицо Роджера вдруг озарила улыбка, в то время как Брианна продолжала смотреть мрачно и испуганно.

– Что ж, это вполне могло случиться, – заметил Роджер.

– И трудность заключалась в том, что я никак не могла вернуться, – говорила я, решив обращаться теперь только к нему: он, по крайней мере, был расположен слушать вне зависимости от того, верит он мне или нет. – Дело в том, что даже в те времена люди не гуляли в таком месте без сопровождения, а если и гуляли, то уж точно не носили ситцевых платьев и оксфордских туфель, – объяснила я. – Каждый, кого я встречала на своем пути, в том числе и драгун, взирал на меня с изумлением, не в силах сообразить, что не так. Можно ли было в этом их винить? И объяснить им все лучше, чем сейчас, я не могла... Да и дома для сумасшедших были в ту пору намного менее приятным местом, чем теперь. Это вам не фунт изюма, – попыталась пошутить я.

Но шутка не имела успеха: Брианна лишь скривилась и выглядела еще более встревоженной.

– Итак, этот драгун, – продолжила я и слегка содрогнулась при воспоминании о Джонатане Уолвертоне Рэндолле, капитане драгунского полка ее величества. – Сперва мне показалось, что он не более чем галлюцинация, потому что этот человек был страшно похож на Фрэнка. При первом взгляде на него я даже подумала, что это он и есть.

Я взглянула на стол, где лежала одна из книг Фрэнка с фотографией на обложке. Темноволосый, с красивым худощавым лицом мужчина...

– Да, интересное совпадение, – заметил Роджер, не сводя с меня внимательных, настроенных глаз.

– И да и нет, – ответила я, с трудом отводя взгляд от книги. – Знаете, он оказался предком Фрэнка. Все мужчины из его рода обладают большим сходством, по крайней мере физическим, – добавила я, размышляя о не менее поразительных нефизических различиях.

– А... а каким он был?

Похоже, Брианна начала выходить из ступора.

– Мерзким грязным развратником, – ответила я.

Две пары глаз расширились – молодые люди с ужасом переглянулись.

– Тут нечему удивляться, – заметила я. – Вы что же думаете, в восемнадцатом веке не было разврата? О, ничто не ново под луной! Просто в те времена он был еще хуже, хотя бы

в том смысле, что всем было плевать, лишь бы внешне все выглядело пристойно. А Черный Джек Рэндолл был солдатом, командовал гарнизоном в Шотландии. Задачей его было держать под контролем местные кланы, и его огромные полномочия были санкционированы официально.

Я отпила из бокала виски, чтобы немного приободриться.

– Ему нравилось издеваться над людьми, – добавила я. – Очень нравилось...

– Он... и над вами издевался? – осторожно спросил Роджер, выдержав приличную паузу.

Бри, похоже, снова ушла в себя, кожа на скулах туго натянулась.

– Да нет, не совсем. Вернее, не слишком, – покачала я головой, чувствуя, как в животе у меня словно что-то перевернулось.

Именно в живот ударил меня однажды Джек Рэндолл. Воспоминание об этом походило на боль в давно затянувшейся ране.

– У него были довольно противоречивые вкусы. Но хотел он только... Джейми.

Ни при каких обстоятельствах не употребила бы я слова «любил». Горло сдавило, и я проглотила последние капли виски. Роджер, подняв графинчик, вопросительно взглянул на меня, я кивнула и протянула бокал.

– Джейми? Это Джеймс Фрэзер? И он был...

– Был моим мужем, – ответила я.

Брианна затрясла головой, точно лошадь, отгоняющая мух.

– Но ведь у тебя был муж! – воскликнула она. – Ты не могла... Даже если... просто... Я не имею в виду... ты просто не могла!..

– Пришлось, – коротко ответила я. – В конечном счете я поступила так непредумышленно.

– Но, мама, как же можно выходить замуж за первого встречного?

Брианна окончательно утратила манеры заботливой сиделки у постели душевнобольной. Что ж, может, это и к лучшему, пусть даже альтернативой будет гнев.

– Ну, нельзя сказать, что за первого встречного, – ответила я. – Просто у меня не было выбора. Иначе я попала бы в лапы Джеку Рэндоллу. Джейми женился на мне, чтобы защитить от него, что было очень благородно с его стороны, – закончила я, глядя на Бри поверх бокала. – Он вовсе не был обязан делать это, однако сделал.

Вспомнилась наша первая брачная ночь. Он оказался девственником, при прикосновении ко мне руки его дрожали. Я тоже боялась, но по иным причинам. Тогда, на рассвете, он держал меня в объятиях, прижимаясь обнаженной грудью к моей спине. Я чувствовала крепкие теплые бедра, касающиеся моих ног, а он бормотал мне в облако волос: «Не бойся, теперь нас двое...»

– Дело в том, – я снова обращалась к Роджеру, – что я никак не могла вернуться. Мне пришлось бежать от капитана Рэндолла, когда шотландцы нашли меня. Это была группа погонщиков скота. Джейми оказался с ними, все они были родственниками его матери, Маккензи из Леоха. Они не знали, что со мной делать, и взяли с собой как пленницу. И я снова не могла бежать.

Я вспомнила свои бесплодные попытки бежать из замка Леох. И тот день, когда я сказала Джейми правду, в которую он поверил не больше, чем Фрэнк, но, по крайней мере, вел себя так, будто поверил. И он отвез меня обратно к тем камням.

– Возможно, он считал меня ведьмой, – говорила я с закрытыми глазами, улыбаясь этой мысли. – Теперь считают сумасшедшей, а тогда – ведьмой. Таковы нравы и влияние культуры, – добавила я и открыла глаза. – Теперь это называют физиологией, а тогда – магией. Разница не столь уж велика.

Роджер кивнул немного растерянно.

– Меня судили за колдовство, – продолжала я. – В деревне Крэйнсмуир, неподалеку от замка. Джейми спас меня, и тогда я все ему рассказала. И он отвез меня к камням и велел возвращаться. Назад, к Фрэнку.

Я замолкла и, глубоко вздохнув, вспомнила октябрьский день, когда судьба моя снова оказалась в моих руках и мне предстояло сделать выбор.

«Возвращайся, – сказал он тогда. – Здесь тебя ничего не ждет, кроме опасности».

«Неужели ничего?» – спросила я.

Будучи слишком благородным, чтобы говорить на эту тему, он тем не менее ответил, и я сделала свой выбор.

– Было слишком поздно, – сказала я, разглядывая свои руки, лежащие на коленях.

Небо потемнело, собирался дождь, но два моих обручальных кольца, золотое и серебряное, все еще отливали блеском на пальцах. Выходя за Джейми, я не сняла с левой руки золотого кольца Фрэнка, а серебряное, подаренное Джейми, носила на четвертом пальце правой в течение вот уже двадцати с лишним лет.

– Я любила Фрэнка, – тихо произнесла я, не поднимая на Бри глаз, – очень любила. Но к тому времени сердце мое целиком принадлежало Джейми, сердце и каждая клеточка тела. Я не могла его бросить, просто не могла...

Ища поддержки, я подняла глаза на Бри. Она смотрела на меня с каменным выражением лица.

Я снова опустила глаза и продолжила:

– Он отвез меня к себе домой, в Лаллиброх, так называлось это очень красивое место...

Я прикрыла глаза, чтобы не видеть больше этого выражения на лице Брианны, всеми силами вызывая в памяти образ Брех-Туараха, тогдашнего Лаллиброха. Прелестная шотландская ферма, с лесами и ручьями. Тут был даже клочок плодородной земли – явление для этих краев редкое. Очаровательный тихий уголок, надежно защищенный высокими холмами и горными перевалами от бурь и невзгод, сотрясавших Шотландию. Но даже Лаллиброх мог служить лишь временным убежищем.

– Джейми был объявлен вне закона, – объяснила я, и перед глазами предстали шрамы, следы порки, которые англичане оставили на его спине. Целая сеть тоненьких белых линий, покрывавшая широкие плечи, точно паутина. – За его голову было обещано вознаграждение. Выдал его англичанам один из арендаторов. Те схватили его и отвезли в тюрьму в Уэнтурте, чтобы там повесить.

Роджер громко присвистнул.

– Жуткое место! – заметил он. – Вы там были? Стены, должно быть, футов в десять толщиной.

Я открыла глаза.

– Да, так оно и есть. Я была в этих стенах. Но даже самые толстые стены имеют двери.

В груди я вновь ощутила холодноватый огонек – смесь храбрости с отчаянием. Именно эти чувства привели меня тогда в Уэнтуртскую тюрьму в поисках моего возлюбленного.

«Если я тогда могла сделать это для тебя, – мысленно обратилась я к Джейми, – то смогу и сейчас. Только помоги мне хоть немного, чертов шотландец, помоги!»

– Я вытащила его оттуда, – сказала я и глубоко вздохнула. – Вернее, то, что от него осталось. Джек Рэндолл командовал гарнизоном в Уэнтурте.

Мне страшно не хотелось, чтобы в памяти вновь всплыли те образы, но остановить их я не могла. Обнаженный, окровавленный, Джейми лежит на полу... Помесье Элдридж, где мы нашли убежище...

«Я не позволю им забрать меня назад, англичаночка», – сказал он мне сквозь стиснутые от боли зубы, пока я вправляла вывихнутые кости его руки и промывала раны.

«Sassenach»... Так он называл меня с самого начала; по-гэльски это слово обозначает «англичанка, чужестранка». «Англичаночка». Сперва он выговаривал это прозвище насмешливо, затем с нежностью.

И я не позволила им забрать его, спрятала с помощью его родственника, маленького шотландца по имени Мурта Фрэзер. И переправила Джейми через пролив во Францию, где мы нашли приют в аббатстве Святой Анны де Бопре. Там служил аббатом один из его дядьев. Но, оказавшись там, я вдруг обнаружила, что спасение его жизни не единственная стоящая передо мной задача.

То, что сотворил с ним Джек Рэндолл, оставило в его душе не менее глубокие незаживающие раны, чем бич, которым его хлестали по спине. Я до сих пор толком не понимаю, как мне удалось справиться тогда с демонами, терзавшими его душу, причем справиться в одиночку. Когда речь заходит о подобного рода исцелениях, разница между медициной и колдовством действительно не так уж велика.

Я до сих пор ощущаю тяжесть холодного камня, сковавшего мне душу, всю силу ярости, исходившей от него, прикосновение рук, обхвативших меня за шею; вижу объятые пламенем существо, преследующее меня во мраке ночи.

– И я вылечила его, – тихо произнесла я. – Он вернулся ко мне...

Брианна, совершенно потрясенная, медленно качала головой, в каждом движении ее угадывалось столь хорошо знакомое мне упрямство.

«Грэхемы глупы, Кемпбеллы способны на предательство, Маккензи – славные люди, однако хитрецы, а все до единого Фрэзеры – упрямцы», – сказал мне однажды Джейми, характеризуя членов своего клана.

Он не был слишком далек от истины. Все Фрэзеры действительно были крайне упрямы, в том числе и Бри.

– Я в это не верю, – коротко заметила она.

Выпрямилась и устремила на меня пристальный испытующий взгляд.

– Ты слишком много размышляла об этих людях из Куллодена. И потом, в последнее время тебе пришлось немало пережить. Смерть папы...

– Фрэнк не был тебе отцом, – заметила я.

– Нет, был! – огрызнулась она, да так резко, что напугала нас обоих.

Тогда Фрэнку пришлось смириться с настойчивыми уговорами врачей, сводящимися к тому, что «навязывание реальности силой», как выразился один из них, может повредить нормальному течению беременности. После долгих перешептываний, а порой и криков в больничных коридорах он наконец оставил меня в покое, перестал помогать «правды». И я, чувствуя себя слабой и расстроенной, тоже перестала навязывать ему эту правду.

Но на этот раз сдаваться я не собиралась.

– Я обещала Фрэнку, – сказала я. – Двадцать лет назад, когда ты родилась. Я хотела уйти от него, но он меня не отпускал. Он любил тебя.

При взгляде на Брианну голос мой слегка смягчился.

– Он не мог смириться с этой правдой, но, разумеется, понимал, что не отец тебе. И просил не рассказывать тебе об этом, позволить считаться твоим отцом, пока жив. «Вот после моей смерти, – говорил он, – можешь поступать как тебе заблагорассудится».

Я проглотила ком в горле и облизала пересохшие губы.

– И я обещала ему это, потому что он действительно любил тебя. Но теперь Фрэнка нет, и ты имеешь право знать, кто твой настоящий отец. А если сомневаешься, – добавила я, – ступай в Национальную портретную галерею. Там есть портрет Элен Маккензи, матери Джейми. Она носила вот этот жемчуг.

Я дотронулась до ожерелья на моей шее.

– Нитку речного жемчуга, нанизанного вперемежку с кругляшками золота. Джейми подарил мне ее в день свадьбы.

Я взглянула на Брианну: она сидела в напряженной позе, с окаменевшим лицом.

– Возьми с собой зеркальце, – сказала я. – Как следует посмотри на портрет, а потом на свое отражение. Не скажу, что копия, но ты очень похожа на свою бабушку.

Роджер уставился на Брианну, словно видел ее впервые в жизни. Он переводил взгляд с нее на меня, будто решая что-то, потом вдруг расправил плечи и поднялся с дивана.

– Хочу кое-что показать вам, – решительным тоном заявил он и, подойдя к старенькому бюро его преподобия, выдернул из ящика пачку пожелтевших газетных вырезок, перетянутую резинкой. Протягивая вырезки Брианне, он сказал: – Вот, почитайте и обратите внимание на даты.

Все еще стоя, он обернулся ко мне и одарил долгим холодным и пристальным взглядом ученого, подвергающего сомнению любую реальность. Он все еще до конца не верил мне, хотя воображение подсказывало, что все это могло оказаться правдой.

– Тысяча семьсот сорок третий, – произнес он и покачал головой, словно удивляясь про себя. – А я почему-то думал, что это был человек, с которым вы встретились в тысяча девятьсот сорок пятом. Господи, мне бы и в голову не пришло! Это невероятно!..

Я удивилась:

– Так вы знали? Об отце Брианны?

Он кивком указал на вырезку, которую Брианна держала в руке. Она еще не читала ее, просто смотрела на Роджера, сердито и одновременно растерянно. Я видела, что глаза ее потемнели, словно перед бурей. Роджер, похоже, тоже заметил это. Он быстро отвел от нее взгляд и повернулся ко мне:

– Тогда получается, что люди, имена которых вы дали мне, те, кто сражался при Куллодене... выходит, вы знали их?

Я немного расслабилась.

– Да, знала.

На востоке прогремел гром, по стеклам высоких, от пола до потолка, окон ударили капли дождя. Брианна углубилась в чтение вырезок. Крылья волос затеняли лицо, виднелся лишь кончик изрядно покрасневшего носа. Джейми всегда краснел, когда сердился или огорчался. Мне слишком хорошо было знакомо, как выглядят Фрэзеры, готовые взорваться.

– И вы были во Франции, – пробормотал Роджер, словно разговаривал сам с собой.

Он по-прежнему не сводил с меня изучающего взора. Удивление на лице постепенно сменилось любопытством, затем возбуждением.

– Тогда, наверное, вы должны были знать...

– Да, знала, – ответила я. – Именно поэтому мы и отправились в Париж. Я рассказала Джейми о Куллодене, о том, что там должно было случиться в тысяча семьсот сорок пятом. И мы отправились в Париж, чтобы попытаться остановить Карла Стюарта.

Часть 2

Претенденты.

Гавр, Франция, февраль 1744 года

Глава 6

Поднимаю волны

– Хлеба, – жалобно простонала я, держа глаза плотно закрытыми.

От крупного теплого тела, находившегося бок о бок со мной, ответа не последовало, было слышно лишь тихое дыхание.

– Хлеба, – повторила я чуть громче.

И тут же почувствовала, как с меня сдергивают одеяло. Напрягая все мышцы, я вцепилась в него.

С другого края постели донеслись какие-то приглушенные звуки. Послышался скрип выдвигаемого ящика, сдавленный взглас на гэльском, по половицам прошлепали чьи-то босые ступни, и матрас просел под грузным телом.

– Вот, англичаночка, – произнес встревоженный голос, и я почувствовала, как к губам моим поднесли краюшку черствого хлеба.

Я схватила ее и стала жадно поедать, с трудом проталкивая плохо разжеванные куски в горло. Не догадалась попросить вместе с хлебом и воды.

Постепенно комочки теста нашли свой путь и осели в желудке тяжким грузом. Тошнотворное бурчание в животе прекратилось. Я открыла глаза и увидела склонившееся надо мной встревоженное лицо Джейми Фрэзера.

– Ик!

Я вздрогнула и икнула.

– Все в порядке? – спросил он.

Кивнув, я медленно попыталась привстать, а он, обняв меня за плечи, помогал. Потом, усевшись рядом на край жесткой гостиничной постели, нежно притянул к себе и погладил по спутавшимся во сне волосам.

– Бедняжка! – произнес он. – Может, дать тебе капельку винца? У меня в седельной сумке есть фляга рейнвейна.

– Нет. Нет, спасибо.

Я слегка содрогнулась – казалось, при одном упоминании о рейнвейне в нос ударил густой специфический запах – и выпрямилась в постели.

– Через минуту буду в порядке, – с вымученной веселостью уверила я его. – Не волнуйся, это вполне нормально, если беременную тошнит по утрам.

Не сводя с меня встревоженных глаз, Джейми поднялся и пошел взять свою одежду со стула, стоявшего у окна. В феврале во Франции бывает чертовски холодно. Пузырчатые стекла окон были затянуты толстым слоем инея.

Он был совершенно голый, на спине и плечах появились мурашки, золотисто-рыжие волоски на руках стали торчком. Впрочем, к холоду он был привычен – не дрожал, натягивая чулки и рубашку. И вдруг перестал одеваться, подошел к постели и обнял меня.

– Давай ложись, – сказал он. – Я прикажу горничной развести огонь. Ты поела, может, теперь отдохнешь? Как, не тошнит больше?

Я не слишком уверенно кивнула в ответ.

– Нет, ничего.

Я бросила взгляд на постель: белье, что обычно для постоянных дворов, было не слишком чистое. И все же серебро в кошельке Джейми обеспечило нам лучшую в доме комнату, где узкий матрас был набит настоящим гусиным пером, а не какой-нибудь там соломой или шерстью.

– Впрочем, прилягу, пожалуй, – пробормотала я, подняла ноги с ледяного пола и сунула их под одеяла, где еще сохранилось тепло.

Желудок, похоже, успокоился настолько, что можно было позволить себе и глоток воды, и я плеснула немного в чашку из треснутого гостиничного кувшина, стоявшего у постели.

– Ты что это расхаживаешь босиком? – спросила я Джейми, медленно потягивая воду. – Тут, должно быть, пауков полно.

Застегивая килт на талии, Джейми покачал головой.

– Да нет... – протянул он и кивком указал на стол. – Тут только крысы. За хлебом приходили.

Взглянув на пол, я увидела безжизненное серое тельце; на мордочке блестела капелька крови. Меня тут же вывернуло наизнанку, еще слава богу, что не на постель.

– Ничего, все в порядке, – немного отдышавшись, произнесла я. – У меня в желудке уже ничего не осталось.

– Прополощи рот, англичаночка, но только, ради бога, не глотай.

Джейми протянул мне чашку и вытер рот краем полотенца, словно маленькому беспомощному ребенку. Приподнял и бережно уложил головой на подушки. Склонился, с тревогой всмотрелся мне в лицо.

– Пожалуй, будет лучше, если я останусь, – сказал он. – Пошлю записку...

– Нет-нет, я в порядке, – поспешила уверить я его.

И не слишком погрешила против истины. Рвота мучила меня лишь по утрам, весь остальной день проходил относительно спокойно. И чувствовала я себя вполне прилично, если не считать кисловатого привкуса во рту и легкого покалывания в нижней части живота. Я отбросила одеяла и демонстративно встала.

– Видишь? Я чувствую себя просто превосходно. А ты поезжай. Неудобно заставлять кузена ждать.

Я действительно чувствовала себя гораздо лучше, несмотря на сквозняк, тянувший из-под двери и проникавший под складки моей ночной сорочки. Джейми все еще колебался: ему не хотелось оставлять меня. Тогда я подошла к нему и крепко обняла, отчасти для того, чтобы успокоить, отчасти – чтобы ощутить восхитительное тепло, исходившее от его тела.

– Брр, – сказала я. – Как это ты умудряешься оставаться горячим, точно булочка, в одном лишь килте?

– На мне еще и рубашка, – заметил он и улыбнулся, глядя на меня сверху вниз.

Так мы стояли, прижавшись друг к другу и наслаждаясь теплом. В коридоре слышалось шарканье веника, горничная приближалась к нашей двери.

Джейми слегка вздрогнул и прижался ко мне еще плотней. Путешествовать зимой трудно: на то, чтобы добраться от аббатства Святой Анны де Бопре до Гавра, потребовалась целая неделя. На постоянные дворы мы попадали поздно вечером, промокшие, грязные и дрожащие от холода и усталости, по утрам меня тошнило, а потому мы практически не прикасались друг к другу со времени последней ночи, проведенной в аббатстве.

– Идешь со мной в постель? – тихо спросила я.

Он колебался. Сила его желания была очевидна, я ощущала это сквозь ткань килта, но он так и не обнял меня.

– Гм... – нерешительно буркнул он.

– Ты ведь хочешь, верно? – спросила я и просунула холодную руку под килт, чтобы убедиться.

– О!.. Э-э... да... Да, хочу.

Рука получила бесспорное доказательство. Он тихо застонал, рука скользнула чуть ниже, между ног.

– О боже... Не надо, англичаночка. Иначе я от тебя никогда не оторвусь.

Он крепко обхватил меня длинными руками, а я вжалась лицом в складки его бело-снежной рубахи, слабо пахнувшей крахмалом, который брат Альфонс из аббатства использовал при стирке.

– А зачем отрываться? – пробормотала я. – У тебя же есть еще чуточка времени, правда? До доков совсем недалеко...

– Да дело не в том, – ответил он, поглаживая меня по растрепанным волосам.

– Я что, слишком толстая?

На деле живот у меня оставался таким же плоским, как и прежде, я была даже хуже из-за тошноты.

– Нет, – сказал он, улыбаясь. – Больно уж много ты говоришь.

Он поцеловал меня, потом сел и притянул к себе на колени. Я легла и обняла его.

– Нет, Клэр! – воспротивился он, когда я начала расстегивать килт.

Я удивленно взглянула на него:

– Почему нет?

– Ну, из-за... – Он слегка покраснел. – Из-за ребенка... Не хочу повредить ему.

Я рассмеялась:

– Джейми, ты не повредишь! Он же не больше, чем кончик моего пальца!

Для наглядности я выставила палец и медленно провела им по пухлой, четко очерченной губе Джейми. Он перехватил мою руку, наклонился и крепко и быстро поцеловал.

– Ты уверена? Я хочу сказать... Я все время думаю, что ему не понравится, если кто-то будет его толкать...

– Да он и не заметит, – уверила я его и снова занялась пряжкой на поясе.

– Ладно. Раз ты так считаешь...

В дверь властно постучали, она отворилась, и вошла служанка с охапкой поленьев, расталкивая ими створки. Судя по царапинам на панели и на полу, то был обычный для нее способ проникать в комнату.

– Bonjour¹³, месье, мадам, – буркнула она, коротко кивнув в сторону постели, и шмыгнула к камину.

Да, ее поведение было красноречивее всяких слов. Но я уже привыкла к безразличию, с которым слуги на постоялых дворах относятся к постояльцам, даже в дезабилье, и, буркнув в ответ: «Bonjour, мадемуазель», не стала обращать на нее особого внимания, лишь оставила пряжку Джейми в покое и, скользнув под одеяло, натянула его повыше, чтобы не было видно покрасневших щек.

Обладавший еще большим, чем я, хладнокровием, Джейми положил на колени валик, вынутый из-под подушки, уперся в него локтями, опустил на ладони подбородок и завел со служанкой светский разговор, нахваливая кухню.

– А откуда получаете вино, мадемуазель? – вежливо осведомился он.

– Когда как. – Ловко набрасывая растопку на более крупные поленья, она пожала плечами. – Оттуда, где дешевле.

Круглощекое лицо женщины слегка сморщилось, когда она искоса взглянула на Джейми.

– Ну, это я понял, – сказал он и усмехнулся.

Она ответила коротким смешком.

¹³ Добрый день (фр.).

– Держу пари, что смогу достать почти по той же цене, только вдвое лучше. Скажи своей хозяйке, – предложил он.

Она скептически приподняла бровь.

– И какова же будет цена, месье?

Он ответил ей типично гэльским жестом, обозначающим отрицание.

– Пока еще точно не знаю, мадемуазель. Просто собираюсь повидаться с одним земляком, он торгует вином. Могу потолковать с ним – может, он захочет заключить с вами сделку. Почему бы нет?

Она кивнула в знак согласия и, кряхтя, поднялась с колен.

– Хорошо, месье. Поговорю с хозяйкой.

Дверь за ней захлопнулась. Отложив в сторону валик, Джейми встал и начал застегивать пряжку.

– Куда это ты? – запротестовала я.

Он взглянул на меня, губы растянулись в улыбке.

– О!.. Ты уверена, что хочешь, англичаночка?

– Я хочу, если только ты хочешь, – ответила я, не в силах противиться желанию.

Он бросил на меня суровый, испытующий взгляд.

– Ну, раз так, то я тут как тут, – сказал он. – Я слышал, что будущим матерям перечить не стоит.

Он позволил килту упасть на пол и присел рядом со мной, постель жалобно скрипнула под его тяжестью.

Он откинул одеяло и расстегнул ворот моей рубашки, обнажив груди. Склонив голову, поцеловал каждую, осторожно прикасаясь к соскам кончиком языка. Те, словно по волшебству, поднялись и затвердели, темно-розовые на фоне белой кожи.

– Боже, до чего ж красивые... – пробормотал он и начал целовать снова.

Взял обе груди в ладони и легонько сжал, любуясь ими.

– Тяжелые, тяжелей, чем прежде... – сказал он, – самую малость. И соски, они стали темнее.

Он нежно дотронулся пальцем до одинокого волоска, что рос рядом и казался серебристым в свете морозного утра.

Приподняв край одеяла, он прилег рядом, я обняла его, потом провела рукой по твердым буграм мышц на спине, по округлым крепким ягодицам. Кожа его покрылась мурашками от холода, но под теплым прикосновением моих рук они постепенно исчезли.

Я хотела, чтобы он вошел в меня сразу же, но он, нежно воспротивившись, опустил меня на подушку, легонько покусывая шею и уши. Одна рука скользнула по бедру, сминая и собирая складками рубашку.

Голова его нырнула под одеяло, руки нежно раздвинули мне бедра. Я содрогнулась – холодный воздух коснулся обнаженного тела, затем полностью расслабилась под настойчивой лаской его губ.

Волосы у него не были собраны, он еще не успел завязать их сзади... Мягкие, рыжие, шелковистые, я чувствовала их на бедрах. Он навалился на меня всей тяжестью, широкие ладони сжимали ягодицы.

– Ммм? – вопросительно мурлыкнул он.

В ответ я слегка изогнула спину.

Руки его стали еще настойчивее, я целиком растворилась в ласках, а изнутри нарастала и распространялась по всему телу сладкая дрожь и через секунды привела меня к разрядке: тело вяло и разнеженно вытянулось, губы жадно хватали воздух, а голова Джейми опустилась мне на бедро. Он выждал минуту, лаская изгиб моей икры, и начал снова, уже с целью удовлетворить себя. Я, откинув со лба встрепанные рыжие волосы, ласкала его уши, такие

неожиданно маленькие и изящные для крупного мужчины. Верхний изгиб раковины отсвечивал розовым и был почти прозрачен. Я водила пальцем по этому изгибу.

– А они у тебя заостренные на концах, – заметила я. – Самую чуточку. Как у фавна.

– Правда? – На секунду он прервал свое занятие. – Ты, наверное, хочешь сказать, как у маленького оленя? Или как у тех тварей с козлиными ногами, что преследуют женщин на старинных рисунках?

Я подняла голову и увидела над валиком одеял и сбившейся ночной сорочки темно-синие, кошачьего разреза глаза, сверкающие из-под потемневших от пота кудрей.

– Если туфля впору, – сказала я, – носи ее.

И, услышав в ответ сдавленный смешок, откинула голову на подушку, он вибрацией отозвался во всем моем теле.

– О-о-о... – протянула я и попыталась приподняться. – Джейми, иди ко мне!

– Еще нет, – ответил он и коснулся меня кончиком языка, на что все тело отозвалось сладостной дрожью.

– Нет, сейчас! – настаивала я.

Он не ответил, а у меня не хватало дыхания спорить дальше.

– О-о... – пробормотала я чуть позже. – Это...

– Ммм?

– Это хорошо... Давай сейчас.

– Нет, я еще не готов. – Лица его не было видно за спутанной гривой кудрей цвета корицы. – Хочешь, я...

– Джейми, – сказала я, – я хочу тебя! Иди ко мне!

Вздохнув, он поднялся на колени и, опершись на локти, устроился на мне сверху – живот к животу, губы к губам. Открыл было рот, пробормотать что-то в знак протеста, но я начала целовать его, и он, почти против своей воли, вошел в меня, не сдержав при этом сладострастного стога. Все мышцы его напряглись, руки крепко держали меня за плечи.

Он двигался медленно и осторожно, время от времени останавливался и крепко целовал меня, затем, уступая моей настойчивости, начинал двигаться снова. Я нежно гладила изгиб его спины, стараясь не слишком нажимать на свежие шрамы. Длинная твердая мышца бедра слегка дрожала, касаясь моей ноги, но он все время сдерживался, опасаясь убыстрять темп.

Я сдвинулась ниже, чтобы он вошел в меня еще глубже.

Он закрыл глаза, сосредоточенно свел брови. Рот был приоткрыт, из него вырывалось учащенное дыхание.

– Я не могу... – начал он. – О господи, не в силах больше держаться!

Ягодицы его напряглись и дрогнули, твердые под прикосновением моих рук.

Я удовлетворенно вздохнула и, высвободившись из-под него, улеглась рядом.

– Ты в порядке? – спросил он несколько мгновений спустя.

– Да вроде ничего не сломалось, как видишь, – с улыбкой ответила я.

Он хрипло рассмеялся:

– Ты, может, и нет, англичаночка, а вот я могу сломаться.

Он притянул меня к себе поближе, уткнулся щекой в волосы. Я натянула одеяло, укутала им его плечи, подоткнула по бокам, чтобы сохранить тепло. Жар от огня еще не достиг постели, но лед на окнах начал таять, осколки инея превратились в сверкающие алмазы.

Какое-то время мы лежали молча, прислушиваясь к треску яблоневых поленьев в камине и слабым звукам пробуждения постояльцев. Во внутреннем дворе люди перекликались с балконов, оттуда же доносилось шарканье метлы по плитам и взвизгивания снизу, там, где за кухней, в сарайчике хозяйка держала поросят.

– Это уж слишком по-французски, верно? – спросила я, прислушиваясь к искаженным голосам, доносившимся из комнаты снизу: хозяйка беззлобно бранилась с местным виноторговцем.

– Шлюхин сын, чума на твою голову, жулик проклятый! – вопил женский голос. – Бренди, что доставили на той неделе, воняло лошадиной мочой!

– С чего вы взяли, мадам? После шестого стаканчика все на вкус одинаково, что ни пей...

Постель затряслась – это Джейми засмеялся вместе со мной, приподнял голову и с аппетитом начал принимать к запаху жареной ветчины, что просачивался сквозь щели в полу.

– Да, такова Франция, – кивнул он. – Еда, вино и женщины.

Он похлопал меня по голой ляжке и натянул на нее измятую сорочку.

– Джейми, – тихо начала я, – а ты рад? Рад ребенку?

Там, в Шотландии, не имея возможности жить в родном доме, с весьма туманной перспективой нашего устройства во Франции, он без особого энтузиазма воспринимал дополнительные обязательства, которые вскоре должны были свалиться ему на плечи.

Минуту он молчал, еще крепче обнял меня, вздохнул и ответил:

– Э-э, англичаночка... – Рука его скользнула вниз, нежно поглаживая мне живот. – Конечно, рад. И горд, словно жеребец. Но я боюсь...

– Родов? Ничего, я справлюсь.

Его опасения были мне понятны – мать Джейми умерла при его рождении. В те времена роды и осложнения после них были самой частой причиной преждевременной смерти женщин. Однако как-никак, но я в этих делах немного смыслила и вовсе не собиралась обращаться за здешней так называемой медицинской помощью.

– Э-э, этого и вообще всего, – тихо ответил он. – Я хочу защитить тебя, англичаночка, раскинуть над тобой свои крылья и защитить тебя и дите собственным телом.

Голос его звучал хрипловато и нежно.

– Я ради тебя на все готов. И все же... Что я могу? Ничего! Тут не имеет значения, силен я или слаб, хочу я того или не хочу. Я не могу отправиться с тобой туда, куда ты должна отправиться... даже помочь тебе в этом не могу. Стоит только подумать, что может с тобой случиться и что я бессилён хоть как-то тебе помочь... Да, я боюсь, англичаночка... И все же... – добавил он после паузы и нежно опустил руку мне на грудь, – когда я представляю себе, как ты сидишь и кормишь грудью мое дитя... в груди у меня все тает, я ощущаю себя легким и пустым, точно мыльный пузырь, – того и гляди, лопну от радости.

Он крепко прижал меня к себе, а я обняла его.

– О Клэр, ты мне сердце разобьешь... так я люблю тебя.

Я спала, и разбудил меня звон церковного колокола, доносящийся с площади. Уклад жизни в аббатстве Святой Анны был еще жив в памяти, весь ежедневный распорядок подчинялся там звону колоколов, и я, по привычке глянув в окно, пыталась определить, который теперь час. Ясный день, яркое солнце, инея на стеклах нет. Колокола зывали к полуденной мессе. Значит, полдень.

Я потянулась, наслаждаясь мыслью, что сразу встать мне не обязательно. Беременность на ранних сроках утомляет, к тому же долгое путешествие совершенно вымотало меня, а потому отдых казался еще желаннее.

Во время нашего пути на всем побережье Франции бушевали штормы, шел то дождь, то снег. Впрочем, могло быть и хуже. Вообще-то мы сначала собирались в Рим, а не в Гавр, но это означало еще две, а то и три недели путешествия при ужасной погоде.

Поскольку и за границей надо было чем-то зарабатывать на жизнь, Джейми получил рекомендации для устройства переводчиком к Якову Фрэнсису Эдуарду Стюарту, ссыльному королю Шотландии, известному также под именем шевалье Сент-Джорджа, претендента

на престол – называйте, как вам больше нравится, – и мы собирались обосноваться при его дворе в окрестностях Рима.

Перспектива казалась вполне реальной, мы собирались отправиться в Италию, как вдруг дядюшка Джейми, Александр, аббат, у которого мы остановились, вызвал нас к себе в кабинет.

– Я получил известие от его величества, – сообщил он без долгих предисловий.

– Какого именно? – спросил Джейми.

Не слишком большое фамильное сходство между двумя мужчинами усугублялось их позами – оба сидели в креслах прямо, расправив плечи. Что касается аббата, то подобная осанка подбала ему по роду службы. Джейми же не хотел прикасаться только что зажившими ранами к спинке кресла.

– Его величества короля Якова, – ответил дядя, слегка хмурясь, и покосился в мою сторону.

Я старалась сохранять безразличное выражение лица; приглашение в кабинет к аббату было знаком доверия, и мне не хотелось обмануть ожидания этого человека. Он знал меня всего недель шесть, с Рождества, когда мы с Джейми появились у его ворот и муж мой был еле жив после перенесенных им в тюрьме мучений. Понаблюдав за мной какое-то время, аббат проникся ко мне доверием. С другой стороны, я была англичанкой. И английским королем был вовсе не Яков, а Георг.

– О! Так что, ему уже не нужен переводчик?

Джейми, все еще очень худой, много работал на воздухе вместе с братьями из аббатства, и лицо его начало приобретать нормальный здоровый цвет.

– Ему нужен преданный слуга и... друг.

Аббат Александр побарабанил пальцами по лежавшему перед ним на столе письму. Потом поджал губы и перевел взгляд с меня на племянника, затем снова на меня.

– То, что я скажу, должно остаться между нами, – строгим тоном произнес он. – Скоро и так все об этом узнают, но пока еще не время.

Я попыталась нацепить на лицо маску человека, умеющего хранить тайны. Джейми же лишь коротко кивнул.

– Его высочество принц Карл Эдуард выехал из Рима и будет во Франции через неделю, – продолжал аббат, слегка подавшись вперед, словно для того, чтобы подчеркнуть важность сказанного.

И это действительно было важно. В 1715-м Яков Стюарт предпринял неудачную попытку вернуться на трон – военная операция была задумана бездарно, ожидаемой поддержки не получила и провалилась, едва успев начаться. С тех пор, по словам отца Александра, ссыльный Яков Шотландский трудился не покладая рук, рассылал письма монархам дружественных стран; особенно часто писал он своему кузену, французскому королю Людовику, обосновывая претензии на трон Шотландии и Англии, как свои, так и своего сына, принца Карла, которого считал законным наследником этого трона.

– Его двоюродный брат Людовик, к сожалению, остался глух к этим вполне внятным и законным обоснованиям, – сказал аббат, хмуро глядя на письмо, словно то был сам Людовик, а не клочок бумаги. – Если теперь он наконец осознает свою ответственность в данном деле, есть повод к объединению всех, кому дорого священное право монархии.

Сторонниками Якова были якобиты, а среди них самым ярким – аббат Александр из аббатства Святой Анны де Бопре, урожденный Александр Фрэзер Шотландский. Джейми рассказывал мне, что чаще всего ссыльный король писал именно Александру, а тот, в свою очередь, поддерживал связь со всеми сторонниками Стюартов.

– Положение у него в этом смысле удобное, – объяснял мне Джейми.

Папская почта через посыльных функционировала на территории Италии, Франции и Испании быстрее и эффективнее, чем какая-либо другая. Против этих посыльных почти

бессильна таможенная служба, поэтому письма, которые они доставляют, редко подвергаются досмотру.

Большую поддержку Якову Шотландскому, сосланному в Рим, оказывал Папа, крайне заинтересованный в том, чтобы в Англии и Шотландии снова пришла к власти католическая монархия. Поэтому большую часть частной корреспонденции доставляли именно папские посыльные, а передавалась она по назначению через посредство надежных и преданных церковных сторонников, каким и являлся отец Александр из аббатства Святой Анны де Бопре. Он, в свою очередь, поддерживал связь со сторонниками короля в Шотландии, в чем было меньше риска, нежели в открытой отправке почты из Рима в Эдинбург и другие шотландские города.

Я с интересом наблюдала за отцом Александром, пока он расписывал всю важность визита принца Карла во Францию. Полноватый темноволосый мужчина примерно моего роста, значительно ниже своего племянника, лишь в глазах угадывалось сходство – слегка раскосые, они светились умом и, казалось, были способны разгадывать самые скрытые намерения, что вообще было отличительной чертой всех Фрэзеров, с которыми мне доводилось встречаться.

– Однако, – закончил он, поглаживая густую темно-каштановую бородку, – не могу с полной уверенностью сказать, прибыл ли его высочество во Францию по приглашению Людовика или же без того, просто от имени отца.

– Но это существенная разница, – заметил Джейми, скептически приподняв бровь.

Дядя кивнул, в гуще бороды промелькнула кривая улыбка.

– Верно, парень, – сказал он.

В обычно безукоризненном английском звучали нотки шотландского акцента.

– Истинная правда. И вот в этом ты и твоя жена как раз и сможете помочь, если, конечно, захотите.

Предложение сводилось к следующему: его величество король Яков согласен оплатить расходы на дорогу, а также выплачивать небольшое жалованье племяннику его самого верного и преданного друга отца Александра, если тот поедет в Париж, где будет помогать его сыну и наследнику принцу Карлу Эдуарду в меру своих сил и способностей.

Я была удивлена. Ведь мы с самого начала планировали отправиться в Рим – самое подходящее, как нам казалось, место для того, чтобы попытаться предотвратить второе восстание якобитов 1745 года. Я изучала историю и знала, что это восстание, финансируемое из Франции и возглавляемое Карлом Эдуардом, оказалось более успешным, нежели предпринятая в 1715 году попытка захвата власти его отцом, однако и оно в целом закончилось поражением. И если не вмешаться в ход событий, то войска под командованием принца Карла потерпят сокрушительное поражение при Куллодене в 1746-м и шотландскому народу еще на протяжении двух столетий предстоит пожинать горькие плоды этого поражения.

Теперь же, в 1744 году, принц Карл, по всей видимости, начинает искать поддержку во Франции. И есть ли лучший способ остановить смуту, чем попытаться повлиять на ее вдохновителя и зачинщика?

Я взглянула на Джейми – тот смотрел через плечо своего дядюшки на маленькую раку на стене. Глаза его остановились на позолоченной фигурке святой Анны и пучке оранжерейных цветов у ее ног, а мысли, похоже, витали где-то далеко. Наконец он тряхнул головой и улыбнулся дяде.

– А какого рода помощь может понадобиться его высочеству? Впрочем, – добавил он тихо, – думаю, что в любом случае смогу оказать ее. Мы согласны. Едем.

И мы поехали. Вместо того чтобы отправиться напрямик в Париж, мы вдоль побережья добрались сперва до Гавра, чтобы встретиться там с двоюродным братом Джейми Джаредом Фрэзером.

Богатый шотландский эмигрант, Джаред был импортером вин и более крепких спиртных напитков, у него имелся небольшой склад и внушительный жилой дом в Париже и огромный

склад здесь, в Гавре, где он и назначил встречу Джейми после того, как тот написал, что мы будем в городе проездом.

Я хорошо отдохнула и вдруг почувствовала, что проголодалась. На столе служанка оставила еду – видимо, Джейми попросил ее об этом, пока я спала.

Халата у меня не было, зато оказалось под рукой тяжелое бархатное дорожное пальто; я накинула его, ощутив на плечах приятную тяжесть, поднялась, подбросила поленьев в огонь и села за поздний завтрак.

Я с удовольствием жевала черствые рогалики с жареной ветчиной, запивая их молоком из кувшина. Оставалось надеяться, что Джейми тоже хорошо накормят: он уверял, что Джаред – добрый его друг, однако более близкое знакомство с родственниками мужа заставляло сомневаться в их гостеприимстве. Впрочем, аббат Александр принял нас очень радушно, насколько это возможно для человека в его положении, привечающего в доме беглеца-племянника с подозрительной женой, свалившихся как снег на голову. А осенью прошлого года родственники Джейми со стороны матери, Маккензи из Леоха, едва не убили меня, когда я была арестована и осуждена как ведьма.

– Меня утешает, что этот твой Джаред из рода Фрэзеров, – сказала я Джейми, – они не такие бешеные, как Маккензи. А ты с ним вообще когда-нибудь встречался?

– Жил с ним какое-то время, когда мне было восемнадцать, – ответил он, снял комочек оплавленного воска со свечи и вдавил в него обручальное кольцо своего отца: в зелено-серой бляшке остался отпечаток рубина-кабошона с выгравированным на нем девизом Фрэзеров: «Je suis prest»¹⁴. – Он настоял, чтобы я остановился у него, когда я приехал в Париж завершать образование. И был добр ко мне, да и с отцом они очень дружили. И потом, никто не знает парижского общества лучше, чем человек, торгующий спиртным, – добавил он, очищая кольцо от воска. – Я хочу переговорить с кузеном прежде, чем окажусь при дворе Людовика в качестве сторонника Карла Стюарта. Хочу быть уверенным, что мы сможем удрать отсюда в случае чего.

– Но почему? Ты считаешь, что нас ждут какие-то неприятности? – спросила я. – Какой бы помощи ни ждал от нас его высочество, его положение, как мне кажется, обеспечивает защиту.

Он успокоил меня улыбкой:

– Да нет, не думаю, что нас ждут неприятности. Как там говорится в Библии, англичаночка? «Не верь сильным мира сего»?

Он поднялся, поцеловал меня в лоб и убрал кольцо обратно в сумку.

– А кто я такой, чтобы подвергать сомнению слово Божье?..

День я провела за чтением травника, которым в качестве прощального подарка снабдил меня брат Амброз, затем чинила одежду. Одежды у нас было совсем мало – в путешествии налегке есть свои преимущества, но и недостаток тоже есть: дырявые носки и платки с оторвавшейся каймой надо штопать и латать немедленно. Я как зеницу ока берегла коробочку для шитья, а также сундучок, где лежали лекарства и травы.

Игла сновала по ткани, поблескивая в свете солнца, льющегося из окна. Интересно, как прошла встреча Джейми с кузеном? Еще любопытнее было бы знать, каков он, этот принц Карл. Ведь он должен стать первой известной исторической личностью, с которой мне предстоит познакомиться. К тому же, согласно легендам, которые о нем распространились (вернее, распространятся, тут же поправила я себя), личностью он был довольно загадочной. Судьба восстания 1745 года почти целиком зависела от этого молодого человека, от его провала

¹⁴ Я готов (*фр.*).

или успеха. А состоится ли оно вообще, зависит теперь от усилий другого молодого человека, Джеймса Фрэзера. И меня...

Я сидела, целиком погрузившись в работу и свои мысли, как вдруг из забытья меня вывели чьи-то тяжелые шаги по коридору. Я очнулась и поняла, что день уже на исходе. За окном капало – значит, на улице потеплело; заходящее солнце отсвечивало в сосульках, свисающих с крыши. Дверь отворилась, вошел Джейми.

Бегло улыбнувшись мне, он подошел к столу и замер с сосредоточенным выражением на лице, словно пытался вспомнить что-то важное. Снял плащ, сложил его и аккуратно повесил на спинку кровати. Выпрямился, подошел к стулу, опустил на него и закрыл глаза.

Я сидела неподвижно, с забытым на коленях шитьем, и с интересом наблюдала за этим представлением. Через минуту он открыл глаза и улыбнулся мне, однако не произнес ни слова. Потом, подавшись вперед, начал внимательно изучать мое лицо, точно мы не виделись несколько недель. А после с видом человека, сделавшего какое-то важное открытие, расслабился, опустил плечи и уперся локтями в колени.

– Виски... – довольным тоном произнес он.

– Это я вижу, – осторожно заметила я. – Причем много виски.

Он медленно покачал головой, словно она была у него тяжелая-претяжелая. Казалось, было слышно, как в нем плещется это виски.

– Да не я, – отчетливо выговорил он. – Ты.

– Я?!

Возмущению моему не было предела.

– Твои глаза, – сказал он.

И с трудом выдавил улыбку. У него самого глаза были затуманенные, как поверхность пруда под дождем.

– Мои глаза? Но при чем тут мои глаза?

– Они цвета о-о-очень хорошего виски, когда солнце светит вот так, сбоку. Сегодня утром я думал, они цвета шерри. Видишь, ошибся. Не шерри. И не бренди. Виски... Это я тебе говорю.

Выражение лица у него было при этом такое довольное, что я невольно расхохоталась.

– Джейми, ты же в стельку пьян! Чем ты занимался?

Он слегка нахмурился.

– Я не пьяный.

– Ах нет?

Я отложила шитье, подошла и опустила ему руку на лоб. Он был холодный и влажный, а лицо розовело румянцем.

Джейми тут же обхватил меня за талию и, притянув к себе, ласково уткнулся носом в грудь. Запах спиртного, исходивший от него, был так силен, что казался почти осязаемым, он окутывал его, словно туман.

– Иди ко мне, англичаночка, – пробормотал он, – моя девочка с глазками цвета виски, моя любовь... Давай я отнесу тебя в постельку...

«Скорее тебя надо отнести в постельку», – подумала я, однако спорить не стала.

В любом случае уложить его надо. Наклонившись, я подставила плечо, но он отстранился и величественно распрямился во весь свой огромный рост.

– Нечего мне помогать, – сказал он и дернул шнур, стягивающий ворот его рубахи. – Я же сказал: я не пьяный...

– Ты прав, – согласилась я. – Пьяный – это слишком мягко сказано. Ты в полной отключке, Джейми.

Он перевел взгляд с рубашки на килт, взглянул на пол, потом – на меня.

– Ничего подобного, – надменно пробормотал он и сделал ко мне шаг. – Иди сюда, англичаночка... Я готов...

Про себя я подумала, что «готов» – самое подходящее для него сейчас определение. Рубашку он расстегнул только до пояса, и она сползла с плеч, однако снимать ее совсем он, видно, не собирался.

Широкая грудь была обнажена, в центре живота виднелась уютная ямочка, уткнувшись в которую подбородком я так любила лежать. Вокруг сосков виляла поросль коротких курчавых волос. Заметив, что я разглядываю его, он взял меня за руку и положил ее к себе на грудь. Он был такой упоительно теплый, что я тут же прильнула к нему. Он обнял меня другой рукой и наклонился поцеловать. У меня голова закружилась от запаха спиртного, исходящего от него.

– Ладно, – засмеялась я, – раз ты готов, то и я тоже. Только позволь прежде раздеть тебя, хоть я и наработалась сегодня.

Пока я раздевала его, он не сделал ни малейшего движения, стоял совершенно неподвижно. Не шелохнулся и тогда, когда я сняла с себя верхнюю одежду и повернулась к кровати.

Я забралась в постель и обернулась – он стоял посреди комнаты, величественный и розовый в последних отсветах солнца. И напоминал греческую статую: длинный прямой нос, высокие скулы – такие профили выбивали на римских монетах. Крупный, но нежно очерченный рот слегка растянулся в улыбке, раскосые глаза мечтательно смотрели куда-то вдаль. Стоял и не двигался с места.

Я заволновалась.

– Джейми! – окликнула я его. – Скажи-ка, как ты определяешь, пьяный ты или нет.

Выведенный из транса звуками моего голоса, он слегка пошатнулся и уцепился за угол каминной доски. Глаза его, поблуждав по комнате, остановились на мне. Туманная пелена исчезла, они прояснились и вновь засверкали умом и живостью.

– Да очень просто, англичаночка. Раз можешь стоять, значит, не пьяный.

Он отпустил каминную доску, шагнул ко мне и медленно осел на пол – глаза пустые, широко раскрыты, и мечтательная улыбка на губах.

– О-о!.. – только и смогла произнести я.

Тирольские трели петухов во дворе и стук горшков внизу, в кухне, разбудили меня на рассвете. Фигура, лежавшая рядом, дернулась. Джейми пробудился мгновенно и сразу сморщился от боли в голове.

Я, опершись на локоть, созерцала эти бранные останки. Могло быть и хуже. Глаза плотно зажмурены, чтобы не раздражал солнечный свет, волосы торчат в разные стороны, как иглы у ежа, но кожа бледная и чистая, а пальцы, сжимающие край покрывала, почти не дрожат.

Я осторожно приоткрыла одно зажмуренное веко, заглянула под него и шутливо спросила:

– Есть кто дома?

Тут и второй глаз, близнец первого, медленно приоткрылся. Я убрала руку и встретила его взгляд улыбкой:

– Доброе утро!

– Это как посмотреть, англичаночка, – ответил он и снова закрыл глаза.

– Ты хоть имеешь представление, сколько в тебе весу? – спросила я как бы между прочим.

– Нет.

Сам тон ответа подсказывал, что он не только не знает, но и вообще никогда не задумывался об этом. Однако я не сдавалась.

– Думаю, стоунов¹⁵ пятнадцать, около того. Вес кабана приличных размеров. К сожалению, у меня нет помощника, который подвесил бы тебя к шесту вверх ногами и отнес к дымящемуся очагу.

Один глаз приоткрылся снова и с тревогой уставился на меня, а потом на выложенный плиткой пол у камина в дальнем конце комнаты, и губы раздвинула робкая улыбка.

– Как это ты умудрилась втащить меня на кровать?

– А я и не тащила. Поднять тебя я все равно не смогла бы, а потому оставила лежать там, только прикрыла одеялом. Где-то в середине ночи ты немного очухался и приполз сюда.

Он, похоже, был удивлен и открыл уже оба глаза.

– Правда?

Я кивнула и попыталась пригладить рыжие волосы, торчавшие над левым ухом.

– О да! Ты действовал очень целеустремленно.

– Целеустремленно? – Нахмурившись и обхватив голову руками, он на мгновение задумался и произнес: – Да нет, я не мог.

– Очень даже мог. Со второй попытки.

Он недоверчиво оглядел свои руки, грудь и ноги, словно сомневаясь в способности своего тела проделать такие действия, затем снова перевел взгляд на меня.

– Правда? Слушай, это же нечестно! Я ничегошеньки об этом не помню! – Секунду он молчал и выглядел пристыженным. – Скажи, а я... это... не натворил никаких глупостей?

– Нет. Глупостью это вряд ли можно назвать. К тому же ты был не слишком разговорчив.

– Слава Господу и на этом, – сказал он, и из груди его вырвался тихий смешок.

– Гм... Ты только и твердил: «Я люблю тебя».

Он снова издал смешок, на этот раз громче:

– Ах вон оно как... Могло быть и хуже.

Он набрал в грудь воздуха, но вдруг замер. Повернул голову и подозрительно принялся к пучку мягких рыжеватых волос под приподнятой рукой.

– Боже! – воскликнул он и отстранился от меня. – Не вздумай приняохиваться ко мне, англичаночка. От меня воняет, как от старого вепря, который сдох неделю назад.

– И был замаринован в бренди, – добавила я и придвинулась ближе. – Как это, скажи на милость, ты умудрился так нализаться?

– Пресловутое гостеприимство Джареда. – С глубоким вздохом он откинулся на подушки и обнял меня за плечи. – Он повел показывать свой склад в доках. Показал и кладовую, где хранятся самые редкие вина, португальское бренди и ямайский ром.

Он слегка поморщился при этом воспоминании.

– Пришлось попробовать. Вино оказалось неплохим, особенно если сперва набрать в рот, а потом выплюнуть, как делают знатоки, но разве могли мы поступить таким образом с бренди? Кроме того, Джаред уверяет, что оно должно медленно стекать по горлу, только так можно понастоящему оценить качество бренди.

– Ну и сколько же вы оценили? – с любопытством осведомилась я.

– Потерял счет уже на второй бутылке.

Тут за окном зазвенел колокол, сзывающий к утренней мессе. Джейми выпрямился и уставился в окно, через которое в комнату врывались яркие лучи солнца.

– Господи, англичаночка! А который теперь час?

– Думаю, около шести, – ответила я. – А что?

– О, ну тогда еще ничего. Я уж испугался, что звонят к полуденной мессе. Потерял всякое представление о времени.

– Да уж. А впрочем, разве это имеет значение?

¹⁵ Стоун – мера веса, равная 6,35 кг.

Он энергично откинул одеяла и встал. Слегка пошатнулся, но сохранил равновесие. Прижал обе ладони к голове, словно желая убедиться, что она на месте.

– Знаешь, – вздохнул он, – сегодня мы с Джаредом договорились встретиться в доках, у него на складе.

– Вот как? – Я вылезла из кровати и нашарила под ней ночной горшок. – Если он планирует довести начатое до конца, то ему вряд ли нужен свидетель.

– Что довести до конца?

– Да вот что. Почти все твои родственники только и мечтают прикончить тебя или меня. Почему бы и не Джаред тоже? Одну попытку он уже предпринял – отравил тебя алкоголем.

– Ужасно смешно, англичаночка! – сухо парировал он. – Лучше скажи: есть у тебя какой-нибудь приличный наряд?

В дороге я была одета в серое саржевое платье, приобретенное в аббатстве через надежных людей на распродаже, однако я все же захватила с собой наряд, в котором бежала из Шотландии, подарок леди Аннабел Макраннох, – красивое бархатное зеленое платье. Оно немного бледнило меня, но выглядело очень нарядным.

– Думаю, да, если только он не пострадал от морской воды.

Я опустилась на колени у маленького дорожного сундучка, достала и развернула платье. Опустившись со мной рядом, Джейми поднял крышку аптечки и начал изучать ряды склянок, пузырьков, коробочек и пакетиков с травами.

– А у тебя есть здесь что-нибудь от сильной головной боли, англичаночка?

Глянув через его плечо, я дотронулась до одного пузырька:

– Шандра помогает, хотя это и не лучшее средство. Вот чай из коры ивы с фенхелем очень хорош, но нужно время, чтобы настоялся. Вот что, дам-ка я тебе печеночницу. Тут же снимает всякую головную боль.

Он подозрительно косился на меня синие глаза:

– От одного названия тошно...

– Да, – весело согласилась я. – Но средство замечательное. Вырвет, и тут же станет легче.

– Ммфм... – Он встал и придвинул ко мне ногой ночной горшок. – Рвота по утрам – это по твоей части, англичаночка. Давай собирайся, одевайся. Я уж как-нибудь справлюсь с головной болью сам.

Джаред Мурро Фрэзер оказался маленьким, шупленьким человечком с живыми черными глазами, он был очень похож на своего дальнего родственника Мурту, члена клана Фрэзер, который сопровождал нас до Гавра. Когда я увидела Джареда, важно стоявшего в раскрытых воротах склада, так что веренице грузчиков с бочками приходилось огибать его, сходство настолько поразило меня, что я заморгала и протерла глаза. Мурта, насколько мне было известно, остался на постоялом дворе – лечить охромевшую лошадь.

У Джареда были точь-в-точь такие же длинные темные волосы и пронзительные глаза, такая же жилистая обезьянья фигурка. Но на этом сходство и кончалось. Когда мы подошли поближе – причем Джейми галантно расчищал мне дорогу, проталкиваясь через толпу локтями и плечами, – я увидела и различия. Лицо у Джареда было скорее вытянутое, нежели в форме сердечка, с задорным курносом носом, от чего тут же разрушалось впечатление важности и напыщенности, которое возникало от его позы и подчеркивалось отлично сшитым платьем и гордой осанкой.

Удачливый купец, а не скотопромышленник, он, в отличие от Мурты, умел улыбаться; у того на лице, казалось, навеки застыло настороженное и суровое выражение. Джаред же, едва завидя нас, расцвел в широкой приветливой улыбке.

– Дорогая! – воскликнул он и, подхватив меня под руку, оттащил в сторону: на нас надвигались два гиганта грузчика, катившие перед собой огромную бочку. – Счастлив наконец познакомиться с вами!

Бочка с грохотом вкатилась на деревянный настил, и я расслышала, как булькает внутри нее содержимое.

– С ромом можно так обращаться, – заметил Джаред, следя за ее перемещением. – С ромом – да, но только не с портвейном. Им я всегда занимаюсь сам, как и винами, разлитыми в бутылки. Кстати, я как раз собирался пойти взглянуть на партию, прибывшую из Бель-Ружа. Не желаете ли сопровождать меня?

Я взглянула на Джейми, тот кивнул, и мы тут же последовали за Джаредом, уворачиваясь от катившихся бочек, тележек и тачек, а также мужчин и мальчишек самой живописной наружности, тащивших на спинах рулоны тканей, ящики с зерном и продуктами, свернутые в трубку медные листы, мешки с мукой и прочий товар, который обычно перевозится морем.

Гавр являлся в ту пору важным торговым портом, а сердцем города были доки. Вдоль гавани более чем на четверть мили тянулся причал с выступающими из него пирсами, возле которых стояли на якоре трехмачтовые барки и бригантины, рыбацкие плоскодонки и небольшие галеры – все виды судов, снабжавшие Францию провиантом и другого рода товарами.

Джейми крепко держал меня под локоть, чтобы уберечь от столкновения с ручными тележками, катящимися бочками и крикливыми торговцами и матросами, которые, похоже, вовсе не глядели, куда идут, а просто толклись на причале повсюду.

Джаред шел с другой стороны и кричал мне в ухо, указывая на заслуживающие интереса объекты, мимо которых мы проходили, и бодрой скороговоркой давая пояснения о каждом корабле и его хозяине. Оказывается, «Арианной», которую мы вскоре должны были увидеть, владел Джаред. Вообще суда здесь принадлежали или частному лицу, или же – в большинстве своем – группе торговцев, являясь их коллективной собственностью. А иногда – капитану, который нанимал команду и сдавал корабль в аренду купцам. Увидев, что в личном владении находится куда меньше кораблей, чем в коллективном, я поняла, что Джаред – действительно состоятельный человек.

«Арианна» оказалась где-то в середине ряда стоявших на якоре кораблей, прямо напротив большого склада с выведенными мелом на двускатной крыше крупными буквами: «Фрэзер». Увидев это имя здесь, я ощутила легкое волнение и гордость за то, что ношу его; оно давало чувство принадлежности к роду, уверенности в себе.

«Арианна» была трехмачтовым судном примерно шестидесяти футов в длину, с широким носом; у борта, обращенного к берегу, виднелись две пушки – наверное, на случай встречи в море с пиратами-грабителями, подумала я. По палубе сновали люди – насколько я понимала, не бесцельно, хотя с виду все это походило на разворошенный муравейник.

Все паруса были спущены и закреплены, но начавшийся прилив слегка раскачивал судно, оно словно кивало нам бушпритом. Нос украшал вырезанный из дерева бюст дамы с довольно мрачным выражением лица; огромные обнаженные груди и спутанные локоны были покрыты солью. Дама смотрела так, словно ей вовсе не нравится море.

– Красотка, правда? – спросил Джаред, махнув рукой.

Я поняла, что он имеет в виду «Арианну», а вовсе не деревянное изваяние дамы.

– Да, хороша, – вежливо откликнулся Джейми.

Я заметила, как он с тревогой взглянул на ватерлинию, туда, где маленькие волны лизали темно-серый корпус корабля. Очевидно, он опасался, что нам придется подниматься на борт. Храбрый воин, отчаянный и напористый на поле брани, Джейми Фрэзер был по натуре человеком сугубо сухопутным.

Он вовсе не принадлежал к распространенному в Шотландии племени заядлых морских волков, охотившихся на китов у Тарвати или совершающих кругосветные плавания в поис-

ках богатства. На воде он страдал от морской болезни, причем в такой острой форме, что едва не погиб в декабре, когда мы переправлялись через пролив. Правда, тогда он был ослаблен тюремным заточением и пытками. А сейчас последствия вчерашней оргии с Джаредом не слишком располагали к морским прогулкам. Я заметила, как лицо его омрачили воспоминания, а кузен тем временем превозносил прочность и скорость «Арианны». Тогда я, придвинувшись к Джейми поближе, шепнула ему на ухо:

– Ну не полезем же мы на палубу, раз она на якоре.

– Не знаю, англичаночка, – ответил он, и в его взгляде читались одновременно отвращение и решимость. – Скоро выясним.

Джаред дошел до половины трапа, громкими криками приветствуя команду.

– Если вдруг увидишь, что я позеленел, притворись, что падаешь в обморок, или еще что-нибудь придумай. Иначе меня стошнит прямо на башмаки родственнику, а такие выходки, знаешь ли, производят дурное впечатление.

Я похлопала его по руке:

– Не волнуйся. Я в тебя верю.

– Да при чем тут я! – ответил он, бросая последний тоскливый взгляд на твердую землю. – Это мой желудок...

Палуба тихонько покачивалась под ногами, но Джейми и его желудок держались молодцом – возможно, тут сыграло свою роль бренди, которым щедро угощал нас капитан.

– Славная штука, – сказал Джейми, поднеся стаканчик к носу, и, прикрыв глаза, одобрительно вдохнул густой аромат. – Португальское, верно?

Джаред одобрительно рассмеялся и подтолкнул капитана локтем:

– Видал, Портис? Я же говорил тебе: у него нюх на спиртное! А ведь он пробовал такое только раз!

Я прикусила губу и избегала смотреть Джейми в глаза. Капитан, огромного роста неряшливый мужчина, выглядел утомленным, однако скроил приветливую гримасу и улыбнулся Джейми, обнажив три золотых зуба. Этот человек явно вознамерился держать свое богатство при себе.

– Угу, – буркнул он. – Так это тот парень, которого ты хотел нанять осушать твои трюмы?

Джаред на секунду смутился, на обветренном лице вспыхнул румянец. Я заметила, что одно ухо у него проколото для серьги. Интересно, с чего же он начал сколачивать свое состояние?

– А-а, ладно, – протянул он, и впервые в его речи был отчетливо различим шотландский акцент. – Там видно будет. Но сдастся мне...

Тут он бросил взгляд в сторону порта, где по-прежнему кипела жизнь, потом скосил глаза на стакан, поданный капитаном, и осушил его в три глотка.

– Вот что, Портис, ты не позволишь ненадолго занять твою каюту? Хочу спокойно поболтать с племянником и его женой, а там у вас на корме, похоже, какая-то заваруха, шум да гвалт.

Этого замечания оказалось достаточно, чтобы капитан Портис вылетел из каюты, словно разъяренный вепрь, и вскоре с кормы донесся его хриплый голос. Орал он на смеси испанского с французским – к счастью, я не понимала почти ни слова.

Джаред подошел к двери и плотно притворил ее, отчего крики капитана почти заглохли. Возвратился к маленькому столику и церемонно наполнил наши стаканы. Взглянул на Джейми, на меня и снова смущенно улыбнулся.

– Я действительно собирался кое-что предложить тебе, – начал он, – но мой старый добрый капитан перехватил инициативу. Дело в том...

Он приподнял свой стакан, и в бренди засияли солнечные лучи, отбрасывая блики по каюте.

– Дело в том, что мне и вправду нужен человек.

Он поднес стакан к губам и начал пить.

– Хороший человек, – добавил он. – Видите ли, дорогая, – обратился он уже ко мне, – у меня появилась редкая возможность вложить деньги в новый винный завод в Мозеле. Ни одному из подчиненных доверить организацию этого дела я не могу, мне нужно видеть и пощупать все самому. Чтобы наладить там производство, понадобится несколько месяцев.

Он задумчиво смотрел в стакан, слегка взбалтывая ароматную коричневую жидкость, пока запах этот, казалось, не проник в каждую щелку каюты. Я отпила всего несколько капель, но вдруг почувствовала, что голова кружится. Скорее от возбуждения, чем от спиртного.

– Такая возможность выпадает не часто, и упускать ее не стоит, – продолжил Джаред. – К тому же можно заключить несколько очень выгодных контрактов с винодельческими заводами, расположенными у Роны, вина у них отличные, но в Париже известны мало. Господи, да у здешней знати они пойдут нарасхват, как снега летом не сыщешь!

Хитрые карие глазки жадно сверкнули при мысли о доходах, которые можно будет при этом извлечь, и снова засветились добродушием. Он перевел взгляд на меня.

– Но...

– Но, – закончила я за него, – вы не можете оставить дело здесь без присмотра.

– Ум, красота, обаяние!.. Я поздравляю тебя, кузен!

Склонив аккуратно причесанную голову, он бросил одобрительно-хитроватый взгляд на Джейми.

– Признаюсь, я и сам не вполне понимаю, как все это лучше организовать, – сказал он, ставя стакан на маленький столик с видом человека, который, оставив всякую фривольность, решил перейти к серьезному разговору. – И когда вы написали мне из аббатства о своем намерении посетить Париж...

Он на секунду замолк, потом, улыбнувшись Джейми, радостно всплеснул руками.

– Я ведь помню, мой мальчик: голова у тебя на цифры варит! Просто Бог услышал мои молитвы! И все же я решил, что надо предварительно встретиться и возобновить дружбу, прежде чем предлагать тебе что-то определенное.

«Просто хотел посмотреть, насколько я презентабельна», – подумала я про себя, но тем не менее одарила Джареда самой приветливой улыбкой.

И тут же поймала на себе вопросительный взгляд Джейми, он удивленно приподнял бровь. Да, нынешняя неделя удивительно богата на разного рода предложения. Похоже, что на услуги лишенного всяких прав изгоя и подозреваемой в шпионаже англичанки здесь большой спрос.

Условия, предложенные Джаредом, были более чем щедрыми: за то, что Джейми будет в течение полугода возглавлять его бизнес во Франции, он собирался не только выплачивать ему зарплату, но и предоставить в полное распоряжение свой дом в Париже со всей прислугой.

– Что ты, что ты, это же сущие пустяки! – остановил он Джейми, когда тот собрался было возразить по поводу последнего пункта.

Потом, приложив палец к кончику носа, одарил меня очаровательной улыбкой.

– Хорошенькая женщина в качестве хозяйки дома на разных приемах – это только способствует бизнесу, кузен. Ты не представляешь, как ходко идет торговля вином, если покупатель сперва пробует товар! – Он решительно тряхнул головой. – Нет, ты окажешь мне огромную услугу, если твоя супруга возьмет на себя труд развлекать моих гостей.

Перспектива развлекать сливки парижского общества на обедах и ужинах немного пугала. Джейми вопросительно взглянул на меня, но я улыбнулась в ответ и кивнула. Предложение выглядело заманчиво. Если сам Джейми готов возглавить столь сложное и важное дело, то уж и я как-нибудь справлюсь. Буду устраивать званые обеды и совершенствовать свой разговорный французский.

– Сушие пустыки, – пробормотала я, и Джаред, посчитав мой ответ само собой разумеющимся, перевел пристальный взгляд маленьких черных глазок на Джейми.

– Я подумал, что для осуществления целей, с которыми вы прибыли в Париж, обзавестись кое-какими связями не помешает.

Джейми весело улыбнулся, а Джаред, издав короткий довольный смешок, снова потянулся к своему стаканчику. Перед каждым из нас стояло по бокалу с водой, чтобы можно было прополоскать рот между глотками, и он схватил тот из них, что был ближе.

– Итак, тост! – провозгласил он. – За наше сотрудничество, кузен, и за его величество!

Он салютовал стаканчиком, провел им над бокалом с водой и поднес к губам.

Я с удивлением наблюдала за этими столь странными манипуляциями. Очевидно, значение их было понятно Джейми, и он, улыбнувшись Джареду, в свою очередь поднял стаканчик и провел им над водой.

– За его величество! – повторил он и, заметив мое недоумение, объяснил с улыбкой: – За господство его величества на суше и на море, англичаночка!

– О-о... – понимающе протянула я.

Король на суше и на море – это же король Яков. Это отчасти объясняло неожиданное желание многих видеть меня и Джейми в Париже.

Если Джаред тоже якобит, тогда его переписка с аббатом Александром – не просто совпадение... Вполне вероятно, что письмо Джейми, сообщавшее о нашем прибытии, пришло вместе с еще одним, от аббата, где он упоминал о поручении от короля Якова. И если наше присутствие в Париже совпадает с планами самого Джареда – что ж, тем лучше. Приятно удивленная четкой работой связи между якобитами, я поднесла свой стаканчик к губам и тоже выпила за господство его величества на суше и на море, а также за наше сотрудничество с Джаредом.

Затем Джаред с Джейми, склонившись над густо исписанными чернилами листами бумаги, пустились обсуждать детали бизнеса. Крошечная каюта насквозь пропиталась запахом табака, спиртных паров и немытого тела, и меня опять начало слегка подташнивать. Понимая, что сейчас мужчинам не до меня, я тихонько поднялась и вышла на палубу.

Стараясь держаться как можно дальше от все еще бранившихся где-то под палубой моряков, я пробралась через свернутые кольцом канаты и сложенные паруса в тихий уголок на носу, откуда открывался прекрасный вид на гавань.

Усевшись на сундук, я с наслаждением вдохнула соленый воздух с привкусом дегтя и рыбы – запах морских странствий, запах гавани. Было по-прежнему прохладно, но я лишь плотнее запахнула на себе плащ и не слишком мерзла. Корабль медленно покачивался на мелких волнах прилива, я видела, как шевелятся на сваях причала длинные, похожие на растрепанную бороду водоросли, под которыми сверкали черные раковины мидий.

Их вид напомнил мне вчерашний обед – жареные мидии с маслом, и я вдруг почувствовала, что страшно проголодалась. Похоже, эта беременность сделала меня полной рабой своего желудка: теперь я знала лишь два состояния – омерзительной тошноты или зверского голода. Мысли о еде плавно перетекли к приемам и обедам, на которых мне предстоит развлекать гостей. Обеды?... Гм... Немного странно, конечно, начинать спасение Шотландии именно со званых обедов, но, похоже, на данный момент другого выбора нет.

По крайней мере, если Карл Стюарт будет сидеть за столом напротив, я смогу за ним наблюдать. Глаз не спущу! Я улыбнулась. Если вдруг ему придет в голову прыгнуть на корабль и отправиться в Шотландию, возможно, успею подсыпать ему чего-нибудь в суп...

И вообще, вероятно, это вовсе не так уж смешно, как кажется. Я вспомнила о Джейлисе Дункан, и улыбка увяла. Жена сборщика налогов из Крэйнсмуира, она убила своего мужа, подсыпав ему в еду во время банкета цианистый калий. Вскоре ее обвинили в колдовстве и арестовали – как раз в то время я находилась в тюрьме. Потом был суд, именно во время суда Джейми и спас меня. Воспоминания о нескольких днях, проведенных в промозглых и сумрач-

ных подвалах тюрьмы Крэйнсмуира, были все еще слишком свежи в памяти, и мне вдруг стало страшно холодно.

Я вздрогнула, но не только от холода. Просто я не могла думать о Джейлис Дункан без содрогания. И даже не из-за ее поступка, а из-за того, кем эта женщина была. Да, она тоже была яacobиткой, принадлежала к тому разряду сторонников Стюартов, у которых преданность делу граничит почти с безумием. Хуже того, мы с ней были одного поля ягоды – она тоже явилась из каменного круга.

Я не знала, попала ли она в прошлое случайно, подобно мне, или же совершила это путешествие во времени преднамеренно. Не знала и откуда именно она явилась. Но отчетливо помню, какой видела Джейлис в последний раз: высокая, светловолосая, она выкрикивает проклятия в адрес судей, а на левой руке, у предплечья, блестит пресловутая круглая отметина прививки. Я непроизвольно нащупала под мягкими складками ткани пятнышко загрубевшей кожи у предплечья и содрогнулась.

От этих грустных воспоминаний меня отвлек шум, доносившийся с соседнего причала. Там, у корабельного трапа, собралась целая толпа людей, они громко кричали и толкались. Нет, не драка... Я пригляделась, прикрывая глаза от солнца ладонью, но не заметила, чтобы они обменивались ударами. Несколько человек пытались пробить себе дорогу к дверям большого склада у края причала. Толпа упрямо противостояла этим усилиям, оттесняя их назад.

Внезапно за моей спиной возник Джейми, следом шел Джаред; оба они тоже стали наблюдать за этой сценой. Оглушенная криками толпы, я не слышала, как они подошли.

– Что это там?

Я встала и почувствовала его запах: сегодня утром в гостинице Джейми выкупался, и от него веяло свежестью и теплом. Тонкий аромат со слабой примесью запаха пыли и солнца. Обостренное обоняние – еще один побочный эффект беременности: я бы различила его запах среди мириад других так же отчетливо, как слух позволяет выделить чей-то высокий голос из шума и крика толпы на улице.

– Не знаю. Похоже, какая-то заваруха на соседнем корабле.

Он успокаивающим жестом положил руку мне на локоть.

Джаред обернулся и рывкнул одному из матросов с косичкой какую-то команду на своем гортанном французском. Матрос послушно перешагнул через перила и съехал на берег по канату. Мы с палубы наблюдали, как он подошел к толпе, толкнул какого-то моряка под ребра, получил ответный удар, сопровождавшийся выразительной жестикуляцией.

Джаред, хмурясь, выслушал, что сказал ему матрос с косичкой, подойдя к краю причала. Говорил он на жаргонном французском, и я не поняла смысла сказанного. Джаред отвернулся и, подойдя ко мне, стал рядом, опустив руки на поручни.

– Говорят, что на борту «Патагонии» какая-то болезнь.

– Что за болезнь?

Я не догадалась захватить с собой аптечку, а потому помочь ничем не могла, но меня разбирало любопытство. Джаред выглядел встревоженным.

– Боятся, что оспа, но точно не знают. Послали за инспектором порта и начальником гавани.

– Может, мне взглянуть? – предложила я. – Уж по крайней мере, смогу разобраться, заразная это болезнь или нет.

Темные брови Джареда удивленно поползли вверх и скрылись под темной челкой. Джейми смутился.

– Моя жена – известная целительница, кузен, – объяснил он и, повернувшись ко мне, отрицательно покачал головой. – Нет, англичаночка, это опасно.

Я отчетливо видела, что творится у борта «Патагонии»: толпа внезапно отшатнулась, люди толкались и наступали друг другу на ноги. С палубы шагнули на трап два матроса,

они несли кусок парусины, приспособленный под носилки. Белая грубая ткань прогибалась под тяжестью человека, с самодельных носилок свешивалась обнаженная загорелая рука.

Рты и носы матросов прикрывали тряпичные повязки, они усердно отворачивались от больного и, переругиваясь, тащили свою ношу по причалу под настороженными взглядами толпы. Вот они подошли к складу и скрылись за дверью.

Решение было принято. Я повернулась и направилась к трапу «Арианны».

– Не волнуйся, – сказала я Джейми через плечо. – Если это действительно оспа, я не заражусь.

Один из моряков, расслышав эти слова, уставился на меня, разинув рот, но я лишь улыбнулась и прошла мимо.

Толпа теперь стояла неподвижно, и пройти сквозь нее не составило труда. Матросы лишь хмурились и провожали меня удивленными взглядами. Складом давно не пользовались, в огромном помещении было пусто – ни бочек, ни мешков, но запахи некогда хранившихся здесь товаров, пиленого дерева, копченого мяса и рыбы еще остались и четко превалировали над всеми остальными.

Больного свалили на землю прямо у двери, на кучу упаковочной соломы. Выполнившие свою миссию моряки торопливо двинулись мимо меня к выходу.

Я осторожно приблизилась и остановилась в нескольких футах от больного. Лицо его покраснелось от лихорадки, кожа приобрела странный темный оттенок и была густо усыпана нарывами. Он стонал, голова металась из стороны в сторону, пересохший рот искажен гримасой.

– Добудьте мне воды, – сказала я одному из матросов, оказавшемуся поблизости.

Матрос, плотный и мускулистый коротышка с торчавшей в разные стороны хвостиками бородой, уставился на меня с таким изумлением, словно заговорила рыба.

Отвернувшись от него, я опустила на колени возле больного и расстегнула грязную рубашку. Пахло от него просто чудовищно – видимо, из боязни заразиться товарищи вообще не приближались к нему, и несчастный ходил под себя. Руки относительно чистые, но грудь и живот густо покрывали нарывы, а кожа на ощупь была горячей.

Пока я осматривала его, в склад вошел Джейми, а следом за ним – Джаред. Их сопровождал маленький человечек с грушеобразной фигурой, в изукрашенном золотым шитьем мундире, а также еще двое мужчин: один из них, судя по платью, был знатного происхождения, а возможно, богатый буржуа, второй – высокий тощий тип с обветренным лицом. По всей видимости, это был капитан зараженного оспой судна, если я, разумеется, не ошиблась в диагнозе.

Похоже, то действительно была оспа. Я перевидала немало больных оспой в отдаленных от цивилизации уголках мира, куда в юности возил меня мой дядя, мистер Лэмберт Бошан, известный археолог.

Этот парень не мочился кровью, как иногда бывает, когда болезнь разрушает почки, но все остальные симптомы были классическими.

– Боюсь, это оспа, – сказала я.

Капитан «Патагонии», сердито вскрикнув что-то, шагнул ко мне – лицо искажено гневом, руки сжаты в кулаки, того и гляди ударит.

– Нет! – воскликнул он. – Глупая женщина! Ты что, хочешь меня разорить?

Последние его слова захлебнулись в сдавленном вскрике – это Джейми схватил его за горло. Другой рукой он сгреб рубашку на груди капитана, отчего тот привстал на цыпочки.

– Советую вам обращаться к моей жене с должным почтением, месье, – довольно мирным тоном произнес Джейми.

Капитан, лицо которого побагровело, мог лишь коротко кивнуть в ответ, и Джейми отпустил его. Моряк отступил и, с трудом переводя дух и потирая горло, спрятался за спинами других.

Кругленький низенький чиновник опасливо склонился над больным, придерживая у носа большой серебряный шарик на цепочке, содержащий ароматические вещества, – старинное средство от заразы. Толпа вновь отхлынула от дверей: в помещение внесли еще одни парусиновые носилки.

Больной, лежавший доселе почти неподвижно, вдруг резко сел, до смерти перепугав склонившегося над ним чиновника. Обвел диким взором стены склада, глаза его закатились, и он безжизненно рухнул на солому, словно человек, которому отрубили голову. Голова была на месте, но исход тот же.

– Он умер, – сказала я, что было и без того понятно.

Чиновник, не расстававшийся со своим шариком, обрел присутствие духа и снова шагнул вперед. Внимательно осмотрел тело, выпрямился и объявил:

– Оспа. Дама права. Извините, господин граф, но вам, как и прочим, хорошо известны законы.

Человек, к которому он обращался, нетерпеливо вздохнул. Хмурясь, взглянул на меня, потом перевел взгляд на чиновника.

– Уверен, все можно устроить наилучшим образом, месье Памплемюс. Позвольте вас на пару слов.

Он сделал жест в сторону маленькой будки для начальника склада, довольно странного на вид сооружения внутри большого помещения. Принадлежавший, судя по платью и титулу, к высшей парижской знати, граф был элегантно стройным мужчиной с густыми бровями и тонкими губами. Все его манеры говорили о том, что человек этот привык повелевать.

Однако маленький чиновник отстранился, выставив вперед, словно для защиты, пухлые ручки.

– Нет, господин граф, – сказал он. – Очень сожалею, но это невозможно. Никак нельзя. Слишком много людей уже знают об этом. Новость наверняка разлетелась по всем докам.

Он беспомощно оглянулся на Джейми и Джаред, махнул ручкой в сторону входа, где в дверях, на фоне клонившегося к закату солнца вырисовывались силуэты молчаливо наблюдавших за происходящим зевак.

– Нет, – повторил он, и в упитанной его фигуре читалась теперь решимость. – Прошу прощения, месье, мадам... – добавил он, словно только что заметил меня. – Очень сожалею, но мне следует идти отдать соответствующие распоряжения об уничтожении корабля.

Капитан, испустив невнятное проклятие, схватил его за рукав, но чиновник вырвался и торопливо направился к выходу.

Напряжение после его ухода не спало. Граф и капитан злобно глядели на меня, Джейми грозно косился в их сторону, а мертвец, лежавший на полу, уставился в потолок невидящим взором.

Граф шагнул ко мне, глаза его сверкали.

– Вы хоть понимаете, что натворили? – рявкнул он. – Предупреждаю, мадам, вы еще мне за это заплатите!

Джейми двинулся было к графу, но его опередил Джаред. Крепко ухватив Джейми за рукав, он одновременно подтолкнул меня к двери и пробормотал что-то неразборчивое капитану, который в ответ лишь мрачно покачал головой.

– Вот педераст несчастный! Тьфу! – воскликнул Джаред на улице, удрученно качая головой.

На причале было прохладно, дул сильный ветер, раскачивая стоявшие на якоре корабли, но Джаред отер пот с лица огромным красным носовым платком, выдернутым из кармана пальто.

– Идемте, ребятки, найдем таверну. Мне просто необходимо выпить.

Благополучно добравшись до одной из портовых таверн, Джаред поднялся на второй этаж, подошел к столу, где стоял кувшин вина, плюхнулся на стул и, тяжело отдуваясь, начал обмахиваться платком.

– Боже, ну и везуха!

Он плеснул вина в глиняную чашку, сполоснул ее, выплеснул, налил снова. Перехватив мой удивленный взгляд, усмехнулся и протянул мне кувшин.

– Тут вино, девочка, – объяснил он, – жидкость, которую мы пьем, чтобы смыть грязь и пыль. Быстро глотай, прежде чем распробуешь, а уж оно свою работу сделает.

И, последовав собственному совету, поспешно осушил чашку и снова потянулся за кувшином. Я начинала понимать, что произошло с Джейми накануне.

– Так удача или нет? – с любопытством спросила я Джареда.

Я ожидала ответа «нет», но радостно-приподнятое состояние духа, в котором пребывал маленький торговец, нельзя было объяснить лишь воздействием красного вина, кстати, сильно напоминавшего по вкусу кислоту для автомобильного аккумулятора. Я оставила чашку в надежде, что оно еще не успело окончательно разрушить зубную эмаль.

– Для меня удача, для Сен-Жермена – нет, – лаконично ответил он, поднялся со стула и выглянул в окно. – Прекрасно, – заметил он после паузы. – К вечеру они выгрузят вино с корабля целым и невредимым.

Джейми, откинувшись на спинку стула, наблюдал за кузеном с легкой улыбкой на губах.

– Правильно ли я понял, кузен, что на корабле графа Сен-Жермена тоже было вино?

В ответ Джаред расплылся в улыбке, обнажив в нижней челюсти два золотых зуба, что делало его еще больше похожим на пирата.

– Самый выдержанный, самый лучший портвейн из Пинья, – радостно подтвердил он. – Стоил ему целое состояние. Здесь половина урожая с виноградников в Новале, в этом году больше уже не будет.

– А вторая половина, как я понимаю, разгружается на склад нашего родственника? – Теперь я догадалась об истинной причине его восторга.

– Правильно, девочка, умница моя! Правильно!

Джаред испустил сдавленный смешок.

– А знаешь ли ты, по какой теперь цене оно пойдет в Париже? – спросил он, подавшись вперед, и со стуком поставил чашку на стол. – Учитывая, что поставки ограничены и я в некотором роде монополист? Господи, да я одним махом получил годовой доход!

Я встала и тоже выглянула из окна. Вода сильно поднялась; из-за ограждения на верхней палубе «Арианны» осторожно, бутылку за бутылкой, вынимали вино и перегружали на тележки, в которых оно должно было начать свое путешествие на склад.

– Что ж, подобное состояние дел вполне можно назвать удачей, – несколько неуверенно заметила я. – Так вы говорите, вторая половина урожая поступила оттуда же, откуда и груз Сен-Жермена?

– Ну да. – Джаред стал рядом со мной, наблюдая за процессией грузчиков внизу. – В Новале производится лучший в Испании и Португалии портвейн. Я бы с удовольствием закупил всю партию, да денег не хватило. А что?

– Да то, что, если эти два корабля пришли из одного места, есть шанс, что кто-то из вашей команды тоже подхватил оспу, – сказала я.

При мысли об этом краска отхлынула у Джареда от лица, и он снова потянулся к кувшину, взбодриться.

– Господи, что за идея!.. – пробормотал он и опустил чашку на стол. – Хотя уверен, у нас все в порядке! – добавил он, словно успокаивая сам себя. – Половину портвейна уже выгрузили. Все же, пожалуй, стоит переговорить с капитаном...

Он нахмурился.

– Заставлю его рассчитаться с матросами, как только разгрузка будет закончена. И если кто-то из них выглядит скверно, пусть берет свои денежки и проваливает на все четыре стороны!

С этими словами он развернулся и бросился вон из комнаты. У двери задержался, чтобы сказать нам:

– А вы пока закажите ужин! – и сбежал вниз по лестнице, топая, словно целое стадо слонов.

Я взглянула на Джейми – он сидел, растерянно уставившись в чашку с вином.

– Он не смеет это делать! – воскликнула я. – Если на борту оспа, один человек, отпущенный с корабля, может заразить весь город!

Джейми медленно кивнул.

– Тогда остается лишь уповать на то, что у них никто не заболел, – тихо заметил он.

Я неуверенно направилась к двери.

– Но... разве мы не должны что-то предпринять? Я могу пойти и осмотреть его людей. Потом надо объяснить, как поступить с телами тех, умерших на складе.

– Англичаночка...

Низкий голос звучал мягко, но в нем отчетливо угадывалось предостережение.

– Что?

Я обернулась и увидела, как он, подавшись вперед, изучающе смотрит на меня. Так он смотрел и молчал, наверное, с минуту, прежде чем заговорить.

– Как ты считаешь, англичаночка, задача, которую мы себе поставили, важна или нет?

Рука моя соскользнула с дверной ручки.

– Остановить Стюартов? Не дать им поднять восстание в Шотландии? Да, конечно. Но почему ты спрашиваешь?

Он нетерпеливо кивнул, словно учитель, втолковывающий что-то непонятливому ученику.

– Вот именно. А потому, раз ты так считаешь, садись, пей вино и жди, пока не вернется Джаред. А если не послушаешься...

Он сделал паузу и с силой выдохнул воздух, отчего надо лбом его взлетела волна красноватых волос.

– Если заупрямишься, тогда ступай в гавань, где полно моряков и торговцев, твердо убежденных, что женщина на корабле и возле него приносит несчастье, и которые уже распустили слухи, что именно ты наслала проклятие на корабль Сен-Жермена. Ступай и скажи им, что они должны сделать. Если повезет, они побоятся изнасиловать тебя, перед тем как перерезать горло и швырнуть твоё тело в воду, после чего точно таким же образом расправятся и со мной. Если только прежде сам Сен-Жермен тебя не удушит. Ты заметила, как он смотрел на тебя?

Я вернулась к столу и села. Колени слегка дрожали.

– Заметила... – пробормотала я. – Но не может же он... не смеет...

Джейми приподнял брови и придвинул ко мне чашку с вином.

– Очень даже смеет и именно так и поступит при любом удобном случае. Господи, англичаночка, неужели не понятно, что этот человек лишился по твоей милости целого состояния? А он не из тех, кто воспринимает подобную потерю с философским спокойствием. Разве не ты во всеуслышание заявила начальнику порта, что это оспа, при свидетелях? И если бы не это твое заявление, он вполне мог бы уладить дело с помощью взятки. И почему, как ты думаешь, Джаред столь поспешно увел нас сюда попробовать и оценить это вино?

Губы мои жгло, словно я хлебнула купороса.

– Так ты хочешь сказать... мы в опасности?

Он кивнул.

– Ну вот, наконец-то дошло, – добродушно заметил он. – Не думаю, что Джаред сознательно хотел напугать тебя. Наверняка он старается сейчас организовать для нас какую-то охрану, а заодно проверить и свою команду. Уверен, что сам он в безопасности, его все знают, а рядом – команда и грузчики.

Я растерла плечи – кожа покрылась мурашками. В камине весело пылал огонь, и в комнате было тепло и дымно, но меня пробирали дрожь.

– Откуда ты знаешь, что граф Сен-Жермен способен на такое?

Я не то чтобы не верила Джейми, прекрасно помня налитый злобой взгляд черных глаз, устремленный на меня, просто хотелось понять, насколько хорошо он знает этого человека.

Джейми отпил маленький глоток, скривился и отставил чашку.

– С одной стороны, у него довольно скверная репутация, а с другой... Я кое-что слышал о графе и раньше, когда жил в Париже, хотя, к счастью, никогда не сталкивался с ним. Кроме того, не далее как вчера Джаред предупредил меня о нем. Граф – главный конкурент Джареда по бизнесу в Париже.

Опершись локтями на стол, я уткнулась подбородком в скрещенные руки.

– Да, натворила я тут дел... Напортила, наверное, и тебе.

Голос мой звучал печально.

Он улыбнулся, встал, подошел ко мне сзади, наклонился и обнял. И мне, вконец разволнованнейшей от этих откровений, сразу стало спокойнее. Джейми поцеловал меня в макушку.

– Не тревожься, англичаночка, – сказал он. – О себе я всегда могу позаботиться. И о тебе тоже, если, конечно, позволишь...

Голос звучал вопросительно, и я кивнула, закинула голову и прижалась к его груди.

– Позволю, – ответила я. – И пусть теперь судьба оберегает жителей Гавра от оспы...

Джаред вернулся примерно через час. Уши его покраснелись от холода, но воротник был распахнут, словно он задыхался от жары. Увидев его, я обрадовалась.

– Все в порядке! – объявил он, сияя улыбкой. – Ничего, кроме цинги, простуды и самого заурядного расстройства желудка, на борту обнаружить не удалось.

Он, потирая руки, оглядел комнату.

– А где же ужин?

С пылающими от ветра щеками он выглядел бодрым и довольным собой. Очевидно, схватки с конкурентами, готовыми перерезать сопернику глотку, лишь раззадоривали его. А почему бы нет, цинично подумала я. В конце концов, он ведь шотландец.

Словно в подтверждение этой моей мысли Джаред заказал ужин и отличное вино к нему, за которым пришлось послать человека на собственный склад. Плотно перекусив, он пустился объяснять Джейми тонкости своего ремесла, посвящая в нюансы общения с французскими дельцами.

– Бандиты, – охарактеризовал он их, – все до одного! Не успеешь оглянуться, а он уже вонзил нож тебе в спину. Грязные воры! Не верь им ни на йоту! Половина суммы авансом, вторая – по доставке товара. И никаких кредитов для знати!

Несмотря на уверения Джареда, что внизу он оставил на страже двух верных людей, я все же немного нервничала и после ужина подседа к окну, откуда было видно, что происходит на пирсе. Не думаю, что от моих наблюдений было много пользы – каждый второй проходивший мимо человек казался мне убийцей.

Над морем собирались облака – похоже, ночью опять пойдет снег. Спущенные паруса трепетали на ветру, шум, производимый при этом, почти заглушал громкие голоса грузчиков. На несколько секунд гавань озарилась призрачным зеленоватым светом, словно под давлением облаков солнце погрузилось в воду.

Стемнело, и суэта начала утихать. Грузчики с тележками разошлись по улицам, моряки скрывались за освещенными дверями заведений, подобных тому, в каком находились мы. Однако нельзя было сказать, что пристань опустела полностью: у несчастной «Патагонии» все еще толпилась кучка людей. Мужчины в униформе образовали нечто вроде кордона у подножия трапа – несомненно, для того, чтобы никто не мог проникнуть на корабль, а также сойти с него. Джаред объяснил, что здоровым членам команды разрешат сойти на берег, не позволяя при этом брать с собой какие-либо вещи, кроме, разумеется, одежды, которая была на них.

– Это еще по-божески, не то что у голландцев, – заметил он, почесывая выступившую на подбородке густую черную щетину. – Там, если корабль приходит из зараженного оспой места, эти проклятые голландцы заставляют бедняг моряков плыть к берегу нагишом.

– А что же они надевают, добравшись до берега? – с любопытством спросила я.

– Не знаю, – рассеянно ответил Джаред. – Но поскольку, едва ступив на сушу, они тут же умудряются найти бордель, не думаю, чтобы это было для них проблемой. Вы уж извините, дорогая, – торопливо добавил он, вспомнив, что беседует с дамой.

Впрочем, он быстро преодолел смущение, поднялся, подошел ко мне и тоже выглянул из окна.

– Ага! Они собираются поджечь корабль. Зная, что в нем находится, им лучше отвести «Патагонию» подальше от порта.

К обреченной «Патагонии» привязали канаты, наготове выстроился целый ряд весельных шлюпок с гребцами, ожидавшими команды. Ее отдал начальник порта, чьи золотые нашивки были едва различимы в сгустившихся сумерках. Он прокричал что-то и начал медленно размахивать поднятыми над головой руками, точно семафор.

На его команду откликнулись капитаны гребных шлюпок и галер. И вот канаты неспешно поднялись и натянулись, струи воды стекали с пеньки, шум их был отчетливо слышен во внезапно наступившем на берегу молчании. Крики гребцов были единственным звуком, нарушавшим эту тишину. Темный корпус обреченного судна скрипнул, дрогнул и развернулся по ветру; ванты стонали. И «Патагония» отправилась в свой последний недолгий путь.

Они остановили ее в середине гавани, на безопасном расстоянии от других кораблей. Палубы залили маслом, канаты перерезали; шлюпки отошли, с банки небольшого ялика поднялась плотная приземистая фигурка начальника порта. Он наклонился, что-то сказал одному из сидящих, выпрямился, и в руке у него оказался пылающий факел.

Гребец, сидевший за его спиной, отпрянул – чиновник широко размахнулся и метнул факел. Тяжелая палка с намотанными на одном конце тряпками, пропитанными маслом, кувыркаясь, взлетела в воздух, огонь засветился голубоватым оттенком, и вот она исчезла за поручнями. Начальник порта не собирался дожидаться, пока его действия возымеют эффект. Он тут же сел, отчаянно жестикулируя гребцам, те налегли на весла, и маленькая лодочка стала ходко удаляться от корабля.

Довольно долго «Патагония» безмолвно стояла, окутанная тьмой. Но толпа на берегу замерла в ожидании, оттуда доносился приглушенный ропот. В темном стекле у меня над головой плыло бледное отражение лица Джейми. Стекло было холодным и быстро запотело от нашего дыхания, я протерла его краем рукава.

– Вот оно... – тихо произнес Джейми.

За поручнями вспыхнул огонь, пробежал по палубе, оставляя за собой узенькую голубоватую дорожку. Последовала более сильная вспышка – и к небу взметнулись высокие оранжево-красные языки. Они танцевали по пропитанным маслом доскам; вот занялся и, с треском рассыпая искры, сгорел один парус.

Менее чем за минуту мачты окутались клубами дыма, верхний грот-брамсель вдруг развернулся и превратился в охваченное огнем, летящее по ветру полотнище. Огонь распространился так быстро, что невозможно было уследить, – казалось, все вспыхнуло разом.

– Сейчас! – воскликнул Джаред. – Давайте вниз, быстро! Самый удобный момент смазаться, зеваки слишком поглощены зрелищем. Нас никто не заметит.

Он оказался прав. Не успели мы осторожно выбраться из таверны, как по обе стороны от дверей материализовались две фигуры – матросы Джареда, вооруженные пистолями и кинжалами. Но никто, кроме них, не заметил нас. Внимание всех было приковано к гавани, где в отдалении зиял чернотой на фоне бушующего пламени остов «Патагонии». Последовала целая серия хлопков, они звучали так громко, что напомнили мне стрельбу из автомата, а затем прогремел чудовищной силы взрыв и к облакам взметнулся фонтан искр и обломков горящего дерева.

– Идем.

Джейми крепко взял меня за руку, и я не сопротивлялась. Следуя за Джаредом в сопровождении матросов, мы торопливо покинули порт, словно поджог этот был делом наших рук.

Глава 7

Аудиенция у короля

Парижский особняк Джареда располагался на улице Тремулен. Это был район, где жили богачи: на улицу, напирая друг на друга, смотрели фасады трех-, четырех-, а то и пятиэтажных зданий. Там и сям какой-нибудь особенно роскошный дом стоял отдельно, в собственном парке. Однако по большей части любой достаточно ловкий вор-домушник мог без труда перепрыгнуть с крыши на крышу.

– Ммфм... – Это был единственный комментарий Мурты в ответ на предложение перебраться в дом Джареда. – Уж как-нибудь сам подберу себе жилье.

– Не нравится ночевать в приличном помещении – можешь поселиться на конюшне, – заметил Джейми и усмехнулся, глядя сверху вниз на своего сурового низкорослого крестного. – А лакей будет приносить тебе туда кашу на серебряном подносе.

Внутренняя обстановка отличалась комфортом и элегантностью, но, как мне вскоре предстояло убедиться, казалась спартанской в сравнении с другими домами знати и богатых буржуа. Возможно, отчасти это объяснялось отсутствием в доме хозяйки: Джаред никогда не был женат и, похоже, нисколько не страдал от отсутствия супруги.

– Разумеется, у него есть любовница, – заметил Джейми, когда я пустилась в рассуждения о личной жизни его кузена.

– Ну да, наверное, – пробормотала я в ответ.

– Но она замужем. Как-то Джаред говорил мне, что деловой человек не должен связываться с незамужними женщинами, слишком уж много расходов и времени они требуют. А стоит на такой жениться – и она наверняка запустит лапку в твои денежки, и ты окончишь дни свои бедняком.

– Замечательное представление о женах, – язвительно заметила я. – Что же, интересно, тогда он думает о твоём браке?

Джейми расхохотался.

– Начнем с того, что денег у меня вообще нет, так что и разорение не грозит. К тому же он считает тебя очень привлекательной, хотя и твердит, что я обязательно должен купить тебе новое платье.

Я расправила на коленях яблочно-зеленую бархатную юбку, уже изрядно истрепавшуюся.

– Думаю, да, – согласилась я. – Иначе придется выходить к гостям, завернувшись в простыню, так как это платье стало тесно в талии.

– И в других местах тоже, – сказал он с улыбкой, окинув меня взглядом. – Что, вернулся аппетит, а, англичаночка?

– Глупенький! – холодно парировала я. – Тебе прекрасно известно, что Аннабел Макранох, например, фигурой в точности напоминает ручку от лопаты, в то время как я – нет.

– Да, ты нет... – согласился он, окидывая меня одобрительным взглядом. – И слава богу. И он фамильярно похлопал меня ниже спины.

– Сегодня утром встречаюсь с Джаредом, на складе. Должны посмотреть с ним гроссбухи, потом он хочет представить меня некоторым своим клиентам. Ты не будешь скучать, а?

– Конечно, нет, – ответила я. – Осмотрю дом, познакомлюсь со слугами.

Вчера вечером, сразу по прибытии, я видела всех слуг разом, но поскольку мы обедали у себя в комнате, то, кроме лакея, подававшего к столу, и горничной, которая пришла рано утром поднять шторы, разжечь огонь в камине, а также вынести ночной горшок, ни с кем познакомиться не успела. Меня немного страшила мысль о том, что предстоит командовать целым штатом прислуги, но я успокоила себя, решив, что ничего страшного тут нет – ведь в больнице я довольно успешно отдавала распоряжения медсестрам и няням, а еще раньше, в тысяча девятьсот сорок третьем году, во Франции, сама служила медсестрой.

После ухода Джейми я решила привести себя в порядок, насколько это возможно, имея под рукой лишь расческу и воду – единственные доступные здесь предметы гигиены. Если Джаред действительно хочет, чтобы я давала званые обеды, следует всерьез задуматься о новом платье.

В боковом кармашке моей аптечки лежали высушенные веточки ивы, с помощью которых я чистила зубы. Я достала одну и принялась за дело, размышляя о превратностях судьбы, которая завела нас сюда.

Путь назад, в Шотландию, был нам заказан, а потому предстояло искать себе новое прибежище или в Европе, или же эмигрировав в Америку. Зная об отношении Джейми к морским путешествиям, я ничуть не удивлялась, что он с самого начала решил остановиться на Франции.

Фрэзеры всегда имели самые тесные связи с Францией; многие из них, подобно аббату Александру и Джареду, обосновались здесь, и редко кто возвращался позже на родину. Кроме того, как сказал мне Джейми, среди них было много якобитов – тех, кто последовал за своим королем в ссылку; все они жили теперь во Франции или Италии в ожидании его возвращения на престол.

– Об этом только и говорят, – сказал он мне, – но по большей части дома, а не в тавернах. Вот почему до сих пор нет никакого результата. Если бы такие разговоры начались в тавернах, это означало бы, что дело приняло серьезный оборот.

– Скажи, – спросила я Джейми, глядя, как он отряхивает пыль с одежды, – все шотландцы прирожденные политики или только ты?

Он рассмеялся, но тут же посерьезнел и, раскрыв дверцы огромного гардероба, повесил туда свой камзол. Он выглядел таким поношенным и жалким в этом пустом, просторном, пахнущем кедром пространстве.

– Вот что я скажу тебе, англичаночка. Пока не знаю. Но принадлежность к таким двум кланам, как Фрэзеры и Маккензи, не позволяет особенно выбирать. И потом, год жизни во Франции и два года службы в армии научили меня, что между тем, что сказано вслух, и тем, что имеется в виду, – большая разница. В наши времена я не один такой, в Шотландии нет ни одного помещика или батрака, который остался бы в стороне от этих событий.

– Событий? А что, собственно, должно случиться? – спросила я.

Что случится, если все наши усилия не принесут плодов и грянет вооруженное восстание, предпринятое с целью восстановить монархию Стюартов, восстание, возглавляемое принцем Карлом Эдуардом Казимиром Мария Сильвестром Стюартом, сыном ссыльного короля?..

– Красавчик принц Чарли... – тихо произнесла я, глядя на свое отражение в высоком трюмо.

Он здесь, в этом городе, возможно, совсем недалеко отсюда... Интересно, как он выглядит? Я имела представление о его внешности лишь по известному старинному портрету, на котором был изображен красивый, немного женственный юноша лет шестнадцати или около того, с нежным розовым ртом и напудренными, согласно тогдашней моде, волосами. Видела я и другие картины, уже вымышленные, а не с натуры, где мужественного вида молодой человек выходил из лодки на берег Шотландии, воинственно размахивая палашом.

На берег Шотландии, которую он разрушит и погубит в попытке восстановить свою власть и власть своего отца. Обреченный на поражение, он сумел набрать достаточно сторонников, чтобы расколоть страну и пройти вместе с ними через гражданские войны к бесславному кровавому концу в битве при Куллодене. Оттуда он побежит искать спасения во Франции, а враг его обрушит возмездие на головы тех, кого он оставил на родине.

Именно для того, чтобы предотвратить эту беду, мы и пришли сюда. В доме Джареда нас окружал такой комфорт и покой, что грядущие несчастья казались невероятными. Как же предотвратить восстание? Ну, раз его подогревают разговоры в тавернах, можно попробовать начать со званых обедов. Я пожала плечами и улыбнулась своему отражению, сдула упавший на лицо локон и пошла вниз морочить голову кухарке.

Прислуга, вначале воспринявшая меня с испуганной настороженностью, вскоре сообразила, что я вовсе не собираюсь вмешиваться в их работу, расслабилась и пустилась исполнять свои обязанности со сдержанным усердием. При первом знакомстве, когда все слуги стояли в холле, выстроившись в ряд, мне показалось, что их дюжина. На деле их оказалось шестнадцать, в том числе лакей, мальчик-конюшенный и еще один мальчик, исполнявший на кухне обязанности резальщика, – в первый момент в общей суете я их вовсе не заметила. Я еще лучше поняла секрет процветания Джареда, когда узнала, насколько мало платит он своим слугам; так, например, лакей получал в год пару новых башмаков и два ливра; горничные и посудомойки – и того меньше. Чуть больше платили таким важным персонам, как кухарка мадам Вионе и дворецкий Магнус.

Изучая организацию домашнего хозяйства, я по крохам собирала информацию, пользуясь в основном сплетнями горничных. Джейми каждый день уходил с Джаредом встречаться с клиентами и прочими нужными людьми, готовя себя к службе его величеству и обзаводясь разными полезными связями, которые могли пригодиться принцу. Именно среди приглашенных в дом гостей рассчитывали мы найти союзников.

– Сен-Жермен? – переспросила я, услышав в болтовне Маргерит, полирующей паркет, знакомое имя. – Граф Сен-Жермен?

– Да, мадам.

Это была низенькая толстушка со странно плоским лицом и выпуклыми глазами, что делало ее похожей на рыбу тюрбо, однако несколько не мешало быть приветливой и услужливой. Она сложила губы в маленький кружок, явно приготовившись выдать какую-то скандальную информацию. Я, насколько это возможно, приободрила ее взглядом.

– У этого графа, мадам, очень скверная репутация, – многозначительно произнесла она.

Поскольку точно так же, если верить Маргерит, можно было охарактеризовать и всех остальных гостей, приходивших к нам на обеды, я приподняла бровь и приготовилась выслушать подробности.

– Он продал душу дьяволу, – заявила она, понизив голос, и обвела комнату настороженным взглядом, словно этот джентльмен мог неожиданно выпрыгнуть откуда-нибудь, скажем, из камина. – Он посещает черные мессы, где нечестивцы пьют кровь и едят плоть невинных младенцев.

«Да, чудный персонаж выбрала ты себе в качестве противника», – подумала я.

– Да это каждый знает, мадам! – уверила меня Маргерит. – Но на женщин это не влияет, они все от него без ума. Куда бы он ни шел, они так и падают перед ним! Наверное, потому, что очень уж он богат...

Очевидно, это достоинство, по разумению Маргерит, вполне перевешивало даже факт поедания плоти и питья крови невинных младенцев.

– Как интересно! – заметила я. – Мне всегда казалось, что месье граф – конкурент вашему Джареду, ведь он тоже импортирует вина, разве нет? Почему же тогда месье Джаред приглашает его в дом?

Маргерит подняла глаза от паркета и рассмеялась:

– Почему, мадам? Да потому, что месье Джаред может подать за обедом лучшее вино и сказать месье графу, что только что приобрел десять бочек такого, а после обеда вручить ему бутылочку с собой.

– Понимаю, – ответила я и усмехнулась. – А месье Джареда тоже приглашают на обеды к графу?

Она кивнула; белый фартук снова навис над бутылкой с мастикой и тряпкой.

– О да, мадам! Но не слишком часто.

К счастью, на сегодняшний вечер граф Сен-Жермен приглашения не получил. Мы обедали в тесном семейном кругу, и Джаред посвящал Джейми в последние детали перед отъездом. Из них важнейшим был прием, который король давал в Версале.

Приглашение в Версаль, по словам Джареда, расценивалось как знак благоволения со стороны власть имущих.

– Это не к тебе относится, дружок, – добродушно заметил он, ткнув в сторону Джейми вилкой. – Ко мне. Король хочет убедиться, что я вернусь из Германии. А если не он, так Дюверни, министр финансов, уж точно. Последнее повышение налогов крепко ударило по купцам, и многие из них, иностранцы, уехали. Надеюсь, понимаешь, как это отразилось на королевской казне.

При мысли о налогах он скроил гримасу и бросил хмурый взгляд на надетого на вилку крошечного угря.

– Собираюсь отправиться в понедельник. Жду только сообщения о благополучном прибытии в Калас «Вильгельмины», и тут же в путь.

Джаред откусил еще кусочек угря и кивнул Джейми.

– Оставляю дело в надежных руках, парень, тут мне беспокоиться не о чем. Хотя есть еще кое-какие детали, которые следовало бы обсудить. Есть договоренность с графом Маришалем вместе сходить на Монмартр через пару дней. Тебе следует засвидетельствовать свое почтение его высочеству принцу Карлу.

Сердце у меня взволнованно екнуло, и мы с Джейми обменялись быстрыми взглядами. Он кивнул Джареду с таким видом, словно в предложении кузена не было ничего особенного, однако я заметила, как яростно сверкнули при этом его глаза. Итак, началось...

– Его высочество ведет здесь очень уединенный образ жизни, – говорил Джаред, подцепляя на вилку последнего скользкого от масла угря. – Он не может позволить себе появляться в обществе до тех пор, пока король не примет его официально. А потому редко выходит из дому и видится с крайне ограниченным кругом людей, за исключением, разумеется, сторонников отца, которые приходят засвидетельствовать свое почтение.

– А я слышала совсем обратное, – решила вмешаться я.

– Вот как?

На меня удивленно уставились две пары глаз, а Джаред даже отложил вилку, оставив в покое последнего угря.

Джейми приподнял бровь.

– Что же ты слышала, англичаночка, и от кого?

– От слуг, – ответила я и занялась своим угрем.

Увидев, как помрачнел Джаред, я вдруг впервые поняла, что сплетничать с горничными – занятие для дамы не слишком достойное.

«Ну и черт с ним, – с некоторой долей злорадства подумала я. – А что еще остается делать?»

– Горничная сказала, что его высочество принц Карл часто посещает принцессу Луизу де ла Тур де Рохан, – сказала я, подцепив угря на вилку, и стала медленно жевать.

Измумительно изысканное блюдо, однако я всегда относилась к угрям с некоторым недоверием: они казались мне живыми. Разжевала, проглотила... Нет, вроде бы ничего, все в порядке.

– В отсутствие ее мужа, разумеется, – добавила я.

Джейми, похоже, позабавила эта сплетня, Джаред же смотрел на меня с ужасом.

– Принцессу? – переспросил он. – Мари Луизу Генриетту Жанну де ла Тур д’Оверн? Но семья ее мужа – приближенные короля.

Он задумчиво провел ладонью по губам, отчего на ней остался жирный след.

– Это очень опасно... – пробормотал он, словно разговаривая сам с собой. – Интересно, этот ничтожный дурак... Но нет, он все же не настолько глуп... Должно быть, это просто по неопытности, он не так часто бывает в обществе, и потом, в Риме все по-другому. И все же...

Он замолк и вопросительно взглянул на Джейми.

– Вот тебе первое задание, друг мой. Ты почти одного возраста с его высочеством, но у тебя есть опыт жизни в Париже, и, смею польстить себе, моя выучка тоже не прошла даром. – Он бегло улыбнулся Джейми. – Ты можешь подружиться с его высочеством, помочь ему наладить отношения с полезными людьми. Большинство из них тебе уже знакомы. А также объяснить его высочеству, как можно тактичнее, что ухаживание за этой дамой может нанести огромный вред и помешать осуществлению целей его отца.

Джейми рассеянно кивнул, мысли его были где-то далеко.

– А как наша горничная узнала о похождениях его высочества, англичаночка? – спросил он. – Она ведь выходит из дому не чаще чем раз в неделю, и то только в церковь, верно?

Я покачала головой и поспешно проглотила очередной кусок, прежде чем ответить:

– Насколько я поняла, посудомойке рассказал это поваренок с кухни, который, в свою очередь, слышал это от конюшенного, а тот – от лакея соседей. Не знаю, сколько еще людей посвящено в эту тайну, но семья де ла Тур живет всего в трех домах от нас. Полагаю, что и принцесса о нас все знает, – весело добавила я. – По крайней мере, если любит судачить со своими посудомойками.

– Дамы не вступают в беседу с посудомойками, – холодно заметил Джаред и многозначительно сузил глаза, давая Джейми понять, что тот должен призвать свою жену к порядку.

Я заметила, как дрогнул уголок губ у Джейми, но он лишь отпил еще глоток «Мон-траше» и, сменив тему, начал обсуждать последнюю сделку Джареда – поставку рома кораблем с Ямайки.

Когда Джаред позвонил, чтобы убрали посуду и принесли бренди, я извинилась и встала из-за стола. Джаред имел привычку курить за бренди длинные черные сигары с обрезанными концами, и у меня возникло подозрение, что, как бы тщательно ни пережевывала я угрей, они непременно попросятся обратно, стоит мне вдохнуть вонючий густой дым.

Лежа в постели, я, без особого, впрочем, успеха, старалась выбросить из головы угрей. Закрыла глаза и стала думать о Ямайке – о чудесных белых пляжах, залитых тропическим солнцем. Но мысли о Ямайке навели на мысль о «Вильгельмине», потом – о кораблях и море, и перед глазами снова неотвратимо возникли огромные угри: они корчились и извивались в зеленых водорослях. А потому я с облегчением приветствовала появление в спальне Джейми и даже радостно привстала в постели.

– Фу! – Он облокотился спиной о запертую дверь, обмахиваясь кружевным концом своего жабо. – Чувствую себя копченой сосиской. Я очень люблю Джареда, но тем не менее буду счастлив, когда он увезет свои вонючие сигары в Германию.

– Раз от тебя пахнет сигарой, ко мне не подходи, – сказала я. – Угри не выносят дыма.

– Можно ли винить их в этом! – Он снял куртку и расстегнул рубашку. – А знаешь, у меня появилась идея, – признался он, косясь на дверь и стаскивая рубашку. – А на мысль натолкнули пчелы.

– Пчелы?!

– Знаешь, как переносят ульи с пчелами? – спросил он, распахивая окно и вешая рубашку на крючок возле него. – Берешь трубку самого что ни на есть крепкого табака, втыкаешь ее в улей и вдвухаешь туда дым. Пчелы так и валятся, одурманенные, и ты можешь переносить их куда угодно. Думаю, примерно то же делает со своими клиентами Джаред: одурманивает их дымом, и они не глядя подписывают заказы на втрое большие поставки вина, чем собирались прежде, не успев очухаться.

Я хихикнула, а он усмехнулся в ответ и приложил палец к губам – в коридоре послышались шаги Джареда, он шел к себе в спальню.

Когда опасность миновала, Джейми подошел и растянулся рядом со мной в одном килте и чулках.

– Не слишком воняет? – спросил он. – А то могу пойти спать в гардеробную. Или высунуть голову в окно, чтобы выветрился запах.

Я принюхалась – рыжеватые пряди слабо пахли табаком. Отблеск свечи придавал им золотистый оттенок, и я начала теревить его шевелюру пальцами, ощущая их нежность и шелковистость.

– Да нет, не так уж и страшно, не волнуйся. Тебя не тревожит, что Джаред скоро уедет?

Он поцеловал меня в лоб, уперся головой в валик под подушкой и улыбнулся:

– Нет. Я перезнакомился со всеми главными его клиентами и с капитанами, знаю всех складских рабочих и портовых чиновников. У меня есть перечень цен, а список инвентаря я затвердил на зубок. Пора перейти к практике. Джареду уже нечему меня учить.

– А принц Карл?

Он прикрыл глаза и тихонько хмыкнул.

– О да. Но тут следует скорее полагаться на милость Божью, а не на Джареда. Мне кажется, будет лучше, если Джаред уедет и не увидит, какие шаги мы предпринимаем.

– А какие шаги? – спросила я. – У тебя есть какая-нибудь идея, Джейми?

Я ощущала на лице его теплое дыхание, пахнущее бренди, и, приподняв голову, поцеловала его. Мягкие губы раскрылись под моими, и целую минуту, прежде чем ответить, он наслаждался этим поцелуем.

– О, есть, – со вздохом ответил он и откинул голову. – Не знаю, к чему они приведут, но идеи имеются.

– Расскажи.

– Ммфм...

Он устроился поудобнее, лег на спину и, обняв меня одной рукой, заставил положить голову ему на плечо.

– Ну, – начал он, – насколько я понимаю, это прежде всего вопрос денег, англичаночка.

– Денег? – Мне казалось, что это прежде всего вопрос политики, а не денег. – Разве не потому французы хотят восстановления на троне Якова, что это нанесет удар Англии? Насколько я понимаю, Людовик хотел, вернее, захочет, – поправила я, – отвлечь внимание короля Георга с помощью Карла Стюарта от того, что он, Людовик, намерен совершить в Брюсселе?

– Это верно, – ответил Джейми, – но для возвращения на престол короля требуются деньги. А их у Людовика не так много, чтобы одновременно вести войну с Брюсселем и финансировать вторжение в Англию. Слышала, что говорил о королевской казне и налогах Джаред?

– Да, но...

– Нет, тут все зависит не от Людовика, – заметил он поучительным тоном. – Хотя, конечно, и он может сказать свое слово. Существуют и другие источники денег, к которым хотят подобраться Яков и Карл. Это французские банкиры, Ватикан и испанский королевский двор.

– Тогда, наверное, Яков обхаживает Ватикан и испанцев, а Карл – французских банкиров? Ты как считаешь?

Он кивнул, не сводя глаз с резных панелей потолка. Сделанные из орехового дерева, они в свете свечей отливали мягким светло-коричневым блеском, а по углам их украшали более темные по цвету розетки и ленты, тоже из дерева.

– Да. Дядя Алекс показывал мне письма от его величества короля Якова. Судя по ним, он больше всего рассчитывает на испанцев. Папа был вынужден поддерживать Якова, поскольку тот католик. Папа Клемент вообще поддерживал его много лет, и теперь, после его смерти, это продолжает Папа Бенедикт, но уже на более скромном уровне. А Филипп Испанский и Людовик приходится Якову кузенами; это их долг – помогать Бурбону. – Он искоса взглянул на меня и слегка улыбнулся. – Однако жизненный опыт подсказывает мне, англичаночка, что, когда речь заходит о деньгах, зов крови ослабевает.

Приподняв по очереди ноги, он одной рукой стащил чулки и швырнул их на стул рядом с постелью.

– Яков получил деньги от испанцев тридцать лет назад, – заметил он, – а также небольшой флот и людей. И результат – восстание в тысяча семьсот пятнадцатом. Но ему не повезло, войска потерпели поражение при Шерифмуире еще до того, как сам Яков прибыл туда. А потому, думаю, испанцы не слишком стремятся финансировать вторую попытку реставрации Стюартов, во всяком случае, пока не убедятся, что она будет успешной.

– Поэтому Карл и прибыл в Париж обрабатывать Людовика и банкиров, – заключила я. – И насколько мне известно из истории, он в этом преуспеет. Что же тогда остается делать нам?

Джейми отпустил мое плечо, потянулся. Матрас прогнулся под его весом.

– Мне остается лишь торговать вином, англичаночка, – зевнув, сказал он. – А тебе – сплетничать с горничными. И если удастся выдуть много дыма, пчелы будут одурманены.

Накануне отъезда Джаред отвез Джейми в небольшой особняк на Монмартре, где в ожидании, предпримет или не предпримет Людовик какие-либо действия в поддержку притязаний своего бедствующего кузена на трон, томился его высочество принц Карл Эдуард Луи Филипп Казимир и так далее. Я проводила их, одетых в лучшие платья, а в ожидании возвращения пыталась вообразить, как прошла встреча.

– Ну как? – спросила я Джейми, как только мы оказались наедине. – Каков он из себя?

Джейми задумчиво поскреб в затылке.

– Ну... – пробормотал он, – у него болят зубы...

– Что?

– Так он сказал. И было видно, что бедняга мучается: щека распухла, все лицо перекошено. Уж не знаю, может, он вообще молчун или это из-за зубов, но говорил он очень мало.

Обменявшись положенными приветствиями и представив Джейми, Джаред, граф Маршалль и некий болезненного вида персонаж, которого все называли Балхалди, отошли в сторону и начали обсуждать шотландскую политику, предоставив его высочество и моего мужа самим себе.

– Выпили по чарке вина, – признался Джейми под моим давлением. – Ну и я спросил его, как ему нравится Париж, а он ответил, что находит его довольно скучным, потому как не может выезжать на охоту. И тогда мы поговорили об охоте. Он сказал, что предпочитает охотиться с собаками, а не с загонщиками, я сказал, что тоже. Тут он начал рассказывать, сколько фазанов подстрелил, пока был в Италии. И говорил об Италии до тех пор, пока от холодного сквозняка из окна у него вконец не разболелись зубы... Следует заметить, домишко у него неважнецкий, так, маленькая вилла. Тогда мы выпили еще, чтобы снять зубную боль, а я рассказал ему об охоте на оленей в Шотландии, и он сказал, что хотел бы попробовать, и спросил, хорошо ли я стреляю из лука. Ну и я сказал, что да, прилично, и тогда он сказал, что надеется как-нибудь пригласить меня на охоту в Шотландии. Тут вдруг Джаред спохватился, что по дороге домой нам нужно еще заскочить на склад, и тогда его высочество протянул мне руку, я поцеловал ее, и мы расстались.

– Гм... – скептически буркнула я.

Хоть разум и подсказывал, что все знаменитости, бывшие или будущие, точно такие же люди, как и остальные, и мало чем отличаются по поведению, отчет о визите к Красавчику принцу Чарли все же немного разочаровал. Правда, Джейми пригласили заходить еще. Самый важный этап пройден, сказал он. Его представили принцу, теперь остается лишь неусыпно следить за его планами. Интересно, подумала я, неужели король Франции такой же скучный персонаж?

Чтобы выяснить это, ждать особенно долго не пришлось. Неделю спустя Джейми поднялся еще затемно и начал одеваться, готовясь к долгому путешествию в Версаль, чтобы присутствовать на почетной церемонии утреннего одевания короля.

Людовик имел привычку подниматься рано, в шесть утра. К этому раннему часу в зале перед спальней собирались несколько приближенных, с тем чтобы иметь счастье лицезреть утренний туалет короля. Они присоединялись к целой процессии слуг и придворных, готовых помочь его величеству приветствовать наступление нового дня.

Разбуженный дворецким Магнусом, Джейми сонно выкарабкался из постели и стал одеваться, позевывая и чертыхаясь. Организм мой вел себя в эти часы прилично, и я наслаждалась восхитительным чувством умиротворения, которое нисходит на нашу душу при созерцании ближнего своего, вынужденного делать что-то неприятное, от чего судьба тебя освободила.

– Смотри держи ухо востро! – сквозь сон пробормотала я. – Чтобы потом все мне рассказал.

Буркнув что-то в знак согласия, он наклонился, поцеловал меня и вышел со свечой в руке проверить, как будут седлать его лошадь. Последнее, что я услышала перед тем, как снова погрузиться в сладкую дремоту, был голос Джейми, доносившийся снизу: в ночном прохладном воздухе он звучал удивительно громко и отчетливо. Муж прощался со своим лакеем.

Зная, что до Версаля путь недалек, а также учитывая возможность – об этом, кстати, предупреждал Джаред, – что мужа могут пригласить на ланч, я не слишком волновалась, видя, что он не вернулся к полудню. Однако меня так и разбирало любопытство, и я с нарастающим нетерпением ждала его приезда. И дождалась как раз к чаю.

– Как прошел визит к королю? – спросила я, помогая Джейми снять камзол.

На нем были плотные перчатки из свиной кожи, обязательные при дворе, и ему никак не удавалось расстегнуть фигурные серебряные пуговицы, украшающие скользкий бархат.

– Ну вот, так-то лучше, – сказал он, с облегчением расправляя широкие плечи. Камзол был немного узковат в плечах, и, стягивая его, Джейми извивался, точно угорь. – Очень интересно, англичаночка, – ответил он, – по крайней мере первый час или около того.

Процессия, состоящая из знати и придворных, вошла в королевскую опочивальню, каждый нес свой церемониальный предмет – полотенце, бритву, чашу для полоскания, коро-

левскую печать и так далее. Придворный, прислуживающий в спальнях покоях, раздвинул тяжелые шторы на окне, затем балдахин над огромной королевской кроватью, и лик короля Людовика предстал любопытному взору восходящего солнца.

Короля приподняли и усадили на край кровати, где он сидел какое-то время, зевая и почесывая подбородок, пока слуги накидывали на королевские плечи шелковую мантию, тяжелую от золотого и серебряного шитья, потом, опустившись на колени, стащили с ног толстые чулки, в которых король спал, и вместо них натянули тончайшие шелковые и, наконец, надели на монаршу ступню мягкие шлепанцы с оторочкой из кроличьего меха.

Придворные по очереди подходили, падали на колени у ног своего властелина и, почтительно приветствуя его, спрашивали, как его величество изволил почивать.

– Не слишком хорошо, как я понял, – заметил Джейми. – Выглядел так, словно спал всего час или два и видел при этом дурные сны.

Однако, несмотря на покрасневшие заспанные глаза и отвисшие щеки, его величество любезно кивнул своим придворным, поднялся на ноги и раскланялся с почетными гостями, собравшимися в покоях. Ленивым взмахом руки он подозвал прислуживающего в спальнях покоях. Тот подвел его к креслу, в которое король и уселся и, прикрыв глаза, наслаждался суетой вокруг него, а герцог Орлеанский подводил к нему по одному визитеров. Те падали на колени и бормотали слова приветствия. Официальные петиции подавались чуть позже, когда Людовик уже окончательно проснулся и мог выслушать их.

– У меня никаких просьб не было, я пришел лишь засвидетельствовать королю свое почтение, – объяснил Джейми, – а потому просто опустился на колени и сказал: «Доброе утро, ваше величество», а герцог тем временем объяснил королю, кто я такой.

– А король что-нибудь ответил? – спросила я.

Джейми улыбнулся и, заложив руки за голову, потянулся всем телом.

– О да! Открыл один глаз и посмотрел на меня так, словно не верил тому, что видит. По-прежнему одним глазом Людовик с мрачноватым интересом обзрел меня и заметил: «Ну и здоровяк же ты!» А я ответил: «Да, ваше величество». А он вдруг спрашивает: «Танцевать умеешь?» Я сказал, что умею. Тогда он снова закрыл глаза, и герцог сделал мне знак отойти. По завершении представления гостей придворные и приближенные из знати перешли к церемонии умывания и одевания короля. Пока она продолжалась, посетители через герцога Орлеанского передавали королю свои просьбы, которые тот шептал ему на ухо, а его величество поворачивал голову, подставляя бритве то одну щеку, то другую, потом наклонился, чтобы ему надели парик.

– О! А тебе, случайно, не выпала честь вытирать его величеству нос? – спросила я.

Джейми усмехнулся и потянулся с такой силой, что затрещали суставы.

– Слава богу, нет. Я вжался спиной в гардероб, стараясь слиться с мебелью, а все эти виконты и герцоги так опасливо косились на меня, словно боялись подхватить какую-нибудь заразу.

– Хорошо, что ты высокий. И тебе было все видно.

– Ага. Особенно повезло, что увидел, как он облегчается в свой ночной горшок.

– Неужели он и в самом деле?.. На глазах у всех?!

Я была потрясена. Конечно, мне доводилось читать об этом, и все равно верилось с трудом.

– Ну да. А все вели себя так, словно ничего особенного не происходит. Да и потом тоже, когда он умывался и сморкался. На долю герцога де Нев выпала небывалая честь, – с иронией добавил он, – вытереть задницу его величеству. Не заметил, правда, что они сделали с полотенцем. Наверняка унесли куда-то и украсили испачканное место позолотой. А впрочем, там было довольно скучно, – добавил он и начал разминать мышцы ног. – Главное впечатление, которое я вынес, – человек этот тугой, как сова.

– Тугой, как сова? – Меня озадачило это сравнение. – Ты хочешь сказать, он склонен к запорам?

– В каком-то смысле. И неудивительно, когда смотришь, что они там едят при дворе. Сплошные сливки и масло. Да ему каждое утро кашку на завтрак надо есть, очень хорошо для желудка, ты же знаешь.

Если шотландцы и были в чем-то упрямы – а вообще они проявляют упрямство по очень многим поводам, – так это в прославлении полезности овсянки на завтрак. Жизнь из века в век на скудной, малопродуктивной земле не оставила им большого выбора, зато овса было всегда вдоволь, и они, как это часто случается, превратили недостаток в добродетель и даже уверяли, что овсянка очень вкусна.

Джейми тем временем улегся на пол и начал делать серию упражнений, специально разработанных для ВВС, которые я рекомендовала ему для укрепления мышц спины.

– Но почему ты сказал «тугой, как сова»? Обычно это выражение употребляют, когда хотят сказать, что кто-то мертвецки пьян. Но при чем тут запоры? Разве совы ими страдают?

Окончив упражнения, он перевернулся на спину и лежал теперь на ковре, тяжело дыша.

– Ну да.

Он глубоко вдохнул и медленно выпустил воздух. Сел, откинув волосы со лба.

– Уж не знаю, правда это или нет, но так говорят в народе. Говорят, что у сов нет дырочки в заднице и неоткуда выпускать переваренную пищу – мышей, к примеру. Поэтому они превращают их косточки и шерсть в такие малюсенькие шарики и выблевают, так как не могут выпустить с другого конца.

– Правда?

– Ну да, правда, так они делают. И по этому признаку можно отыскать дерево, на котором живет сова. Стоит только глянуть под него, и увидишь шарики. Смотреть тошно, что они вытворяют, эти совы, – добавил он и распахнул ворот рубашки пошире. – И все же дырочка у них имеется. Раз сбил одну с дерева рогаткой и специально посмотрел.

– А ты, оказывается, любознательный мальчик! – рассмеялась я.

– Ясное дело, англичаночка. – Он усмехнулся. – И выпускают они из этих дырочек что положено. Однажды целый день проторчал с Айеном под деревом, чтобы убедиться.

– Да, это уже более чем обычное любопытство, – заметила я.

– Просто интересно было знать. Айен никак не хотел сидеть спокойно, а потому пришлось врезать ему маленько, чтобы не рыпался. – При этом воспоминании Джейми улыбнулся. – И потом мы с ним сидели тихо и дождались, и тогда он схватил пригоршню этих самых кашек, сунул мне за ворот рубахи – и наутек! Господи, он мчался как ветер!

Воспоминание о быстроногом друге юности вызвало печальные ассоциации, лицо его помрачнело; он вспомнил своего зятя, ковыляющего на деревянной култышке. Несчастный потерял ногу в бою.

– Вообще у него, должно быть, просто ужасная жизнь, – заметила я, желая отвлечь Джейми от грустных мыслей. – Я имею в виду короля. Ни секунды уединения, даже в туалете.

– Да уж, себе такого не пожелаешь, – согласился Джейми. – Но он как-никак король!

– Гм... А мне кажется, что за роскошь, власть и все такое прочее приходится слишком дорого платить.

Он пожал плечами:

– Да. Так или иначе, но это судьба. Бог повелел ему быть королем, и выбора у него не осталось.

Он поднял плед, накинул на плечи, один край засунул за пояс и перекинул через плечо.

– Позволь мне. – Я взяла из его рук серебряную застежку в виде кольца и скрепила края пледа у плеча. Он расправил складки, разглаживая яркую шерстяную ткань пальцами.

– У каждого своя судьба, англичаночка, у меня тоже, – тихо добавил он, не сводя с меня глаз, и улыбнулся. – Хотя, видит Бог, я рад, что мне не надо приглашать Айена вытирать мне задницу. Но я был рожден помещиком, хозяином земли и людей на этой земле, и я должен стараться как можно лучше исполнять свое предназначение.

Он протянул руку и легко коснулся моих волос.

– А потому я обрадовался, когда ты сказала, что мы должны постараться сделать все, что в наших силах. Но больше всего на свете мне хотелось бы забрать тебя и ребенка и уехать далеко-далеко и жить где-нибудь, работая на полях и охотясь на зверя. А вечерами приходить домой и укладываться рядом с тобой спать.

Темно-синие глаза мечтательно затуманились, рука теребила складки пледа, поглаживая яркие клетки с еле заметной белой полоской – знак принадлежности к клану Фрэзеров из Лаллиброха.

– Но если бы я поступил так, – продолжал он, как бы рассуждая про себя, – то та, другая сторона моей души мучилась бы и страдала. Думаю, я чувствовал бы себя предателем. И все время слышал бы голоса своих людей, которых бросил на произвол судьбы.

Я положила руку ему на плечо, он поднял глаза, и на его губах появилась слабая улыбка.

– Думаю, что да, Джейми, – ответила я. – И знаешь, что бы ни случилось... как бы мы ни старались...

Я умолкла, подыскивая слова. И, как часто бывало прежде, грандиозность задачи, стоявшей перед нами, потрясла и лишила дара речи. Да кто мы такие, чтобы вмешиваться в ход истории, изменять не свои судьбы, но судьбы принцев и крестьян, всего шотландского народа?

Джейми взял меня за руку и ласково сжал:

– Мы сделаем все, что в наших силах, англичаночка. И если все же прольется кровь, по крайней мере сможем с чистым сердцем сказать, что она не на нашей совести. А пока будем молиться Богу, чтобы до этого не дошло.

Я подумала об одиноких серых надгробиях на Куллоденском поле, о солдатах Шотландии, что будут лежать под ними, если мы не справимся со своей задачей.

– Да, молиться Богу, – откликнулась я.

Глава 8

Разгулявшиеся привидения и крокодилы

Разрываясь между аудиенциями у короля и повседневной суетой, связанной с ведением дел Джареда, Джейми, похоже, был вполне доволен жизнью. По утрам, едва успев позавтракать, он исчезал с Муртой. Шел проверять новые поставки, вести переучет товаров, посещал доки на Сене, а также обследовал торговые точки, которые, судя по его описанию, являлись не чем иным, как самыми отвратительными тавернами и забегаловками.

– Хорошо хоть Мурта с тобой, – заметила я, утешаясь этим фактом. – Вдвоем меньше шансов вляпаться среди бела дня в какую-нибудь неприятную историю.

На вид этот маленький щедушный человечек грозного впечатления не производил, но некогда я проскакала с Муртой пол-Шотландии, выручая Джейми из тюрьмы в Уэнтурте, и не было человека в мире, которому я бы с большей готовностью вверила заботу о сохранности и благополучии мужа.

После ланча Джейми наносил визиты – светские и деловые, их с каждым днем становилось все больше, а затем возвращался в свой кабинет, где просиживал час или два за гроссбухами до самого обеда. Он был очень занят.

О себе я этого сказать не могла. После нескольких дней вежливых перепалок с мадам Вионе, кухаркой, у меня не осталось сомнений насчет того, кто истинная хозяйка в этом доме. Ясно, что не я. Каждое утро мадам заглядывала ко мне в будуар – советоваться относительно

меню на день и представить мне список затрат на покупку продуктов. Фрукты, овощи, молоко и масло покупали на пригородной ферме. Оттуда по утрам доставляли все самое свежее; рыбу, выловленную в Сене, продавали с тележек на улице, там же торговали свежими мидиями – сверкающими черными раковинами среди гор увядающих водорослей. Я проглядывала список и все одобряла. Потом благодарила за вчерашний обед, и на этом наше общение кончалось. Иногда у меня просили ключи из связки – открыть буфет со столовым бельем, винный погреб, подвал или кладовую. Все остальное время я была предоставлена самой себе, пока не наступал час переодеваться к обеду.

Светская жизнь в доме с отъездом Джаредда продолжалась, как и прежде. Правда, я еще не осмеливалась принимать на широкую ногу, однако каждый вечер устраивала маленькие обеды, на которые приходили знать и кавалеры с дамами, а также бедствующие ссыльные якобиты и богатые купцы с женами.

Впрочем, вскоре я обнаружила, что поглощать еду и напитки, а также потчевать ими гостей мне скучно, и посетовала на это Джейми. Он предложил мне вести его гроссбухи.

– Уж лучше этим заняться, чем изводить себя, – заметил он, критически глядя на мои обкусанные ногти. – Кроме того, и почерк у тебя четче, чем у наших клерков.

Итак, я оказалась в кабинете и долгие часы просиживала, сгорбившись над огромными гроссбухами. И вот однажды где-то к концу дня зашел мистер Сайлас Хоукинс заказать две тонны фламандского бренди. Мистер Хоукинс был господином солидным и процветающим; подобно Джареду, он тоже эмигрировал, но только из Англии, и занимался экспортом французских коньяков на родину.

Мне всегда казалось, что купец, похожий на трезвенника, должен испытывать затруднения в торговле вином и другими, более крепкими спиртными напитками, тем более – в таких количествах. Но Хоукинсу в этом смысле повезло. Природа наделила его вечно румяными щечками и лучезарной улыбкой завязатого весельчака, хотя Джейми и утверждал, что человек этот ни разу не попробовал своих товаров, да и вообще редко пил что-либо, кроме грубого эля, однако о пристрастии его плотно поесть в городских тавернах слагались легенды. И лишь в самой глубине светло-коричневых глазок просвечивал трезвый расчет, что никак не сочеталось с внешностью простака и добряка.

– Лучшие мои поставщики, доложу я вам, – заметил он с улыбкой, подписывая заказной бланк. – Всегда можно положиться, и товар отменного качества. Мне будет страшно не хватать вашего кузена, – кланяясь, сказал он Джейми. – Но выбор он во всех отношениях сделал верный. Правильно поступил, что доверил дело человеку из семьи, тоже шотландцу.

Маленькие блестящие глазки остановились на килте Джейми; яркая клетчатая расцветка клана Фрэзеров отчетливо выделялась на фоне темных деревянных панелей, которыми была отделана гостиная.

– Недавно из Шотландии? – как бы между прочим спросил Хоукинс и запустил руку во внутренний карман.

– Нет. Какое-то время жил во Франции, – уклончиво ответил Джейми, избегая прямого ответа.

Он взял из рук Хоукинса птичье перо, но, сочтя его немного притупившимся, отложил, достал из небольшого стеклянного кувшина на столе одно из длинных гусиных перьев и приготовился обмакнуть его в чернильницу.

– Вот оно как... По одежде сразу видно, что вы настоящий шотландец. Я уж было подумал, что вы сможете дать мне совет относительно разного рода настроений, что существуют в этой стране. Ходят, знаете ли, такие слухи...

Повинуясь жесту Джейми, мистер Хоукинс опустился в кресло и склонил круглое розовое лицо к толстому кожаному кошельку, извлеченному из кармана.

– Что касается слухов, то они в Шотландии явление довольно распространенное, – заметил Джейми, затачивая и без того острое перо. – Но настроения? Вы, наверное, имеете в виду политику? Боюсь, должен разочаровать вас: совершенно не интересуюсь политикой.

Маленький перочинный нож издал резкий щелчок, от толстого перьевого стержня откололась стружка.

Мистер Хоукинс извлек из кошелька несколько серебряных монет и присоединил их к аккуратному столбику, выстроившемуся на столе между двумя мужчинами.

– Вот как? – рассеянно заметил он. – Если это действительно так, тогда вы первый в моей жизни шотландец, который ею не интересуется.

Джейми закончил затачивать перо и поднял его кончиком вверх, оценивая проделанную работу.

– Мм?.. – буркнул он. – По правде сказать, мне просто не до этого. Дела отнимают слишком много времени. Вам это знакомо, уверен.

– Это верно. – Мистер Хоукинс пересчитал монеты в столбике, потом убрал одну и заменил ее двумя помельче. – А я тут слышал, что Карл Стюарт недавно прибыл в Париж.

Мягкое круглое лицо отражало лишь сдержанное любопытство, но маленькие глазки в толстых складках жира смотрели настороженно.

– А-а-а... – протянул Джейми неопределенно.

По тону не было ясно, признает ли он этот факт или проявляет к нему вежливое равнодушие. Перед ним лежали на столе бланки заказа, и он аккуратно подписывал бумаги, любовно вырисовывая каждую букву, вместо того чтобы расписаться лихим росчерком, как он это обычно делал. Его, прирожденного левшу, с детства учили писать правой рукой, однако до сих пор искусство письма давалось ему с трудом и он крайне редко проявлял такое тщание.

Хоукинс откинулся на спинку стула и, сощурился, смотрел на склоненную голову Джейми.

– Так вы не разделяете симпатий вашего кузена в этом плане?

– А почему это вас так интересует, сэр?

Подняв голову, Джейми устремил на Хоукинса взгляд пронзительно-синих глаз.

Секунду толстяк его выдержал, но все же отвел глаза и отмахнулся пухлой ручкой.

– Да ничуть не интересует! – ответил он. – Просто предметом изучения вашего кузена всегда были якобиты, он... вовсе не делает из этого секрета. Ну я и подумал: интересно, все ли шотландцы единодушны во мнении, что Стюартам принадлежит право на престол?

– Если уж вас так волнуют шотландские горцы, – сухо заметил Джейми, протягивая ему копию заказа, – тогда вам следовало бы знать, что в тех краях трудно отыскать двух человек, придерживающихся одинаковых взглядов на что-либо, кроме, пожалуй, цвета неба над головой. Да и по этому поводу порой разгораются споры.

Мистер Хоукинс расхохотался – под жилетом мягко заколыхалось круглое брюшко – и сунул свернутый листок во внутренний карман. Видя, что Джейми надоели эти расспросы, я позволила себе вмешаться и предложила гостю мадеры с бисквитами.

Секунду мистер Хоукинс колебался, затем с сожалением покачал головой и, отодвинув кресло, поднялся:

– Нет-нет, благодарю, миледи, но нет. Сегодня в порт приходит «Арабелла», я должен встретить ее в Каласе. А до отъезда еще куча дел.

Он скроил гримасу, глядя на целую кипу бумаг, извлеченных из кармана, присоединил к ней подписанный Джейми бланк и убрал в большой кожаный бумажник.

– Правда, – оживился он, – часть дел можно проверить и по пути в Калас, заскакивая в таверны и пабы.

– Если заглядывать во все встречающиеся по пути таверны и пабы, то вы попадете в Калас не раньше чем через месяц, – заметил Джейми, достал кожаную сумку, отделанную мехом, и убрал туда столбик серебряных монет.

– Верно, милорд, – согласился Хоукинс и нахмурился. – Думаю, пару-другую придется пропустить, заскочу туда на обратном пути.

– Но раз у вас так туго со временем, может быть, стоит послать в Калас кого-нибудь еще? – спросила я.

Он выразительно закатил глаза и попытался сложить губы скорбным бантиком.

– Хотел бы, чтобы такое оказалось возможным, миледи, но – увы! На борту «Арабеллы» груз, который я не могу доверить никому другому. Моя племянница, Мэри, – объяснил он, – направляется, как принято говорить, к берегам Франции. Ей всего пятнадцать, и прежде она никогда не покидала родного дома. А потому разве я могу допустить, чтобы девочка в одиночестве добиралась до Парижа?

– Конечно, нет, – вежливо согласилась я.

Имя показалось мне знакомым, но почему – я никак не могла вспомнить. Мэри Хоукинс... Достаточно простое, незамысловатое имя, оно никак не ассоциировалось у меня ни с кем. Я все еще размышляла над этим, когда Джейми поднялся – проводить Хоукинса до дверей.

– Надеюсь, путешествие вашей племянницы будет приятным, – говорил он. – Она, вероятно, приезжает сюда учиться? Или просто навестить родственников?

– Нет, выйти замуж, – гордо ответил торговец. – Моему брату удалось найти для девочки блестящую партию, французского аристократа.

Казалось, он вот-вот лопнет от гордости, а золотые пуговицы на туго натянувшемся жилете отлетят.

– Видите ли, мой старший брат – баронет.

– А ваша племянница, она... э-э-э... давно знакома со своим женихом? – спросила я.

– Вообще в глаза не видела. Суть в том, – тут мистер Хоукинс придвинулся поближе и понизил голос, – что она пока даже не знает о свадьбе. Переговоры еще не завершены.

Я удивилась и приоткрыла было рот, но Джейми предостерегающе дернул меня за рукав.

– Ну, раз жених ее принадлежит к знатному сословию, мы наверняка увидим вашу племянницу при дворе, – заметил он, подталкивая меня к двери, словно бульдозер.

Мистер Хоукинс, продолжая болтать, посторонился и пропустил меня вперед.

– Конечно, увидите, милорд Брех-Туарах! Сочту за честь познакомить племянницу с вами и вашей супругой! Уверен, она будет счастлива обрести здесь друга в лице соотечественницы, – добавил он и улыбнулся мне. – Я, знаете ли, не слишком полагаюсь в этом плане на чисто деловые знакомства.

Черта с два ты не полагаешься, раздраженно подумала я. Да ты на все пойдешь, лишь бы приобщиться к французской знати. Ты даже готов выдать свою племянницу за... за...

– Э-э... а кто же жених вашей племянницы? – без обиняков спросила я.

Лицо мистера Хоукинса приобрело хитрющее выражение, и, придвинувшись еще ближе, он прошептал мне на ухо:

– Не следовало бы говорить, пока брачный контракт не подписан, но, зная вас как даму благородную... могу сказать одно: этот человек – член дома гасконцев. И очень высокопоставленное лицо, заметьте!

– Заметила, – ответила я.

Мистер Хоукинс ушел, потирая ручки в радостном предвкушении, а я обернулась к Джейми:

– Гасконцев!.. Но не имеет же он в виду... Нет, это просто невозможно! Неужели это та старая отвратительная обезьяна, тот тип с крошками жевательного табака на подбородке, который приходил к нам на обед на прошлой неделе?

– Виконт Мариньи? – сказал Джейми, улыбнувшись моему описанию. – Да, вполне возможно. Он, насколько мне известно, вдовец и единственный наследник состояния. Впрочем,

не думаю, чтобы то были табачные крошки, просто это борода так у него растет. Слегка трачен молью, – признал он, – но если его побрить и свести бородавки...

– Но как же можно выдавать пятнадцатилетнюю девочку за... за это!.. И даже не спросив ее согласия!

– Почему нет? Очень даже можно, – ответил Джейми с подчеркнутым спокойствием. – Как бы там ни было, англичаночка, это не твое дело.

Он взял меня за обе руки и легонько встряхнул.

– Ты слышишь? Знаю, тебе это кажется диким, но именно так обстоят дела. В конечном счете, – длинный рот его слегка искривился, – ты ведь тоже вышла замуж против своей воли. И, как видишь, смирилась с судьбой. Или нет?

– Иногда мне кажется, что нет! – огрызнулась я и попыталась вырваться, но он удержал меня и, смеясь, поцеловал.

Через мгновение я прекратила сопротивление и затихла в его объятиях, признавая поражение, пусть и временное. Я еще встречаюсь с Мэри Хоукинс, подумала я, тогда и узнаем, что она думает об этом своем браке. И если девушка не захочет видеть в брачном контракте свое имя рядом с именем виконта Мариньи, то... Внезапно я замерла, потом вдруг резко вырвалась из объятий Джейми.

– Что такое? – встревоженно спросил он. – Тебе плохо, девочка? Ты вся побелела.

И неудивительно. Ибо я вдруг вспомнила, где видела имя Мэри Хоукинс. Джейми ошибался. Это именно мое дело! А имя девушки, выведенное каллиграфическим почерком, я видела в самом верху генеалогической таблицы. Чернила со временем побледнели и приобрели коричневый оттенок. Мэри Хоукинс должна была стать женой вовсе не дряхлого виконта Мариньи. Нет, она должна была выйти замуж за Джонатана Рэндолла в 1745 году от Рождества Христова.

– Но как она могла? Это же невозможно! – воскликнул Джейми. – Ведь Джек Рэндолл мертв.

Он налил бренди и протянул мне. Рука твердо держала бокал за хрустальную ножку, но уголки рта были опущены, а в тоне, каким он произнес слово «мертв», не угадывалось сомнений насчет судьбы Джека.

– Приляг как следует, англичаночка, – сказал он, – ты все еще такая бледная.

Повинуясь его жесту, я послушно подобрала ноги и вытянулась на диване. Джейми сел в изголовье и положил мне руку на плечо, пальцы, такие сильные и теплые, осторожно массируют ямочку над ключицей.

– Маркус Макраннох говорил мне, что собственными глазами видел, как Рэндолла насмерть затоптал скот в подземной темнице Уэнтурта, – повторил он, словно убеждая сам себя. – Он походил на тряпичную куклу, плавающую в луже крови. Именно так сказал Маркус. И был в этом вполне уверен.

– Да. – Я потягивала бренди, чувствуя, как приятное тепло разливается по телу. – И мне он то же самое говорил. Нет, конечно, ты прав! Капитан Рэндолл мертв. И во всем виноваты мои воспоминания о Мэри Хоукинс. Это из-за Фрэнка...

Я взглянула на левую руку, прижатую к животу. В камине пылал огонь, отблески пламени плясали на золоте моего первого обручального кольца. Кольцо Джейми из шотландского серебра я носила на четвертом пальце левой руки.

– О... – Рука Джейми застыла.

Голова его была опущена, но он поднял глаза и встретился со мной взглядом.

С тех пор как я вытащила Джейми из Уэнтуртской тюрьмы, мы с ним ни разу не говорили о Фрэнке, не упоминали и о смерти Джонатана Рэндолла. В то время все это казалось

неважным, самое главное, что от него опасность нам уже более не угрожала. И с тех пор мне не очень хотелось напоминать Джейми об Уэнтуорте.

– Ты ведь знаешь, что он мертв, разве нет, *mo duinne*?¹⁶

Джейми говорил еле слышно, пальцы крепко сжимали мое запястье, и я поняла, что он имеет в виду Фрэнка, а не Джонатана.

– Может, и нет, – ответила я, не сводя глаз с кольца. Потом подняла руку, чтобы увидеть, как сверкнет металл в угасающем свете дня. – Если он мертв, Джейми, если его не существует больше, да к тому же и Джонатан погиб, тогда к чему мне хранить его кольцо?

Он уставился на кольцо, я заметила, как нервно задергался у него уголок рта. И еще он страшно побледнел. Я не ожидала, что упоминание о Джонатане Рэндолле будет для него столь болезненным.

– Ты уверена, что Рэндолл не оставил детей? – спросил он. – Это бы объяснило все.

– Да, конечно, – согласилась я, – но нет, уверена, что нет. Фрэнк... – Голос у меня дрогнул. – Фрэнку достаточно хорошо известны трагические обстоятельства гибели Джонатана Рэндолла. Он уверял, что он, то есть Джек Рэндолл, погиб в Куллоденской битве, а его сын, прапрапрадедушка Фрэнка, родился через несколько месяцев после смерти отца. А через несколько лет вдова снова вышла замуж.

Джейми задумчиво наморщил лоб, между бровей залегла тонкая вертикальная морщинка.

– Тогда, может, это вовсе и не Рэндолла ребенок? А твой Фрэнк мог принадлежать к линии Мэри Хоукинс, она-то, как мы знаем, еще жива?

Я отрицательно покачала головой:

– Не вижу, каким образом. И если б ты знал Фрэнка... Нет, кажется, об этом я еще тебе не говорила. Когда я впервые увидела Джека Рэндолла, мне сперва на секунду показалось, что это Фрэнк. Не то чтобы одно лицо, но... поразительное сходство. Нет, конечно же, предком Фрэнка был именно Джек Рэндолл!

– Понятно. – Пальцы Джейми вспотели, и он убрал руку с моего запястья и вытер ладонь о килт. – Тогда... возможно, это кольцо действительно ничего для тебя не значит, *mo duinne*?

– Может, и нет. – Я коснулась теплого обруча на пальце и бессильно опустила руку. – О Джейми! Не знаю! Я уже ничего не понимаю!

Он протер глаза тыльной стороной ладони.

– Я тоже, англичаночка. – Он попытался улыбнуться мне. – Тут есть один интересный момент. Ты говорила, что именно Фрэнк рассказывал тебе о том, что Рэндолл погиб при Куллодене?

– Да. Честно признаться, я предупредила Джека Рэндолла об этом, чтобы припугнуть. В Уэнтуорте, когда он вытащил меня и бросил в снег. Перед тем... перед тем, как заняться тобой.

Веки и губы у него задергались, и я, встревоженная, спустила ноги с дивана.

– Джейми, ты в порядке?

Я хотела положить ему руку на голову, но он отстранился, встал и подошел к окну.

– Нет. Да... Все в порядке, англичаночка. Все утро писал эти письма, и голова просто раскалывается. Не волнуйся. – Он прижался лбом к прохладной оконной раме, глаза были плотно закрыты. – Тогда, если вы с Фрэнком знали, что Джек Рэндолл погиб при Куллодене, а мы знаем, что этого не случилось... тогда, выходит, это вполне возможно, Клэр.

– Что возможно? – с тревогой и недоумением спросила я, желая ему помочь, но не зная, как это сделать.

– Тогда можно предотвратить то, что, ты знаешь, должно случиться.

¹⁶ Моя темно-русая (*гэльск.*).

Он оторвал лицо от окна и устало улыбнулся мне. Лицо оставалось бледным, но гримаса, искажавшая его, исчезла.

– Джек Рэндолл умер раньше, чем было предназначено ему судьбой, и Мэри Хоукинс выйдет замуж за другого человека. И даже если это означает, что твой Фрэнк так никогда и не родится... или родится, но от кого-то другого, – добавил он в виде утешения, – это также означает, что у нас есть шанс осуществить то, что мы задумали. Возможно, Джек Рэндолл вовсе не погибнет в битве при Куллодене, потому что эта битва так никогда и не состоится.

Сделав над собой усилие, он поборол волнение, подошел ко мне, обнял и, склонив голову, уперся лбом мне в волосы.

– Знаю, это должно огорчить тебя, mo duinne. Но разве не утешает мысль, скольких бед можно при этом избежать?

– Да, – прошептала я после паузы в складки его рубашки.

Потом осторожно высвободилась из объятий и погладила его по щеке. Морщинка между бровями стала глубже, глаза смотрели рассеянно, но он улыбнулся мне.

– Джейми, – сказала я, – иди приляг. А я пошлю записку д'Арбанвиллям, что мы сегодня не придем.

– О нет, – возразил он. – Я чувствую себя прекрасно. Это просто головная боль, англичаночка, от чтения и письма. Подремлю часок, и все пройдет. Ну так я пошел?

Он было направился к двери, но остановился и обернулся с улыбкой на лице.

– И если я буду кричать во сне, англичаночка, положи мне руку на голову и скажи просто: «Джек Рэндолл мертв». И я сразу успокоюсь.

И стол, и общество в доме д'Арбанвиллей были просто превосходны. Мы вернулись поздно, и, едва коснувшись головой подушки, я тут же заснула. Спала спокойно и крепко, но в середине ночи вдруг проснулась, чувствуя, что что-то не так.

Ночь стояла холодная, и нижнее одеяло по своей подлой привычке свалилось на пол, на мне осталось лишь шерстяное покрывало. Я перекатилась на другой бок и потянулась к Джейми, в поисках тепла. Его не было.

Я села в постели, озираясь по сторонам, и увидела его почти сразу же – он сидел на подоконнике, обхватив голову руками.

– Джейми! Что случилось? Снова голова разболелась?

Я схватила свечу, намереваясь раскрыть аптечку, но что-то в его позе остановило меня, и я подошла к окну.

Он дышал тяжело, с хрипом, словно после бега, и, несмотря на холод, был весь в поту. Я прикоснулась к его плечу – оно было холодным и твердым, как у металлической статуи.

При этом прикосновении он вздрогнул и вскочил на ноги – расширенные глаза казались совсем темными.

– Прости, не хотела тебя пугать, – сказала я. – С тобой все в порядке?

А может, он просто в состоянии сомнамбулического транса, подумала я. Выражение его лица совсем не изменилось, он смотрел словно сквозь меня, и ему явно не нравилось то, что он видел.

– Джейми! – резко окликнула его я. – Джейми, проснись!

Он заморгал и вдруг увидел меня. Хотя на лице оставалось все то же выражение загнанного зверя.

– Все в порядке, – ответил он. – Я не сплю, – произнес он таким тоном, словно убеждал сам себя.

– Но что случилось? Тебе привиделся кошмар?

– Сон. Да, я видел сон...

Шагнув вперед, я положила руку ему на плечо:

– Расскажи. Он не будет тебя больше мучить, если расскажешь.

Он крепко сжал мои руки, словно ища опоры. В окно смотрела полная луна, и я отчетливо видела, как напряжена каждая мышца его тела. Он был тверд и неподвижен, как камень, но внутри таилась скрытая энергия, готовая вырваться наружу.

– Нет, – ответил он все еще каким-то потусторонним голосом.

– Да, – настаивала я. – Скажи мне. Скажи, что ты видел.

– Я не могу... видеть ничего... Я ничего не вижу...

Я развернула его лицом к яркому лунному свету, льющемуся из окна. Похоже, свет помог, дыхание стало спокойнее, и он, останавливаясь, запинаясь, начал рассказывать.

Ему приснились каменные стены Уэнтуртской тюрьмы. И в комнату вошло привидение Джонатана Рэндолла. И оно, абсолютно голое, улеглось на кровать, поверх моего шерстяного покрывала.

За спиной Джейми слышал хриплое дыхание. Влажная, покрытая потом кожа касалась его тела. Он скрипел зубами от отчаяния. Призрак, почувствовав легкое движение, рассмеялся.

– О, у нас есть еще время, прежде чем мы повесим тебя, мой мальчик, – прошептал он. – Много времени. Достаточно, чтобы получить удовольствие.

Рэндолл внезапно грубо и резко дернулся, и Джейми непроизвольно издал сдавленный стон.

Рука Рэндолла откинула Джейми волосы со лба, убрала их за уши. У самого своего уха Джейми ощущал горячее дыхание и отвернулся. Но со свистом вырывающиеся изо рта слова продолжали преследовать его.

– А ты когда-нибудь видел, как вешают человека, а, Фрэзер?

Слова звенели в ушах. Не дожидаясь ответа, длинная тонкая рука обвила талию, стала поглаживать по животу, опускаясь все ниже.

– Ну, конечно, видел! Ты ведь был во Франции, наверняка видел, как там вешают дезертиров... А знаешь, что висельник опорожняет кишечник по мере того, как петля все туже затягивается на горле?

Рука гладила, легонько щекотала, теребила, снова начинала гладить. Джейми вцепился здоровой рукой в край койки и изо всех сил вжался лицом в кусачее одеяло, но слова все равно доставали его.

– Вот что случится с тобой, Фрэзер. Еще каких-то несколько часов – и почувешь петлю на своей шее. – Рэндолл самодовольно рассмеялся. – И ты пойдешь на смерть, а задницу твою будет жечь от моих ласк, а потом из тебя начнет выходить дерьмо и стекать по ногам, а вместе с дерьмом – следы моей страсти и капать на землю, под виселицей...

Джейми не издал ни звука. Он ощущал свой запах, вонь грязи и нечистот темницы, с кислотным привкусом пота от страха и ярости. А от человека за его спиной несло животным, и этот запах перекрывал нежный аромат лавандовой туалетной воды.

– Одеяло... – сказал он.

Глаза его были закрыты, лицо, освещенное луной, искажено.

– Оно было такое жесткое и колючее, и я ничего не видел, кроме каменной кладки тюремной стены. Не на чем было остановиться глазу и мысли... Я ничего не видел. А потому не открывал глаз и думал только об одеяле под щекой. Это все, что я чувствовал... Кроме боли... и его. Я вцепился в это одеяло...

– Джейми, позволь, я обниму тебя. – Я говорила нарочито спокойно, стараясь унять клокотавшую в нем ярость.

Он так крепко вцепился в мои руки, что они онемели. Но придвинуться к себе не позволял, держал на расстоянии, словно боялся прикинуть ко мне.

Внезапно он отпустил руки, отшатнулся и повернулся к залитому лунным светом окну. И стоял, весь напряженный и дрожащий, точно туго натянутая тетива, однако голос звучал спокойнее:

– Нет, девочка. Не для того я с тобой встретился. Ты не должна... быть замешана в этом.

Я сделала к нему шаг, но он быстрым жестом остановил меня. И снова повернулся лицом к окну, уже совсем спокойный, с пустым, ничего не выражающим лицом, словно стекло, через которое смотрел.

– Ступай ложись, девочка. Мне надо немного побыть одному. Все хорошо, все в порядке. Просто тебе нельзя волноваться.

И, раскинув руки, обнял оконную раму и всем телом заслонил лунный свет. Плечи его напряглись от усилия, и я поняла, что он изо всех своих сил вжимается в эту раму.

– Это всего лишь сон... Джек Рэндолл мертв.

В конце концов я заснула, а Джейми все стоял у окна, всматриваясь в лик луны. Пробудившись на рассвете, я увидела, что он, завернутый в плед, спит, скорчившись, на подоконнике.

Мои движения разбудили его, и он вновь был самим собой – уравновешенным и веселым, каким обычно бывал по утрам. Но веселость эта пугала меня, я помнила, что произошло ночью, и после завтрака стала рыться в аптечке.

К несчастью, чтобы приготовить превосходную микстуру от бессонницы, мне не хватало нескольких трав. Но тут я вспомнила, что Маргерит рассказывала мне об одном человеке. Раймон, торговец травами, проживал на улице де Варенн. Колдун – так назвала она его. Как раз то, что мне нужно. Так, все утро Джейми будет на складах. В моем распоряжении карета и кучер. Решено, я еду к Раймону.

По обе стороны от входа тянулся чистый деревянный прилавок, а за ним на высоту, вдвое превышающую средний рост человека, поднимались полки. Некоторые из них были застеклены, очевидно, там хранились самые редкие и дорогие лекарства. Углы шкафов украшали толстые позолоченные купидоны в развевающихся одеяниях. Надув щеки, они дудели в рожки. Создавалось впечатление, что эти лихие и даже развязные создания вдоволь попользовались спиртными напитками, выставленными на прилавках.

– Могу я видеть месье Раймона? – спросила я молодую женщину, стоявшую за прилавком.

– Мэтра Раймона, – поправила она меня, простецким жестом вытерла красный нос о рукав и указала в дальний конец помещения, где из-за перегородки зловеще выплывали густые клубы коричневатого дыма.

Являлся ли Раймон колдуном или нет – неизвестно, но обстановка у него была соответствующая. Из черной плиты, сложенной из шифера, выплывал дым и кольцами уходил вверх, под низкие потолочные балки. Над огнем было укреплено нечто вроде столика из камня с углублениями, откуда торчали стеклянные перегонные кубы и медные «пеликаны» – так называют металлические сосуды с длинными носиками, – из которых капала в чашки какая-то подозрительного вида жидкость. Небольшой, но вполне удобный дистиллятор. Я осторожно принялась. Над всеми запахами превалировал густой спиртной дух, исходивший от огня. На буфете выстроился аккуратный ряд чисто вымытых бутылок, что лишь усилило мои подозрения: помимо торговли амулетами и приворотными зельями мэтр Раймон, по всей очевидности, делал немалые деньги на производстве высококачественного шерри-бренди.

Сам алкогольных дел мастер склонился над огнем, подбрасывая в печь уголь. Услышав, что кто-то вошел, он выпрямился и приветствовал меня радушной улыбкой.

– Как поживаете? – вежливо осведомилась я.

Впечатление, что я оказалась в хижине колдуна, было столь сильным, что я ничуть не удивилась бы, услышав в ответ кваканье.

Ибо больше всего на свете мэтр Раймон напоминал огромную добродушную лягушку ростом чуть выше четырех футов, с бочкообразной грудью и кривыми ножками. Он обладал также толстой и липкой на вид кожей исконного обитателя болот и слегка выпученными, дружелюбно глядящими черными глазками. Разве что не зеленый и без бородавок, а так – самая настоящая лягушка, по всем статьям.

– Мадонна! – Лицо его расплылось в улыбке. – Чем имею счастье служить вам?

Оказалось, что у него совершенно нет зубов, что еще больше усиливало сходство с лягушкой, и я смотрела ему в рот, словно замороженная.

– Мадонна? – повторил он, вопросительно глядя на меня.

Поняв, насколько мое поведение кажется странным, я покраснела и неожиданно для себя спросила:

– Я просто задумалась: целовала ли вас когда-нибудь красивая молоденькая девушка?

Он так и покатился со смеху, и я покраснела еще больше. Потом, широко, во весь рот ухмыльнувшись, ответил:

– Много раз, мадонна! Но увы, не помогает. Как видите.

Тут мы уже оба рассмеялись, чем привлекли внимание девушки за прилавком – она с любопытством заглянула за перегородку. Мэтр Раймон прогнал ее жестом, затем, кашляя и держась за горло, проковылял к окну и распахнул створки, чтобы немного проветрить помещение от дыма.

– Так лучше? – спросил он, глубоко вдыхая прохладный весенний воздух, и, отбрасывая с плеч длинные седые пряди, добавил: – Ну-с, мадонна, поскольку теперь мы друзья, может, подождете немного? Мне тут надо срочно закончить одно дельце.

Я тут же согласилась, и он вернулся к печи, все еще похохатывая и держась за бока, и начал наполнять канистру дистиллятора. Я же тем временем расхаживала по комнате, разглядывая набор самых разнообразных и удивительных предметов.

С потолка свисал внушительных размеров крокодил, по всей видимости чучело. Я глазила на его желтое брюхо, твердое и блестящее, точно восковое.

– Настоящий? – спросила я, присаживаясь за исцарапанный дубовый стол.

Мэтр Раймон поднял на меня глаза и улыбнулся:

– Мой крокодил? Ну разумеется, мадонна. Придает клиентам чувство уверенности, что они попали по адресу.

Он кивнул в сторону полки, тянувшейся вдоль стены на уровне глаз. Она была уставлена белыми керамическими сосудами с причудливой позолотой на каждом. Там были изображены цветы и звери, и к каждому прикреплена бирка с рецептом. На трех ближайших ко мне сосудах красовались бирки с надписями по-латыни, и я с некоторым трудом, но все же перевела: крокодилья кровь, печень и желчь того же зверя.

Я взяла один, вынула пробку и осторожно принюхалась.

– Горчица, – сморщив нос, заметила я, – и чабрец. Но как это вы умудрились придать снадобью столь омерзительный вид?

Я слегка наклонила сосуд, разглядывая жирную черную жидкость внутри.

– О, да этот хорошенький носик, мадонна, у вас не просто для украшения! – На жабьем лице расплылась широкая улыбка, обнажая крепкие голубоватые десны. – Эта черная жидкость – перегнившая мякоть тыквы, – сознался он и, понизив голос, добавил: – А что касается запаха... так это настоящая кровь.

– Но не крокодилья же!

Я подняла глаза к потолку.

– Сколько цинизма у такого нежного создания! – скорбно заметил Раймон. – Дамы и господа, состоящие при дворе, куда доверчивее по природе, на свой, аристократический лад, разу-

меется. Нет, если честно, это кровь свиньи, мадонна. Свиньи куда более доступный материал, нежели крокодилы.

– Да, конечно, – согласилась я. – Этот, должно быть, стоил вам недешево.

– Нет, мне повезло. Я получил его в наследство, как и почти все остальное в этой лавке.

От предшествующего владельца.

Мне показалось, что в глубине добрых черных глаз мелькнуло беспокойство. Но за последнее время я стала слишком подозрительна, привыкнув читать различные оттенки выражения на лицах присутствующих на званных обедах в надежде, что это может как-то помочь Джейми, а потому тут же отбросила эту мысль.

Маленький толстый колдун придвинулся поближе и доверительным жестом взял меня за руку.

– Профессионалка? – спросил он. – Должен отметить, вы ничуть не похожи.

Первым порывом было отбросить эту руку, но ее прикосновение, вопреки ожиданиям, оказалось приятным – бесстрастным и одновременно утешительным. Я взглянула на окна – края стекол покрывал слой инея – и поняла, откуда возникло это ощущение: его руки без перчаток были на удивление теплыми.

– Все зависит от того, какой смысл вы вкладываете в этот термин, – усмехнулась я. – Я – целительница.

– Ах целительница? – Он откинулся в кресле, с интересом разглядывая меня. – Да, наверное, так и есть. А еще? Предсказания судьбы, приворотные зелья?

Я с содроганием вспомнила наши с Муртой скитания по дорогам Шотландии, когда мы искали Джейми. Тогда, чтобы заработать на кусок хлеба, мы, словно пара цыган, предсказывали судьбу и пели.

– О нет, ничего подобного! – слегка покраснев, ответила я.

– Ну, что вы не профессиональная лгунья, это очевидно, – заметил он, весело глядя на меня. – А жаль. Однако же чем могу служить вам, мадонна?

Я объяснила, что мне нужно; он слушал, глубокомысленно кивая головой, длинные седые волосы спадали с плеч. Парика он, во всяком случае в лавке, не носил и волосы не пудрил. Просто зачесывал их назад с высокого и широкого лба, и они прямыми, как палки, прядями спадали на плечи, а на концах были ровно подрезаны.

Говорить с ним было легко, он очень хорошо знал травы и ботанику. Он начал снимать с полок разные склянки и сосуды, вытряхивал из них какие-то порошки, смешивал их, растирал в ладонях всякие травы, давал мне понюхать или попробовать.

Нашу беседу прервали голоса, доносившиеся из магазина. Там, облокотившись о прилавок, стоял щеголевато одетый лакей и что-то говорил продавщице. Вернее, пытался что-то сказать. Его робкие попытки успешно парировали трескучие тирады на провансальском. Понимала я далеко не все, но общий смысл был ясен. Речь шла о капусте и каких-то колбасках, причем и о том и о другом отзывалась девушка далеко не лестно.

Я начала было размышлять об уникальной способности французов сводить любую дискуссию к еде, как вдруг дверь в лавке резко распахнулась. К лакею прибыло подкрепление в лице наруганной и пышно разодетой дамы.

– Ага, – пробормотал Раймон, с интересом наблюдая из-под моей руки за драмой, разворачивающейся у прилавка. – Виконтесса де Рамбо!

– Вы ее знаете?

Продавщица, очевидно, знала, поскольку перестала нападать на лакея и шмыгнула за застекленный шкаф, где хранились слабительные средства.

– Да, мадонна, – кивнул Раймон. – Эта дамочка обходится мне довольно дорого.

Я поняла, что он имеет в виду, когда увидела, как дама, подняв в руке маленькую баночку, содержащую по виду некое замаринованное растение – предмет перебранки, – с удивительной силой и точностью метнула ее прямо в застекленную дверь шкафчика.

Грохот стекла – и тишина. Виконтесса ткнула длинным костлявым пальцем в девушку.

– Ты, – прошипела она голосом, напоминавшим скрежет металлической стружки, – подай мне черного зелья! Немедленно!

Девушка открыла было рот, чтобы возразить, но, заметив, что виконтесса потянулась за очередным снарядом, тут же закрыла его и выбежала в заднюю комнату.

Предвидя ее бегство, Раймон решительно протянул руку и достал с полки над головой пузырек, который и сунул ей в руки, едва она возникла в дверях.

– Вот, отдашь ей, – сказал он. – А то все здесь переколотит.

Девушка робко направилась к прилавку, а он повернулся ко мне и состроил гримасу.

– Яд для соперницы, – объяснил он. – Или, по крайней мере, она так думает.

– О! – воскликнула я. – А что же там на самом деле? Горький жостер?

Он взглянул на меня с удивлением и уважением.

– А вы здорово разбираетесь, – заметил он. – Природный дар или же учились?.. Ладно, не так уж это важно...

Он взмахнул пухлой лапкой.

– Да, правильно, жостер. Завтра соперница заболит, а виконтесса будет наслаждаться зрелищем ее страданий. Жажда мести будет удовлетворена. К тому же она убедится, что не напрасно потратила деньги. А когда соперница выздоровеет, без особого ущерба организму, виконтесса припишет это вмешательству священника или же противоядию, которое дал жертве нанятый ею знахарь... Ничего, все утрясется, – спокойно заметил он. – Ну а через месяц, когда она явится ко мне за средством для прерывания беременности, я сдери с нее сумму, не только покрывающую стоимость испорченного имущества, нет, – достаточную для того, чтобы купить целых три новых шкафа. И она спорить не станет, выложит денежки как миленькая.

Он бегло улыбнулся, но улыбка была лишена обычного добродушия.

– Так что всему свое время.

Я заметила, как черные бусинки глаз испытующе окинули мою фигуру. Живота видно не было, но я поняла, что он знает.

– А что, средство, которое вы через месяц пропишете виконтессе, сработает? – осведомилась я.

– Все зависит от срока, – ответил он и задумчиво склонил голову к плечу. – Если на ранней стадии, то да. Но особенно тянуть не стоит.

В голосе его отчетливо звучало предупреждение, и я улыбнулась.

– Я не для себя спрашиваю, – заметила я. – Просто интересно.

Он снова расслабился:

– Ага... А я уж было подумал...

Грохот колес с улицы подсказал, что голубая с серебром карета виконтессы отъехала от дома. Лакей, стоя на запятках, размахивал руками и криком предупреждал прохожих, они разбегались и прятались за дверями или же в боковых улочках, опасаясь быть раздавленными.

– Все ясно, – тихо пробормотала я.

Происходившие в последнее время события не часто позволяли смотреть в будущее с должным оптимизмом, но это был как раз тот редкий случай, исключение из правил.

– Не спрашивайте, по ком звонит колокол, – сказала я Раймону. – Иначе окажется, что он звонит по тебе.

Он, похоже, был удивлен:

– Вот как... Ладно. Кстати, вы вроде бы говорили, что черная бетоница хорошо помогает от запоров? Сам я использую белую.

– Правда? Но почему?

И, не упоминая больше о виконтессе, мы пустились обсуждать различные профессиональные тонкости.

Глава 9 Великолепие Версаля

Я тихонько притворила за собой дверь в кабинет и постояла немного, собираясь с духом. Глубоко вдохнула, но из-за плотно стягивающего грудь корсета из китового уса получился звук, напоминавший сдавленный писк.

Джейми, сидевший над грудой бумаг, поднял голову и замер с широко раскрытыми глазами. Приоткрыл было рот, но не издал ни звука.

– Ну и как тебе?

Придерживая шлейф, я бодро шагнула в комнату и прошла, слегка покачивая бедрами, как учила меня портниха, чтобы показать край плиссировки из прозрачного шелка, которая украшала нижнюю юбку.

Джейми закрыл рот и заморгал.

– Это... оно... Красное, да? – пробормотал он.

– Ну, почти. Называется «Кровь Христа», если уж быть точным. Самый модный в сезоне цвет, так мне, во всяком случае, сказали.

– Не каждая женщина осмелится надеть такое, мадам, – заявила мне портниха сквозь булавки, зажатые во рту. – Но вы, с вашим цветом кожи! Бог мой, да мужчины будут просто ползать у ваших ног!

– Пусть только попробуют, сразу пальцы отдамлю, – сурово ответила я.

Я вовсе не собиралась шить столь вызывающий наряд, хотя, конечно, хотелось, чтобы на меня обратили внимание. Джейми велел мне заказать такое платье, в котором бы я выделялась в толпе. Невзирая на утреннюю сонливость, король, оказывается, запомнил Джейми, и мы получили приглашение на бал в Версаль.

– Мне надо заручиться поддержкой денежных людей, – объяснял Джейми чуть раньше, делаясь своими планами. – А поскольку ни положения, ни настоящей власти у меня нет, надо сделать так, чтобы они сами искали нашего общества.

И он, глубоко вздохнув, поднял глаза на меня, далеко не блистающую очарованием в неуклюжем ночном халате.

– Боюсь, что в Париже нам придется часто бывать в обществе. Даже, если получится, появляться при дворе. Они узнают, что я шотландец, начнутся расспросы о принце Карле, о том, действительно ли у меня на родине хотят возвращения Стюартов. Тогда я косвенным образом дам им понять, что большинство шотландцев готовы хорошо заплатить, лишь бы не видеть на троне Стюартов, пусть даже и погрешу при этом против истины.

– Да, лучше не выдавать своих истинных намерений, – согласилась я. – Иначе в следующий раз принц спустит на тебя всех собак.

Чтобы быть в курсе планов Карла, Джейми еженедельно наносил визиты в маленький особняк на Монмартре.

Он слегка усмехнулся:

– Что касается его высочества и сторонников якобитов, то я полностью лоялен к Стюартам. А поскольку Карла Стюарта при дворе не принимают, а меня – да, то шансы узнать, о чем я там болтаю, у него невелики. Все парижские якобиты, как правило, живут очень замкнуто. Одна из причин: им просто не хватает денег, чтобы появляться в высшем обществе. Спасибо Джареду: у нас деньги имеются.

Джаред был полностью согласен с кузеном, что круг знакомств и развлечений следует расширять, с тем чтобы французская знать, а также члены богатых семейств проложили себе дорогу к нашему дому, где их услаждали бы и соблазняли рейнскими винами, занимательной беседой, изысканными развлечениями и настоящим шотландским виски в невероятных количествах. Именно поэтому бедный Мурта последние две недели только и делал, что курсировал между портом и нашими подвалами.

– Им всегда подавай что-нибудь новенькое, – говорил Джейми, набрасывая какой-то рисунок на обратной стороне листа, где была напечатана поэма, в деталях описывающая непристойную любовную связь между графом де Севиньи и супругой министра сельского хозяйства. – И вообще, знать обращает внимание прежде всего на внешность.

Так что для начала нам надо представить им что-нибудь необыкновенное, на чем можно будет остановить взор.

Судя по его потрясенному виду, я в этом преуспела. Я немного покружилась по комнате, отчего громадная юбка закачалась, как колокол.

– Неплохо, правда? – спросила я. – Во всяком случае, заметно.

Он наконец обрел дар речи.

– Заметно? – хрипло пробормотал он. – Заметно! Еще бы, да ты вся просвечиваешь насквозь!

Я глянула вниз:

– Скажешь тоже! И вовсе это не я, а кружева, а под ними – подкладка из белого шелка.

– Да? А как похоже на твое тело! – Он встал и подошел поближе, потом наклонился, разглядывая лиф платья. Заглянул за корсаж. – Господи, да тебя до самого пупка видать! Неужели ты всерьез собираешься выйти в этом на люди?

Я слегка ошетибилась. Я и сама чувствовала себя несколько неловко в столь откровенном туалете, несмотря на полное его соответствие модным рисункам, которые показывала мне портниха. Но реакция Джейми заставила занять оборону, и я, чувствуя шаткость своих позиций, стала агрессивнее.

– Ты же сам велел мне выглядеть заметнее! – напомнила я. – И вообще, это ничто по сравнению с последней придворной модой. Поверь, я еще выбрала самое скромное, не то что платья мадам де Периньон и герцогини Руанской. – Я подбоченилась и с вызовом заглянула ему в глаза. – Или ты хочешь, чтобы я появилась при дворе в своем старом зеленом бархатном?

Джейми отвел глаза от декольте и поджал губы.

– Ммфм, – буркнул он, выглядя в этот момент типичным шотландцем.

Настало время немного утешить мужа. Я подошла и положила руку ему на плечо.

– Ладно, перестань, – сказала я. – Ты ведь бывал при дворе и видел, как там одеты дамы. И прекрасно знаешь, что, по их понятиям, ничего особенно вызывающего в этом платье нет.

Он снова оглядел меня с головы до ног и улыбнулся, слегка пристыженный.

– Да-а, – протянул он. – Да... это, конечно, верно. И все же... Ты ведь мне жена, англичаночка. И я не хочу, чтобы другие мужчины смотрели на тебя и видели то, что я видел у этих дамочек.

Рассмеявшись, я обняла его за шею, притянула к себе и поцеловала. Он положил мне руку на талию, пальцы бессознательно гладили скользкий красный шелк. Затем поползли вверх, к шее. Другая рука легла на грудь, там, где она мягко и округло выступала из узкого и жесткого корсажа – роскошно и соблазнительно свободная, прикрытая лишь одним слоем тончайшего и прозрачайшего шелка. Наконец он отпустил меня и выпрямился, удрученно качая головой:

– Ладно. Никуда не денешься, придется, видно, тебе его надеть, англичаночка! Но только умоляю, будь осторожнее!

– Осторожнее? Но чего мне бояться?

Губы его скривились в горестной усмешке.

– Послушай, женщина, ты имеешь представление, как выглядишь в этом платье? Глядя на него, так и хочется тебя изнасиловать, прямо с ходу. А эти лягушатники, разве они обладают моей выдержкой? – Он слегка нахмурился. – А ты не могла бы... чем-нибудь прикрыться сверху?

Он махнул рукой в сторону своего камзола с кружевным жабо, сколотым булавкой с рубином.

– Ну, шарфиком там или платочком.

– Вы, мужчины, – заявила я ему, – не имеете ни малейшего представления о моде! Ладно, не беспокойся. Портниха объяснила мне, для чего существует веер.

И я жестом, который разучивала минут пятнадцать, раскрыла веер из кружев в тон платью и, обмахиваясь им, кокетливо прикрыла бюст.

Джейми задумчиво взирал на это представление. Подумав, он достал из гардероба мой плащ.

– Сделай мне одно одолжение, англичаночка, – сказал он, накидывая тяжелый бархат мне на плечи. – Возьми веер побольше.

В плане привлечения всеобщего внимания платье имело несомненный успех. Что же касается кровяного давления Джейми, то тут эффект был скорее отрицательным.

Он все время держался поблизости, бросая яростные взоры на любого мужчину, осмеливавшегося взглянуть в мою сторону, пока Аннализа де Марильяк не углядела нас с другого конца зала и не поплыла навстречу с приветливой улыбкой. Улыбка на моих губах тут же застыла. Аннализа де Марильяк была, по словам Джейми, его старой «знакомой», он знал ее еще со времени первого приезда в Париж. К тому же она была красива, обаятельна и на удивление хрупка.

– Мой маленький дикарь! – приветствовала она Джейми. – Хочу вас кое с кем познакомиться. Вернее, сразу с несколькими людьми.

Словно фарфоровая куколка, она качнула головой в сторону группы мужчин, собравшихся в углу возле столика для игры в шахматы. Они яростно о чем-то спорили. Я узнала герцога Орлеанского и Жерара Гоблена, известного банкира. Судя по всему, там действительно собрались влиятельные люди.

– Идемте, сыграете с ними в шахматы, – настаивала Аннализа, положив на руку Джейми свою крошечную белую ручку. – К тому же там очень удобное место для встречи с его величеством, он появится чуть позже.

Король должен был появиться после ужина, примерно через час или два. В ожидании его гости бродили по дворцу, болтали, разглядывали живопись на стенах, флиртовали, прикрываясь веерами, поглощали сладости, таргалетки и вино и время от времени исчезали в небольших занавешенных альковах. Альковы были так ловко устроены в стенах, что казались незаметными, пока, приблизившись, вы не слышали доносившиеся оттуда голоса.

Джейми колебался, и Аннализа потянула его за руку.

– Идемте же! – настаивала она. – А за свою даму не волнуйтесь, – она окинула мой туалет одобрителем взором, – в одиночестве ей долго скучать не придется.

– Этого я и боюсь, – пробормотал Джейми еле слышно. – Ну так и быть, разве что на минутку.

На миг ему удалось высвободиться из цепких рук Аннализы, и он шепнул мне на ухо:

– Если найду тебя в одном из этих альковок, англичаночка, мужчина, с которым ты там будешь, считай, покойник. А что касается тебя...

Рука его бессознательно потянулась к шпаге, висевшей на поясе.

– О нет, не выйдет, – возразила я. – Ты ведь на своем кинжале поклялся, что никогда больше не будешь меня бить. Какова же тогда цена твоим клятвам, а?

Он через силу усмехнулся:

– Нет. Бить я тебя не буду, во всяком случае – не так, как бы мне хотелось.

– Вот и хорошо. А что тогда ты со мной сделаешь? – продолжала я дразнить его.

– Что-нибудь да придумаю, – мрачно ответил он. – Еще не знаю, что именно, но тебе вряд ли понравится.

И, окинув напоследок присутствующих испепеляющим взором и сжав мое плечо жестом собственника, он позволил Аннализе увести себя, словно маленькому, но бойкому буксиру, толкающему огромную баржу.

Аннализа оказалась права. Не защищенная более внушительным присутствием мужа, я тотчас же оказалась в окружении джентльменов, налетевших на меня, как стая попугаев на спелый плод.

Мне многократно целовали и жали ручку, осыпали цветистыми комплиментами, подносили бессчетное число чаш с вином, приправленным пряностями. Через полчаса заняли ноги. И лицо тоже – от улыбок. И руки – от непрерывного обмахивания веером.

За смену веера я даже испытывала к Джейми нечто похожее на чувство благодарности. Идя навстречу его пожеланиям, я взяла с собой самый большой из имевшихся вееров, гигантское сооружение не менее фута в длину, на котором были изображены, по всей видимости, горные олени, продирающиеся сквозь вересковые заросли. Джейми критически отозвался об оленях, но размеры одобрил. Грациозно отмахнувшись от назойливых приставаний некоего чрезмерно пылкого юнца в красном, я опустила веер чуть ниже, к подбородку, чтобы уберечь платье от крошек тоста с семгой, который жевала. И не только от крошек. Джейми, который был выше меня на добрый фут, божился, что видел меня всю, до пупка, однако же эта часть моего организма была недоступна взорам французских придворных, большинство из которых были ниже меня. Но с другой стороны...

Я очень любила лежать, уткнувшись носом Джейми в грудь, вернее – в маленькую ямочку в центре. Похоже, что некоторые из здешних моих малорослых обожателей разделяли эту страсть, и вот я не покладая рук бешено обмахивалась веером, сдувая им кудри с лица или же, если это не помогало, с треском захлопывала веер и довольно чувствительно шлепала им по напудренным головам.

А потому настоящим облегчением было услышать, как лакей, стоявший у двери, вдруг вытянулся и выкрикнул:

– Его величество король Людовик!

Поднимался король на рассвете, но расцветал, очевидно, к ночи. Он вошел в зал, неся себя с таким достоинством и изяществом, что казался куда выше своих пяти футов и шести дюймов, бросая налево и направо приветливые взгляды, величественными кивками отвечая на грациозные поклоны своих придворных.

То, что я видела, вполне соответствовало моим представлениям о том, как должен выглядеть монарх. Не слишком красивый, он держался так, словно был писанным красавцем; впечатление это усиливала не только роскошь наряда, но и поведение окружающих. На нем был парик с зачесанными назад по последней моде волосами, камзол из бархата, расшитый сотнями пестрых шелковых бабочек. В середине, в глубоком вырезе, виднелся жилет из соблазнительного кремового шелка с бриллиантовыми пуговицами, туфли украшали широкие пряжки в виде бабочек.

Темные, полуприкрытые веками глаза шныряли по толпе, надменный типично бурбонский нос прихвистывался, словно выискивая нечто заслуживающее интереса.

Джейми, одетый в килт, но при этом еще и в камзол и жилет из плотного желтого шелка, с огненными кудрями, падавшими на плечи, с пледом, перекинутым через плечо, и маленькой косичкой сбоку, согласно старинной шотландской моде, безусловно заслуживал этого интереса. По крайней мере, именно он, как мне показалось, привлек внимание короля Людовика, раз

тот вдруг изменил направление и двинулся прямо к нам, раздвигая толпу, которая отхлынула в разные стороны, словно волны Красного моря. Мадам Нель де ла Турель – я как-то видела ее на одном из приемов – следовала за ним, точно ялик в фарватере большого судна.

Я позабыла о красном платье: его величество остановился прямо напротив меня и отвесил изящный поклон.

– *Chere madam!* – сказал он. – Мы очарованы!

Джейми глубоко вздохнул, выступил вперед и поклонился королю:

– Позвольте представить вам мою жену, ваше величество, миледи Брех-Туарах!

Король выпрямился и отступил на шаг. Я тупо смотрела на него, затем по быстрому вымаху руки Джейми поняла, что он требует, чтобы я поздоровалась с королем.

Я автоматически присела в глубоком реверансе, стараясь не поднимать глаз от пола и не думать, как буду выглядеть, когда выпрямлюсь. Мадам Нель де ла Турель стояла совсем рядом с Людовиком, наблюдая за представлением со скучающей миной на лице. Ходили слухи, что она в данное время является его фавориткой. Согласно последней моде, она была одета в платье с вырезом ниже груди, которые прикрывал лишь клочок сверхпрозрачного газа, скорее для украшения, чем для защиты от холода или слишком любопытных взглядов.

Однако вовсе не платье и не прелести, которые оно обнажало, впечатлили меня, хотя справедливости ради следует отметить, что грудки у мадам де ла Турель были достаточно округлые, приятных очертаний и украшены крупными коричневатыми сосками, которые, в свою очередь, украшало довольно замысловатое сооружение из драгоценных камней, чуть прикрывая, но и не пряча совсем от глаз. Пара инкрустированных алмазами лебедей с рубиновыми глазками тянули шеи друг к другу, они небрежно свисали с двух золотых колечек. Ювелирная работа поражала мастерством, да и камни были отменные, но, заметив, что золотые колечки были продеты в соски, я едва не потеряла сознание. Соски были не на шутку изуродованы, но этот факт скрывали огромные жемчужины, по одной над каждым, свисающие на тонюсеньких золотых цепочках с золотых колец и, словно маятники, раскачивающиеся из стороны в сторону.

Я поднялась, покраснев и кашляя, извинилась и, прижав ко рту платок, отступила в сторону, едва не столкнувшись с Джейми. Тот, совершенно позабыв о приличиях, пялился на любовницу короля во все глаза.

– Она говорила Мари д'Арбанвилль, что соски ей прокалывал мэтр Раймон, – шепнула я мужу, который по-прежнему не сводил с грудок мадам де ла Турель замороженного взгляда. – Хочешь, и я запишусь на очередь? – спросила я его. – Полагаю, что мне он сделает это бесплатно, в обмен на рецепт тоника из тмина.

Джейми перевел глаза на меня. Потом, взяв под локоть, подтолкнул к одному из альковов.

– Если еще хоть раз услышу об этом мэтре Раймоне, – прошипел он уголком рта, – я сам их тебе прокалю, зубами.

Тем временем король направился к залу Аполлона, свободный проход, оставшийся за ним, быстро заполнялся гостями, вышедшими после ужина. Видя, что Джейми остановился и заговорил с месье Жене, главой процветающей корабельной компании, я стала искать укромное местечко, где можно было бы присесть и хоть на минуту скинуть туфли.

Один из альковов, что поблизости, оказался свободным. Я отослала настырного обожаемого за вином и, озираясь по сторонам, торопливо скользнула за штору.

Обстановка алькова располагала к интиму – кушетка, маленький столик и пара хрупких стульев, пригодных разве для того, чтобы бросить на них снятую одежду, а вовсе не сидеть. Тем не менее я уселась на один из них, скинула туфли и со вздохом облегчения положила ноги на второй. Легкое позвякивание колец шторы за спиной подсказало, что исчезновение мое не осталось незамеченным.

– Мадам! Ну наконец-то мы одни!

– Да, к сожалению, – вздохнула я.

Наверное, один из этих бесчисленных графов. Но нет, то оказался виконт, кто-то представил мне его чуть раньше. Виконт де Рамбо, коротышка. Я вспомнила, как вождеденно заглядывали его маленькие, похожие на бусинки глазки за вырез моего декольте.

Не теряя времени даром, он проворно уселся на соседний стул и положил мою ногу себе на колени, страстно прижав обтянутую шелковым чулком ступню к паху.

– О, моя маленькая! Сколько изящества! Ваша красота совершенно смутила мою душу!

Про себя я подумала, что насчет моих ног он, пожалуй, заблуждается – слишком изящными их вряд ли можно было назвать. Поднеся ступню к губам, он начал нежно покусывать мои пальцы.

– Вот какая маленькая свинка поселилась в городе, вот какая свинка...

Я выдернула ногу из цепких пальцев и торопливо, насколько позволяли громоздкие юбки, поднялась.

– Уж если говорить о свиньях, которые населяют этот город, – нервно начала я, – не думаю, что мой муж будет в восторге, обнаружив вас здесь.

– Ваш муж! Фу! – Он отмахнулся. – Уверен: какое-то время он будет занят. А пока кошки нет... Иди же ко мне, моя маленькая мышка. Позволь услышать твой нежный писк!

Очевидно, с целью взбодриться виконт достал из кармана эмалевую табакерку с нюхательным табаком, ловко вытряс несколько темных крошек на тыльную сторону ладони и изысканным жестом поднес к ноздрям.

Он глубоко втянул воздух, – глазки-бусинки светились радостным предвкушением, – запрокинул голову, но тут со звоном медных колец внезапно распахнулась штора. Рука виконта дрогнула, и он громко чихнул, сдувая крошки табака прямо мне на грудь.

Я взвизгнула.

– Вы, отвратительное маленькое ничтожество! – воскликнула я и залепила ему пощечину сложенным веером.

Виконт отпрянул, глаза его наполнились слезами. Споткнувшись о мои туфли девятого размера, валявшиеся на полу, вылетел из алькова и напрямик угодил в объятия Джейми.

– Да уж, наделал ты шуму, – заметила я.

– Ба! – Он отмахнулся. – Пусть еще спасибо скажет, подонок, что я не оторвал ему поганую голову и не заставил ее сожрать!

– Да, занимательное было бы зрелище, – сухо ответила я. – Однако искупать его в фонтане тоже было недурной идеей.

Он поднял на меня синие глаза, на хмуром лице возникло подобие улыбки.

– Э-э, ладно, что там говорить. Слава богу, что еще не утопил.

– Полагаю, виконт оценил твою сдержанность.

Джейми фыркнул. Он стоял в центре гостиной, входившей в небольшие дворцовые апартаменты, куда король, отсмеявшись, распорядился отвести нас, мотивируя тем, что в такое позднее время домой возвращаться не стоит.

– И потом, *mon chevalier*¹⁷, – заметил он, оглядывая мощную фигуру Джейми, с которого капала на пол вода, – нам не хотелось бы подвергать риску ваше здоровье. Вы можете простудиться, и тогда двор лишится немалой толики развлечений, а мадам мне этого никогда не простит. Не правда ли, дорогая?

Он протянул руку и игриво ущипнул мадам де ла Турель за сосок. Любовница, похоже, была раздражена этой фривольностью, но с готовностью улыбнулась. Впрочем, я заметила, что всякий раз, когда король отвлекался, она бросала зазывные взоры на Джейми. И неуди-

¹⁷ Мой рыцарь (*фр.*).

вительно. Следует признать, он действительно производил впечатление, стоя на террасе, под лучами света направленного на него фонаря, в мокрой одежде, прилипшей к телу. Понять я ее могла, однако была далеко не в восторге от этих взглядов.

Он сорвал с себя мокрую рубашку и бросил на пол. Без нее он был еще красивее.

– Что же касается тебя, – зловеще начал он, – разве я не предупреждал, чтобы ты держалась подальше от альковов?

– Да. Но забудем об этом на секунду, мистер Линкольн. Как вам понравилась игра? – вежливо осведомилась я.

– Что? – Он уставился на меня, как на сумасшедшую.

– Да ничего, это я просто так, к слову. Просто хотелось узнать: ты, наверное, встретил какого-то очень полезного человека, раз вместо того, чтобы защищать свои супружеские права, просидел с ним столько времени, не обращая на меня ни малейшего внимания?

Он яростно растер волосы полотенцем, взятым с умывальника.

– Ну да... Сыграл партию в шахматы с месье Дюверни. Кстати, разделал его в пух и прах.

Он страшно разозлился.

– О-о, звучит многообещающе. А кто он такой, этот месье Дюверни?

Он кинул мне полотенце и усмехнулся:

– Министр финансов Франции, англичаночка.

– О! И ты радуешься, что рассердил его?

– Да он сам на себя обозлился за то, что проиграл, англичаночка. Теперь не успокоится, пока не выиграет у меня хотя бы партию. Так что в воскресенье придет к нам, будем опять играть.

– Неплохо, – заметила я. – И во время игры ты постарайся внушить ему, что перспективы Стюартов весьма туманны, и убедить в том, что Людовик не намерен оказывать им финансовую поддержку, невзирая на родство?

Он кивнул, расчесывая волосы пальцами. Огонь в камине еще не разожгли, и Джейми немного дрожал.

– А где же ты научился играть в шахматы? – с любопытством спросила я. – Я и не подозревала, что ты умеешь.

– Колум Маккензи научил, – ответил он. – Мне было шестнадцать, и я целый год жил в замке Леох. Ко мне приходили учителя учить французскому, немецкому, математике и прочему. Но каждый вечер я на часок забегал к Колуму играть. Правда, он расправлялся со мной меньше чем за час, – сердито добавил он.

– Неудивительно, что теперь ты такой замечательный игрок, – сказала я.

Дядюшка Джейми, Колум, перенес какую-то болезнь и был прикован к креслу, но неподвижность свою компенсировал умом, способным посрамить самого Макиавелли.

Джейми встал, расстегнул пояс со шпагой и сузил глаза.

– Не думай, что я не понимаю, куда ты гнешь, англичаночка. Сменила тему и льстишь, точно куртизанка. Разве я не предупреждал тебя насчет этих альковов?

– Но ты же обещал не бить меня, – напомнила я и на всякий случай немного отодвинулась вместе с креслом.

Он снова фыркнул, бросил пояс на сундук, а килт – на пол, на промокшую рубашку.

– Неужели я похож на человека, который будет бить беременную женщину? – спросил он.

Я с сомнением окинула его взглядом. Абсолютно голый, с белыми шрамами, покрывающими тело, и мокрыми темно-рыжими кустиками волос, он походил сейчас на викинга, сошедшего с корабля и готового насиловать и грабить.

– Если честно, ты похож на типа, способного на все, – ответила я. – А что касается алькова... Да, предупреждал. Наверное, мне следовало снять туфли где-нибудь в зале, прямо

на людях. Откуда мне было знать, что этот кретин попрется за мной и будет лизать мне пятки?.. Ну, если не бить, то что же ты все-таки будешь со мной делать?

И я вцепилась в ручки кресла.

Он лег на постель и усмехнулся:

– Сними это шлюхино платье, англичаночка, и иди ко мне.

– Что?

– Раз уж нельзя отлупить тебя или искупать в фонтане... – Он пожал плечами. – Ты заслужила хорошей трепки, но что-то у меня глаза прямо слипаются.

Он широко зевнул и снова усмехнулся.

– Слушай, напомнишь, чтобы я сделал это утром, когда проснемся, идет?

– Ну что, получше? – Темно-синие глаза Джейми глядели на меня с тревогой. – Неужели это нормально, когда так сильно тошнит, а, англичаночка?

Я откинула волосы с потного лба и накрыла лицо влажным полотенцем.

– Не знаю, нормально или нет, – голос мой звучал слабо, – остается лишь надеяться, что да. Некоторых женщин тошнит до самого конца.

Перспектива выглядела малоприятной.

Чтобы определить время, Джейми по своей привычке взглянул не на расписные каминные часы, но в окно, на солнце.

– А ты сможешь спуститься к завтраку, англичаночка? Или попросить служанку принести что-нибудь сюда?

– Нет, не надо, мне уже лучше.

Я не лгала. Как ни странно, но, если не считать выматывающих приступов утренней тошноты, чувствовала я себя в целом прекрасно.

– Дай только рот прополощу.

Только я склонилась над тазиком и стала плескать в лицо холодную воду, как в дверь постучали. Очевидно, слуга, которого мы послали в наш парижский дом за сменой одежды.

Но, к моему удивлению, то оказался придворный с запиской. Нас приглашали на ланч.

– Его величество обедает сегодня с английскими аристократами, – объяснил он, – они только что прибыли в Париж. А перед тем решил пригласить на ланч видных английских торговцев, его высочество герцога и нескольких его соотечественников. И кто-то подсказал его величеству, что ваша супруга – англичанка, настоящая английская леди, а потому он просит быть также и вас.

– Хорошо, – ответил Джейми, бросив на меня быстрый взгляд. – Можете передать его величеству, что мы почтем за честь.

Вскоре после этого приехал Мурта, как всегда мрачный и сосредоточенный, с огромным свертком одежды и моей аптечкой, которую я тоже просила доставить. Джейми отвел его в гостиную, где начал отдавать различные деловые распоряжения, я же тем временем торопливо переделалась в свежее белье и платье, впервые пожалев о том, что отказалась от услуг горничной. После ночи, проведенной в объятиях огромного промокшего шотландца, волосы мои были в страшном беспорядке – пряди торчали в разные стороны, и укротить их с помощью лишь расчески и щетки казалось невозможным.

Наконец я кое-как привела голову в порядок и появилась на пороге, раскрасневшаяся и сердитая от усилий. Джейми, глянув на меня, пробормотал что-то насчет ежей, но я в ответ обожгла его таким укоризненным взором, что у него хватило ума не продолжать.

Прогулка среди террас и фонтанов дворцового сада значительно улучшила мое самочувствие. Листва на большинстве деревьев еще не распустилась, но день для конца марта выдался на удивление теплым, а набухающие на ветках почки пахли свежо и пряно. Казалось,

было слышно, как бегут соки в стволах высоких каштанов и тополей, обрамляющих тропинки и скрывающихся под сенью своих ветвей мраморные статуи.

Я прошла мимо статуи полуодетого мужчины с виноградной гроздью в кудрях и поднесенной к губам флейтой. Огромный козел с шелковистой шерстью жадно тянулся к другим гроздьям, спадающим с мраморных складок плаща.

– Кто это? – спросила я. – Пан?¹⁸

Джейми усмехнулся и покачал головой. На нем был старый килт и старый камзол. Но даже в этом одеянии он был куда красивее разодетых в пух и прах придворных, проходивших мимо нас щебечущими группками.

– Нет. Статуя Пана здесь тоже, кажется, есть, но это не он. Это один из четырех соков человека.

– Соков? – удивилась я. – Пожалуй... Во всяком случае, выглядит он довольно сочным.

Я покосилась на виноград.

Джейми улыбнулся:

– Да не в этом смысле! Ты ведь вроде бы врач, англичаночка! Должна знать. Неужели ничего не слышала о четырех соках, из которых состоит организм человека? Вот это Кровь. – Он указал на мужчину, играющего на флейте, потом махнул рукой по другую сторону аллеи. – А это Меланхолия.

Высокий человек в некоем подобии тоги держал в руке раскрытую книгу.

– А вон там, – Джейми указал вперед, – там Желчь.

Голый мускулистый молодой человек сердито и без всякого сожаления взирал на мраморного льва, готового вцепиться зубами ему в ногу.

– А вот это Флегма.

– Неужели?

Флегма, бородатый джентльмен в шляпе, стоял, скрестив руки на груди, у ног его сидела черепаха.

– Гм...

– А что, врачам в ваши времена не объясняли, что такое соки?

– Нет, – ответила я. – Вместо этого нам объясняли, что такое микробы.

– Вот как? Микробы... – тихо пробормотал он, словно пробуя слово на вкус, перекатывая его на кончике языка с характерным шотландским рыком, отчего оно приобрело уже совсем зловещее звучание. – Мик-р-р-робы! А на что они похожи, эти микробы?

Я взглянула на статую Америки – достигшая брачного возраста дева в юбке и головном уборе из перьев, с крокодилом у ног.

– Ну, ради них здесь не стали бы выставлять такую колоритную статую, – ответила я.

Крокодил у ног Америки напомнил мне о мэтре Раймоне.

– Так ты не хочешь, чтобы я пошла к мэтру Раймону? – спросила я. – Прокалывать соски?

– Естественно, не хочу, чтобы ты прокалывала соски, – решительно заявил он и, взяв меня под локоть, увлек вперед по аллее, видимо, опасаясь, что голые груди Америки вдохновляют меня на эту затею. – И вообще, нечего тебе ходить к этому мэтру Раймону. О нем ходят разные слухи.

– Обо всех в Париже ходят слухи, – заметила я. – И уверена, что мэтр Раймон наслышан о них.

Джейми кивнул, волосы блеснули в бледном свете весеннего солнца.

– Да уж наверняка. А я слышал, что о нем болтают в тавернах и гостиных. Мэтр Раймон является главой одного тайного общества, но это отнюдь не сторонники якобитов.

¹⁸ Пан – в греческой мифологии первоначально бог стад, покровитель пастухов, затем всей природы. Изображался в виде человека с козлиными рогами, копытами и бородой.

– Правда? Кто же тогда?

– Каббалисты, оккультисты. Возможно, колдуны.

– Надеюсь, Джейми, ты не принимаешь все эти сказки о колдунах и демонах всерьез?

Мы подошли к части сада, известной под названием «Зеленый ковер». Стояла ранняя весна, и лужайка еще только начинала зеленеть, но по ней бродили люди, радуясь на редкость ясной и теплой погоде.

– Нет, в колдунов не верю, – ответил он после паузы и, отыскав уютный уголок возле живой изгороди, сел на траву. – Разве что граф Сен-Жермен исключение.

Мне вспомнился взгляд черных глаз Сен-Жермена в Гавре, и я слегка вздрогнула, несмотря на солнце и шерстяную шаль, накинутую на плечи.

– Думаешь, он как-то связан с месье Раймоном?

Джейми пожал плечами:

– Не знаю. Но ведь ты сама пересказывала мне все эти слухи о Сен-Жермене. И если мэтр Раймон действительно член этого общества, думаю, англичаночка, тебе надо держаться от него подальше. – Он криво усмехнулся. – В конце концов, не все же время мне спасать тебя от костра.

Тень под деревьями напомнила мне о мраке, царившем в каземате для воров в Крэйнс-муире, и я снова содрогнулась и придвинулась поближе к Джейми и солнечному свету.

В траве под цветущим кустарником ворковали голуби. Придворные дамы и господа занимались примерно тем же, расхаживая по аллеям, украшенным скульптурами. Разница состояла в том, что голуби производили куда меньше шума.

За нашими спинами возникло видение в шелковом одеянии цвета морской волны, громким голосом выражающее восторг по поводу вчерашней пьесы, показанной при дворе. Три сопровождавшие его дамы выглядели не столь эффектно, но полностью разделяли его мнение.

– Великолепно! Просто великолепно! Какой голос у этой ла Куэль!

– Да, потрясающе! Прелесть!

– Восхитительно, просто восхитительно! Великолепно – вот самое точное слово.

– Да, великолепно!

Все четыре голоса звучали пронзительно и визгливо – такой звук издают гвозди, выдергиваемые из дерева. В отличие от них у голубя-кавалера, бродившего в траве в нескольких футах от моих ног, голос отличался приятным сладковатым и низким тембром, он ворковал так нежно и выразительно, надувая грудь и непрерывно раскланиваясь с таким видом, словно бросал свое сердце к ногам возлюбленной, на которую, впрочем, это не производило особого впечатления.

Я перевела взгляд с птиц на придворного «голубка» в аквамаринином шелке, в этот момент бросившегося поднимать с земли отделанный кружевом платочек, игриво оброненный одной из его спутниц, очевидно, не без тайного умысла.

– Дамы прозвали этого человека Сосиской, – заметила я. – Интересно почему?

Джейми сонно промычал что-то и приоткрыл один глаз – взглянуть на удаляющегося придворного.

– Мм? А, ну да, Сосиска. Наверное, за длинный член, который он никак не может удержать в панталонах. Не пропускает никого. Гоняется за дамами, лакеями, куртизанками, пажами. Ходят слухи, что не брезгует даже маленькими собачками, – добавил он, глядя вслед удаляющемуся камзолу цвета морской волны.

К обладателю его приближалась сейчас придворная дама, походившая на сверток белых воланов и кружев, которые она защитным жестом придерживала на пышной груди.

– О, это опасно! Сам бы я ни за что не решился приблизиться к этой твякающей болонке.

– Не рискнул бы своим членом? – шутливо спросила я. – Кстати, слышала, как эту деталь вашего организма иногда называют Питером. А янки по каким-то известным только им при-

чинам – Диком. Как-то раз я обозвала одного пациента, который меня все время поддразнивал, Умным Диком, так у бедняги от смеха чуть швы не разошлись.

Джейми и сам засмеялся, а потом сладко потянулся под ласковыми лучами весеннего солнышка. Затем подмигнул мне и перекатился на живот.

– Знаешь, при одном взгляде на тебя, англичаночка, с моим Диком такое творится! – сказал он.

Я откинула ему волосы со лба и нежно поцеловала в переносицу.

– А зачем, как ты думаешь, мужчины дают эти прозвища? – спросила я. – Джон, Томас. Или тот же Роджер. Женщины так не делают.

– Разве?

Джейми был явно заинтригован.

– Конечно, нет! Иначе бы я назвала какую-нибудь часть своего тела, скажем, нос Джейн.

Он снова расхохотался – грудь так и заходила ходуном. Я навалилась на него, с наслаждением ощущая под собой теплоту крепкого тела. Теснее прижалась к бедрам, но многочисленные нижние юбки делали этот жест скорее символическим.

– Во всяком случае, – рассудительно заметил Джейми, – ваши штучки не встают и не падают сами по себе, как бы вам того ни хотелось. Насколько мне известно, конечно, – добавил он и вопросительно приподнял бровь.

– Нет, слава богу, нет. Кажется, я слышала, что французы называют свой член Пьером, – сказала я, глядя на проходившего мимо щеголя в зеленом муаровом камзоле, отделанном бархатом.

Джейми так громко расхохотался, что до смерти перепугал голубей в кустарнике. Они взлетели, возмущенно хлопая крыльями и разбрасывая мелкие серые перышки. Пушистая белая болонка, доселе спокойно сидевшая на руках своей хозяйки, тут же проснулась, вылетела из своего теплого гнездышка, словно пинг-понговый шарик, и пустилась вдогонку за голубями, оглашая окрестности бешеным лаем; вслед ей неслись не менее визгливые крики хозяйки.

– Не знаю, англичаночка, – сказал Джейми, вытирая выступившие от смеха слезы. – Я только раз слышал, как один француз называл свой член Джорджем.

– Джордж! – повторила я так громко, что привлекла внимание проходившей мимо небольшой группки придворных.

Один из них, невысокий, но очень подвижный субъект в эффектном черно-белом шелковом наряде, приостановился и низко поклонился мне, подметая землю у моих ног шляпой. Один глаз у него затек, на переносице краснел след от удара, но спутать его с кем-либо было невозможно.

– К вашим услугам, мадам, – сказал он.

Все бы ничего, если бы не эти проклятые соловьи. В обеденном зале стояла страшная жара, было полно придворных и слуг; один из китовых усов моего корсета вылез и страшно колот в бок, стоило только поглубже вздохнуть; к тому же я страдала от новой напасти, сопровождавшей беременность, – через каждые несколько минут мне хотелось мочиться. Но я терпела. Было бы полнейшим неприличием встать из-за стола раньше короля, пусть даже это был самый неприятный ланч по сравнению с пышными официальными приемами, устраиваемыми в Версале, – так мне, во всяком случае, дали понять. Обычный... Тоже довольно относительное понятие.

Да, действительно, подавали лишь три сорта пикулей со специями, а не восемь, как обычно. И один суп, не слишком густой прозрачный бульон. Оленина, просто запеченная, а не на вертеле, рыба, вымоченная в вине, – кусочками, а не целиком, как заливное с креветками.

Впрочем, явно удрученный такой небывалой простотой, один из поваров расстарался и приготовил изумительную закуску – гнездышки, искусно сплетенные из полосок теста и украшенные веточками цветущей яблони. На конце каждой из веточек сидели по два соловья – оципаные, поджаренные и фаршированные яблоком и корицей, а потом снова одетые в свои же перья. А в гнездышке находилось целое семейство птенцов с поджаренными, хрустящими на зубах крошечными крылышками и кожей, смазанной медом. Раскрытые клювики были набиты миндальной пастой.

После того как блюдо торжественно обнесли вокруг стола, дабы каждый из гостей имел возможность восхититься этим произведением кулинарного искусства, причем сопровождалась эта церемония восторженным ропотом, блюдо поставили перед королем, который, на секунду отвлекшись от беседы с мадам де ла Турель, схватил одно из гнездышек и сунул его в рот.

«Хрум, хрум», – с хрустом жевали челюсти короля.

Словно замороженная, следила я за каждым его глотком, и мне казалось, что это через мое горло проходят крошечные косточки. Коричневые от жира пальцы ухватили одного из птенцов...

Тут я сочла, что встать из-за стола прежде его величества – сущий пустяк по сравнению с тем, что может сейчас со мной произойти, вскочила и вылетела из зала.

Несколько минут спустя, поднявшись с колен среди кустарника в саду, я услышала за спиной какой-то звук. Ожидая увидеть разгневанный взгляд садовника, я встретила глазами с не менее разгневанным мужем.

– Черт подери, Клэр! Долго это будет еще продолжаться? – воскликнул он.

– Наверное... да, – ответила я и в полном изнеможении присела на бортик декоративного фонтана.

Руки у меня были влажные, и я вытерла их о юбку.

– Думаешь, это я нарочно?

Голова кружилась, и я прикрыла глаза, стараясь не потерять равновесия и не свалиться в фонтан.

Внезапно я почувствовала на поясице чью-то руку и полуприслонилась-полуупала в объятия мужа. Он присел рядом и обнял меня:

– О господи! Прости, mo duinne! Тебе как, получше, а, Клэр?

Я немного отстранилась, чтобы видеть его лицо, и ответила с улыбкой:

– Я в порядке. Только голова немного кружится.

Протянув руку, я пыталась разгладить морщинку озабоченности, залегшую между его бровей. Он улыбнулся, но морщинка не исчезла – тонкая вертикальная черточка между густыми изогнутыми песочного цвета бровями. Он окунул руку в фонтан и погладил меня по щеке. Должно быть, я была страшно бледна.

– Прости, – добавила я, – но, честное слово, Джейми, я просто не могла удержаться.

Мокрая рука начала нежно и сильно поглаживать меня по шее. Мелкая водяная пыль, вылетающая из пасти дельфина с выпученными глазами, увлажняла волосы.

– О! И ты меня тоже прости, англичаночка. Не обращай на мои слова внимания. Я не хотел обидеть тебя. А теперь, – он беспомощно взмахнул рукой, – чувствую себя просто тупоголовым кретином. Вижу, что тебе плохо, знаю, что сам виноват в том, что с тобой творится, а помочь ничем не могу. Вот и бешусь и рывкаю на тебя. Слышишь, англичаночка, а почему бы тебе не послать меня к черту?

Я рассмеялась и смеялась так долго, что бока, стянутые тугим корсетом, заболели.

– Иди к черту, Джейми! – пролепетала я наконец, вытирая глаза. – Прямо в ад! «Да» и «нет» не говорите, черный-белый не берите! Ну что, доволен? Теперь тебе лучше?

– Ага, – ответил он, и лицо его просветлело. – Раз ты начала молоть всякую чепуху, значит, тебе получше. Тебе и вправду лучше, а, англичаночка?

– Да, – ответила я.

Выпрямилась и огляделась. Сады Версаля были открыты доступу публики, и по дорожкам и аллеям, странно контрастируя с придворными в разноцветных туалетах, прогуливались небольшие группки торговцев и мастеровых, радовавшихся теплой погоде.

Внезапно двери ближайшей террасы распахнулись, и в сад, весело болтая, высыпала целая толпа гостей. К ним тут же присоединились новые гости – они вышли из двух огромных карет, которые, как я заметила, сразу укатили к конюшням.

Это была большая группа мужчин и женщин, одетых, в отличие от придворных, довольно скромно. Однако внимание мое привлекла скорее не их внешность, но речь. Когда несколько человек болтают по-французски, издали звуки их речи напоминают кряканье уток или же перекличку гусей с характерным носовым проносом. Английская же речь более плавная, медленная, без резких подъемов и спадов интонации. Доносящаяся издали, когда неразличимы отдельные голоса, она напоминает монотонный хрипловатый, но дружелюбный лай сторожевой собаки. И вот общий звуковой эффект, создаваемый этой группой, направлявшейся прямо к нам, был следующий: гогот гусей, которых гонит на базар стая собак.

Итак, хоть и с запозданием, гости из Англии все же прибыли. Их вежливо провели в сад, пока прислуга на кухне торопливо готовит для них новый обед и накрывает стол побольше.

Я с любопытством взирала на эту группу. Герцога Сандрингема я, разумеется, знала: мы встречались с ним в Шотландии, в замке Леох. Его фигуру с бочкообразной грудью можно было различить издали, он бодро вышагивал рядом с Людовиком – модный парик слегка сдвинут набок, весь вежливое внимание.

Большинство сопровождающих были иностранцами, хотя мне показалось, что изысканно одетая дама средних лет не кто иная, как герцогиня Клейморская. Ее, насколько мне было известно, ожидали во дворце. Ради этого случая даже доставили из загородного дома королеву, которая обычно проводила там дни, предоставленная самой себе. Она разговаривала с почетной гостьей, нежное лицо покраснело от волнения – еще бы, для нее этот выход в свет целое событие!

Тут внимание мое привлекла молоденькая девушка, идущая следом за герцогиней. Довольно просто одетая, она тем не менее отличалась такой поразительной красотой, что выделялась в любой толпе. Небольшого роста, с хрупкой, однако не лишенной приятной округлости фигуркой, с темными блестящими ненапудренными волосами и поразительно белой кожей. Щеки горели румянцем, отчего лицо напоминало лепесток цветка.

Цвет ее лица напомнил мне о платье, которое некогда, в те, прежние времена, было моим любимым – легкое хлопковое платье с красными макаками на светлом фоне. При мысли о нем вдруг с такой остротой вспомнился родной дом и прежняя жизнь, что я ухватила за край мраморной скамьи, а глаза защипало от слез. Наверное, причиной тому этот беглый, так знакомо звучащий английский, которого я не слышала за долгие месяцы скитаний по Шотландии, да и во Франции, разумеется, тоже. От этих визитеров пахло родным домом.

И тут я увидела его. Кровь отхлынула у меня от лица, пока глаза недоверчиво обегали точеную голову с гладкой прической из темных волос, так резко выделявшейся на фоне напудренных париков. Казалось, в голове тревожно зазвенел колокольчик, звон все разрастался и превратился в вой сирены, пока я боролась с собой, отказываясь верить тому, что вижу. Такая знакомая линия носа...

«Фрэнк», – прошептала я себе, и все тело радостно подалось навстречу.

«Нет, не Фрэнк», – секунду спустя сказал внутренний голос, доносящийся из более рациональной и трезвой части сознания, и я застыла, укротив свой порыв и глядя на такую знакомую, слегка изогнутую в улыбке линию рта.

Стояла и твердила про себя: «Нет, это не Фрэнк», и ноги у меня словно онемели. А затем при виде высокого лба и надменного поворота головы меня вдруг охватила паника и заставила сжаться желудок и кулаки. Нет, это невероятно, просто невозможно. Это не может быть Фрэнк... А если нет, то тогда... тогда это не кто иной, как он...

– Джек Рэндолл.

Это был не мой голос. Это произнес Джейми каким-то странно спокойным, отвлеченным тоном. Мое поведение озадачило его и заставило взглянуть туда же, куда смотрела и я. И увидеть то, что видела я.

Он не двинулся с места. И даже охваченная паникой, я успела заметить, что он как будто и не дышал. Я смутно осознавала, что оказавшийся поблизости слуга с недоумением взирает снизу вверх на огромную, словно башня, фигуру шотландского воина, молчаливого и неподвижного, как статуя Марса. Вся моя тревога сосредоточилась на Джейми.

Он застыл. Как лев, слившийся с травой прерий, с горящими, немигающими, словно солнце, глазами, готовыми сжечь все вокруг, и лишь в глубине этих глаз угадывалось какое-то едва уловимое движение – пресловутое мерцание зрачка кошки, вышедшей на охоту, легкое подрагивание кончика хвоста перед тем, как кинуться убивать.

Обнажить оружие в присутствии короля означало смерть. Мурта находился где-то в другом конце парка и ничем не мог помочь. Рэндолл был уже в двух шагах. Его можно было достать шпагой. Я положила руку на плечо Джейми. Твердое и напряженное, как сталь шпаги. В глазах у меня помутилось.

– Джейми!.. – пролепетала я. – Джейми...

И потеряла сознание.

Глава 10

Дама с роскошно вьющимися каштановыми волосами

Я выплыла из мерцающего желтоватого тумана, состоявшего из пыли, солнечного света и осколков воспоминаний, чувствуя, что совершенно потеряна во времени и пространстве.

Надо мной склонился Фрэнк, лицо его было искажено тревогой. Он держал меня за руку. Нет, это не он. Это я держалась за чью-то руку, куда более крупную, чем у Фрэнка, пальцы мои ощущали жесткие волоски на запястье. Руки у Фрэнка были гладкие, точно у девушки.

– Как вы?

Голос Фрэнка, мягкий, интеллигентный.

– Клэр!

Голос куда более грубый и низкий, он вовсе не был голосом Фрэнка. И уж совсем не интеллигентный. И еще он был полон тревоги.

– Джейми... – Наконец-то я подобрала имя, соответствующее мысленному образу, к которому стремилась всей душой. – Джейми! Не надо!..

Я села, дико озираясь по сторонам. Меня окружали любопытные лица придворных, и среди них – лицо его величества. Склонившись, он разглядывал меня с сочувствием и интересом.

Два человека стояли рядом на коленях, в пыли. Справа Джейми – глаза испуганно расширены, лицо бледное, точно цветок боярышника над головой. А слева...

– Вы в порядке, мадам?

Светло-карие, слегка встревоженные глаза, вопросительно изогнутые над ними тонкие черные брови. Нет, конечно, это не Фрэнк. И не Джонатан Рэндолл... Этот человек моложе капитана лет на десять, он почти одного возраста со мной. Лицо бледное, гладкое. Такой же четко очерченный рот, но в линиях его не угадывается жестокости.

– Вы... – прохрипела я, отстраняясь от него как можно дальше. – Вы...

– Александр Рэндолл, эсквайр, мадам, – быстро ответил он и вскинул руку, словно хотел дотронуться до шляпы, которой не было. – Кажется, мы с вами прежде не встречались?

В голосе его звучало сомнение.

– Я... э-э... нет, не встречались, – ответила я и откинулась на руки Джейми.

Они все еще были твердыми, как железо, однако рука, сжимавшая мою, слегка дрожала, и я спрятала ее в складки платья, чтобы остальные не заметили.

– Довольно необычный способ знакомства, миссис... э-э... леди Брех-Туарах?

Высокий пронзительный голос привлек мое внимание, и я, подняв голову, увидела над собой румяное и нежное, как у херувима, лицо герцога Сандрингема, он с любопытством выглядывал из-за спин графа де Савиньи и герцога Орлеанского. Затем он протолкался поближе и протянул мне руку – помочь подняться. Держа мою вспотевшую ладонь в своей, он кивком указал на Александра Рэндолла, эсквайра. Тот, растерянно хмурясь, наблюдал за этой сценой.

– Мистер Рэндолл служит у меня секретарем, леди Брех-Туарах. Получить духовный сан – дело, конечно, почтенное, но слугам Господним платят так скудно, не правда ли, Алекс?

Молодой человек слегка покраснел, но вежливо кивнул, признавая правоту своего нанимателя. Только тут я заметила строгое черное платье с высоким белым воротником, что свидетельствовало о принадлежности мистера Рэндолла к низшему духовному рангу.

– Его светлость прав, миледи. А потому я с глубокой благодарностью принял его предложение.

Линия губ стала жестче, по-видимому, благодарность эта была не столь уж глубока, но говорил он вежливо. Я перевела взгляд на герцога – маленькие голубые глазки шурились от солнца, и прочесть в них что-либо было невозможно.

Эту сцену прервал король. Хлопнув в ладоши, он призвал двух лакеев. Следуя его указаниям, они подхватили меня и чуть ли не силком усадили в портшез.

– Никаких возражений, мадам. – Он грациозным жестом отмел все мои протесты и благодарности. – Отправляйтесь домой и отдохните, мы вовсе не желаем, чтобы вы пропустили завтрашний бал.

Большие карие глаза выразительно заглянули в мои, он поднес мою руку к губам. Не отводя от меня взора, кивком попрощался с Джейми, который уже достаточно пришел в себя, чтобы рассыпаться в благодарностях и извинениях, и заметил:

– Что ж, я готов принять вашу признательность, милорд, но с одним условием. Разрешите протанцевать один танец с вашей очаровательной супругой?

Губы Джейми дрогнули, однако он поклонился и ответил:

– Для жены, равно как и для меня, это огромная честь, ваше величество. – Он взглянул на меня. – Если она достаточно оправится, чтобы посетить завтрашний бал, уверен, она с нетерпением будет ожидать этого танца.

И, не дожидаясь ответа, он сделал знак носильщикам:

– Домой!

Дома, после долгого путешествия по улицам, пропахшим цветами и канализацией, я стянула тяжелое платье, громоздкий и неудобный кринолин и с облегчением переделалась в шелковый халат.

Я нашла Джейми у неразожженного камина – глаза закрыты, руки бессильно лежат на коленях. Лицо было бледное и сливалось с полотняной рубашкой, отчего в этом сумрачном освещении он походил на привидение.

– Мать Божья, – пробормотал он, качая головой, – Боже милостивый и все пресвятые угодники, я ведь был буквально на волоске от того, чтобы убить этого человека. Ты понимаешь, Клэр? И если б ты не хлопнулась в обморок... Господи... Ведь я хотел убить его!

Он вздрогнул при этом воспоминании и замолк.

– Давай положи сюда ноги.

Я пододвинула к нему тяжелый резной табурет.

– Да нет, не надо, все в порядке. – Он отмахнулся. – Выходит, этот человек – брат Джека Рэндолла?

– Похоже на то, – суховати ответила я. – Кем же еще ему быть, как не братом?

– Мм... А ты знала, что он служит у Сандрингема?

Я отрицательно покачала головой:

– Нет. Ничего про него не знала, кроме имени и того, что он викарий. Фрэнк не очень-то им интересовался, он ведь не прямой его предок.

Легкая дрожь в голосе при упоминании имени Фрэнка выдала меня.

Джейми отложил фляжку и подошел ко мне. Остановился, поднял на руки и начал баюкать, крепко прижимая к груди. От складок его рубашки остро и свежо пахло садами Версаля. Он поцеловал меня в макушку и понес к постели.

– Приклони головку, англичаночка, – с нежностью произнес он. – День выдался такой долгий и утомительный для нас обоих.

Я опасалась, что после встречи с Александром Рэндоллом Джейми снова начнут мучить кошмары. Это случалось, хотя и не часто. Я чувствовала, как он лежит рядом без сна, весь напряженный и настороженный, словно перед схваткой. Потом он вставал с постели и проводил остаток ночи у окна, словно оно было единственным выходом и убежищем, отвергая все мои утешения и мольбы. А к утру Джека Рэндолла и всех остальных демонов рассвет снова загонял в шкапулку, где они сидели, запертые под стальными замками воли Джейми, и все было хорошо.

Правда, засыпал Джейми быстро, все тяготы и неурядицы тут же переставали терзать его, и лицо становилось спокойным и безмятежным. Я долго любовалась им, прежде чем задуть свечу.

Какое все же блаженство лежать вот так, неподвижно, чувствуя, как отогреваются холодные конечности, а ноющая спина, шея и колени цепенеют от сладкой дремы. Но мозг мой засыпал последним, и перед глазами в тысячный раз разворачивалась все та же сцена у дворца: мелькала темноволосая голова с высоким лбом, плотно прижатыми к черепу ушами и четко очерченным подбородком, снова и снова озаряла меня радостная вспышка узнавания и ощущение острой боли при этом. Фрэнк, подумала я тогда. Именно лицо Фрэнка стояло у меня перед глазами, когда я наконец погружалась в сон.

Один из лекционных залов Лондонского университета, старинный деревянный потолок и современные полы, покрытые линолеумом, по которому неутомимо шаркают ноги. Старомодные голые скамьи – новых парт удостоились лишь классы для занятий точными науками. Для истории сойдет и исцарапанное, шестидесятилетней давности дерево. В конце концов, ведь и предмет старый и не меняется – к чему какие-то новшества?

– Предметы искусства, – звучал голос Фрэнка, – и предметы быта...

Длинные пальцы прикасались к ободку серебряного подсвечника, солнечный луч из окна сверкал на металле, словно прикосновение было насыщено электричеством.

Предметы, позаимствованные из коллекции Британского музея, стояли, выстроившись в ряд на столе. Студенты, сидящие в первом ряду, могли разглядеть крохотные трещинки на французской табакерке из желтой слоновой кости и коричневатые пятна от табака по краям белой глиняной трубки. Английский флакончик для духов в золотой оправе, бронзовая чернильница с крышкой, треснувшая ложка из рога и маленькие мраморные часы, украшенные двумя лебедями, пьющими воду. А за рядом этих предметов были разложены миниатюры; разглядеть изображенные на них лица мешал свет, отражающийся от поверхности.

Темноволосая голова Фрэнка сосредоточенно склонялась над этими вещами. Луч солнца высвечивал в волосах рыжевато-каштановую прядь. Бережно, точно яичную скорлупу, брал он в руки глиняную трубку.

– О некоторых периодах истории, – начинал он, – у нас есть письменные свидетельства людей, живших в ту пору. О других мы знаем лишь по предметам, рассказывающим нам, как жили эти люди.

Он подносил трубку ко рту, складывал губы колечком, надувал щеки, комично приподнимал брови. В аудитории слышался сдавленный смешок, Фрэнк улыбался и откладывал трубку.

– Искусство и предметы искусства. – Он указывал на ряд сверкающих миниатюр. – Их мы видим чаще всего, они всегда украшали и украшают жизнь человека. Да и почему бы нет?

Он говорил теперь, адресуясь исключительно к темноволосому юноше с умным, интеллигентным лицом. Известный лекторский прием – выбирать себе в слушатели одного студента и говорить только ему, словно они наедине. Минуту спустя переключиться на другого. Тогда все будут с равным вниманием слушать.

– Помимо всего прочего, это просто красивые вещи. – Палец касался лебедя на часах, проводил по изгибу шеи. – Их стоит сохранять. Но кто станет хранить какой-нибудь старый и грязный чехол от чайника или истершуюся автомобильную шину?

На этот раз хорошенькая блондинка в очках улыбалась и коротко кивала в знак согласия.

– Существуют предметы быта, о них, как правило, не пишут в мемуарах, их просто используют, а когда они ломаются, перестают быть нужными, так же просто, не задумываясь, выбрасывают. А ведь они могли бы рассказать нам, как жили простые люди. Вот эти трубки, к примеру. Они могли бы рассказать, как часто и какой именно табак курили люди самых разных сословий, от высших, – он похлопывал пальцем по крышке эмалевой табакерки, – до низших, – он бережно гладил длинный прямой ствол трубки.

Средних лет женщина торопливо строчила в блокноте, боясь пропустить хоть слово, а потому долго не замечала, что внимание лектора обращено на нее. Вокруг улыбчивых ореховых глаз залегли мелкие морщинки.

– Все записывать не обязательно, миссис Смит, – замечал Фрэнк. – Лекция длится целый час, вы весь карандаш испишете.

Женщина краснела и бросала карандаш, однако все же улыбалась, отвечая на дружескую усмешку на худощавом загорелом лице Фрэнка. Теперь он уже завладел всеми ими – замороженные его мягким юмором, студенты внимали каждому слову. Они без колебаний и жалоб готовы были следовать за ним тропой неумолимой логики в самые дебри знаний. Напряжение, читавшееся в повороте темноволосой головы, спало, он чувствовал, что слушатели неотрывно следят за ним и его мыслью.

– Казалось бы, лучший свидетель истории – человек. Мужчина... или женщина, – легкий кивок в сторону хорошенькой блондинки, – которые жили в ту или иную эпоху, верно?

Он улыбался и брал со стола треснувшую ложечку.

– Что ж, может быть. В конечном счете это ведь вполне в характере человека – приукрашивать описываемые им события и предметы, если он будет знать, что писания его прочтут. Люди пытаются сконцентрироваться на вещах, которые считают важными. И довольно часто приукрашивают их для публичного, так сказать, пользования. Попробуйте отыскать летописца, который бы с равным усердием описывал королевское шествие и то, как он ночью садится на горшок.

На этот раз смеялись все, и он, донельзя довольный собой, облокачивался о стол, помавивая ложечкой.

– Ну и по аналогии люди чаще всего сохраняли именно красивые вещи, предметы искусства. Однако ночные горшки, ложки и дешевые глиняные трубки могут поведать нам об их хозяевах куда больше. Ну и потом, сами люди... Мы почему-то считаем, что исторические

личности отличаются от нас, наделяем их некоей мифологической аурой. Но ведь кто-то играл в эти шахматы!

Тонкий палец стучал по шкатулке.

– Какая-то дама употребляла эти духи... – он касался флакончика, – наносила их капли за уши, на запястья, – что вы еще там душите, дамы?

Подняв голову, он улыбался пухленькой белокурой девушке, сидевшей в первом ряду. Та краснела, хихикала и касалась V-образного выреза блузки.

– Ах, ну да, конечно, здесь! И точно так же поступала владелица этого флакончика.

Все еще улыбаясь девушке, он откупоривал его и подносил к носу.

– Что там, профессор? «Argege»?

А он, оказывается, вовсе не такой уж скромник, этот студент. Темноволосый, как и Фрэнк, с дерзкими серыми глазами.

Лектор закрывал глаза, глубоко втягивал воздух, тонкие ноздри трепетали у горлышка флакона.

– Нет. Это «L'Heure Bleue». Мои любимые.

Он поворачивался к столу, наклонялся. Волосы падали на лоб, рука задумчиво застыла над рядом миниатюр.

– А это особый разряд предметов. Портреты... С одной стороны, произведения искусства, с другой – на них изображены сами люди. Но насколько они для нас реальны?

Он брал крошечный овал, поворачивал его к аудитории и читал вслух надпись на бирке, прикрепленной к обратной стороне:

– «Дама» работы Натаниэля Плаймера, подписан инициалами, датируется тысяча семьсот восемьдесят шестым годом. Дама с вьющимися каштановыми волосами, уложенными в высокую прическу, в розовом платье с пышным воротником, на фоне облачного неба».

Он поднимал лежавшую рядом миниатюру квадратной формы.

– «Джентльмен», работы Горация Хоуна, подписан монограммой, датируется тысяча семьсот восьмидесятым годом. Господин с напудренными волосами, собранными в хвост, в коричневом сюртуке, синем жилете, с жабо и орденом, возможно, Почетным орденом Бата».

На миниатюре был изображен круглолицый мужчина со сложенными бантиком губами – характерная мина для портретов XVIII века.

– Художники нам известны, – продолжал он, откладывая миниатюры. – Они или подписывали свои работы, или же оставляли какой-либо ключ в манере письма, сюжете рисунка, позволяющий определить авторство. Но что мы знаем о людях, которых они писали? Да, мы видим их, и, однако же, ничего о них не знаем. Странные прически, чудная одежда, они не похожи на известных вам людей, верно? А стиль письма, он делал их похожими друг на друга. Поэтому что мы можем о них сказать? Иногда, правда, встречаются исключения.

Рука кружилась над миниатюрами, выбирала одну, овальную.

– «Джентльмен...»

Он поднял портрет. С него из-под шапки огненных волос, в кои-то веки прибранных, заплетенных в косицу и завязанных ленточкой по тогдашней моде, смотрели синие глаза Джейми. Острый кончик носа едва не касался пышных кружев высокого воротника, крупный рот приоткрыт, уголок его приподнят – того и гляди заговорит.

– Но ведь то были реальные люди, – настойчиво продолжал звенеть голос Фрэнка. – Они занимались тем же, что и вы, ну разве что не ходили в кино и не носились по автострадам.

Со стороны аудитории слышался одобрительный смешок.

– Они заботились о своих детях, любили своих мужей и жен... Ну, по крайней мере, иногда...

Громкий смех.

– «Дама», – продолжал он после паузы, бережно держа последнюю миниатюру в ладони. – С роскошно вьющимися каштановыми волосами до плеч, в жемчужном ожерелье». Даты нет. Художник неизвестен.

Это было зеркало, а не миниатюра. Щеки у меня вспыхнули, губы задрожали. Пальцы Фрэнка нежно коснулись подбородка и изящной линии шеи. Слезы наполнили глаза и покатились по щекам, а в ушах все звучал назидательный голос. Лектор отложил миниатюру, и глаза мои уставились в деревянный потолок.

– Без даты... Неизвестен... Но ведь когда-то... она была живая.

Дышать стало нечем. Сперва мне показалось, что из-за стекла, в которое была вставлена миниатюра. Но вот к моему носу прикоснулись чем-то мягким и влажным. Я отдернула голову и проснулась, чувствуя, что подушка под щекой мокрая от слез. На плече лежала большая и теплая рука Джейми, он нежно тряс меня.

– Ш-ш-ш, девочка! Ну, тихо, тихо... Тебе просто приснился сон... Я здесь.

Повернув голову, я уткнулась носом в его обнаженное плечо. Я крепко приникла к нему, а в уши медленно входили знакомые домашние шумы, вновь возвращая к жизни, которая была моей... Моей!

– Прости, – прошептала я. – Мне снилось... снилось, что...

Он похлопал меня по спине и полез под подушку за платком.

– Знаю. Ты назвала его имя.

Голос звучал печально.

Я снова уткнулась ему в плечо. От него пахло теплом, взъерошенными со сна волосами, и этот запах смешивался со слабым ароматом свежего постельного белья.

– Прости, – повторила я.

Он фыркнул, но на смех это походило мало.

– Сказать, что я ревную тебя к этому человеку, было бы ничего не сказать. Жутко ревную. Но возражать против того, чтобы он тебе снился или чтобы ты плакала из-за него, – тут я бессилена.

Палец нежно провел по мокрому следу у меня на щеке, потом Джейми промокнул его платком.

– Так ты не возражаешь?

Он криво улыбнулся в полумраке:

– Нет. Ты ведь его любила. Разве я могу обижаться на то, что ты его оплакиваешь?

К тому же меня утешает одна мысль.

Он замолк. Я протянула руку и откинула взъерошенные рыжие волосы со лба.

– Какая же?

– Что в случае чего ты и меня тоже будешь оплакивать, – еле слышно произнес он.

Я вжалась лицом в его грудь, слова звучали приглушенно.

– Я не буду оплакивать тебя, потому что не придется. Не собираюсь терять тебя, слышишь?

Тут меня осенила одна мысль, и я подняла на него глаза.

– Ты ведь не думаешь, что я хочу вернуться? Не смей так думать только потому, что я иногда вспоминаю Фрэнка!

– Нет.

Он произнес это быстро и тихо и еще крепче сжал меня в объятиях.

– Нет, – повторил он еще тише. – Мы принадлежим друг другу, ты и я, и ничто на свете не в силах нас разлучить.

Он погладил меня по волосам.

– Помнишь, как я поклялся в день нашей свадьбы?

– Да, кажется. «Плоть от плоти моей, кровь от крови...»

– И я отдаю тебе свою плоть, чтобы мы могли стать единым целым, – закончил он. – Я собираюсь сдержать эту клятву, англичаночка! И ты тоже.

Он бережно повернул меня к себе лицом, ладонь с нежностью опустилась на слегка округлившийся живот.

– Кровь от крови, – прошептал он, – и плоть от плоти. Ты носишь меня в себе, англичаночка, и ты не можешь, не в силах оставить меня, что бы ни случилось. Ты моя, вся и навсегда, хочешь ты того или нет, хочешь ты меня или нет! Моя, и никуда я тебя не отпущу.

Я положила руку поверх его ладони и сжала.

– Да... – тихо пробормотала я. – И ты меня не оставишь тоже.

– Нет. – Он улыбнулся. – Поскольку уж придется держать эту клятву до конца, до самого последнего ее слова.

Он обнял меня, склонил голову и прошептал в самое ухо в темноте, я ощущала на лице его теплое дыхание:

– И мы будем вместе, пока не разлучит нас смерть!

Глава 11

Полезные занятия

– Кто этот странный маленький человечек? – с любопытством спросила я Джейми.

Человек, о котором шла речь, медленно прокладывая себе дорогу среди гостей, собравшихся в главном зале особняка де Роханов. Останавливался на секунду-другую, окидывая группу гостей критическим взглядом, затем или пожимал худенькими плечиками и шел дальше, или подходил к мужчине или даме, что-то подносил им к лицу и выпаливал какую-то команду. Чем бы он там ни занимался, но, похоже, действия его очень веселили публику.

Прежде чем Джейми успел ответить, человечек, низенький, худенький и морщинистый, в сером саржевом костюме, вдруг увидел нас, и лицо его просияло. Он накинута на Джейми, как какая-нибудь маленькая хищная птичка кидается с высоты на крупного, но тем не менее испуганного кролика.

– Пойте! – скомандовал он.

– Что?

Растерянно моргая, Джейми с удивлением глядел сверху вниз на крошечную фигурку.

– Я сказал: пойте, – терпеливо ответил человечек и с восхищением ткнул Джейми в грудь морщинистым кулачком. – С такой грудной клеткой мы будем иметь такой резонанс! Какие объемы!..

– Да, объемы у нас имеются, – весело заметила я. – Стоит ему разозлиться, и голос слышен за три квартала.

Джейми сердито зыркнул на меня, а человечек так и кружил возле него, измеряя ширину спины, похлопывая по плечам и другим частям тела, словно дятел, долбящий высокое мощное дерево.

– Но я не умею петь, – запротестовал муж.

– Ерунда, ерунда! Конечно, умеете! Приятным бархатным баритоном, – с восхищением бормотал человечек. – Великолепно! Просто превосходно! Вы как раз то, что я ищу! Вот... Сейчас я помогу вам. Попробуйте повторить эту ноту.

С этими словами он проворно выхватил из кармана маленький камертон, стукнул им о колонну и поднес к уху Джейми.

Джейми закатил глаза к потолку и, пожав плечами, послушно пропел ноту. Человечек отпрянул, будто его подстрелили.

– Нет... – пробормотал он, словно ушам своим не веря.

– Боюсь, что да, – с сочувствием заметила я. – Он вам не врал. Он действительно совсем не умеет петь.

Человечек обиженно покосился на Джейми, снова стукнул камертоном и поднес к его уху.

– Попробуйте еще раз, – умоляюще произнес он. – Просто прислушайтесь, а потом выдайте тот же звук.

Мой терпеливый муж внимательно прислушался к «ля», исходившему от камертона, и пропел нечто среднее между «ми-бемоль» и «ре-диез».

– Нет, это невозможно! – воскликнул окончательно разочарованный человечек. – Так фальшивить нельзя даже нарочно!

– Как видите, можно, – весело ответил Джейми и вежливо поклонился человечку.

К этому времени вокруг нас уже собралась небольшая кучка любопытных. Луиза де ла Тур славилась как превосходная хозяйка, и ее салон привлекал сливки парижского общества.

– Он может, – уверила я нашего собеседника. – Он абсолютно лишен слуха.

– Да, вижу.

Человечек был совершенно убит этим обстоятельством. Затем глаза его оживились – он начал присматриваться ко мне.

– Нет, только не я! – со смехом воскликнула я.

– Но не можете и вы, мадам, тоже страдать отсутствием слуха!

Глаза его сверкали, как у змеи, гипнотизирующей птичку. Он приближался ко мне, держа в руке камертон, который в этот момент больше всего походил на раздвоенное жало.

– Погодите! – Я, защищаясь, вытянула руку. – Позвольте сперва узнать, кто вы.

– Это герр Иоганн Герстман, англичаночка. – Джейми поклонился человечку. – Учитель пения его величества. Позвольте представить вам мою жену, герр Герстман. Леди Брех-Туарах. К этому времени Джейми знал при дворе каждого человека, даже самого ничтожного.

Иоганн Герстман... Ну конечно! Я различала еле уловимый акцент в его беглом аристократическом французском. Немец или австриец?..

– Я организую небольшой любительский хор, – объяснил учитель пения. – Голоса не обязательно должны быть хорошо поставленными, но сильными и искренними.

Он снова бросил разочарованный взгляд на Джейми. Тот ответил ему ухмылкой, взял из рук Герстмана камертон и поднес мне.

– Ну так и быть, – согласилась я и пропела.

То, что все услышали, похоже, настолько взбудило герра Герстмана, что он, убрав камертон, пристально уставился мне в лицо. Парик был ему великоват и слегка съехал на ухо. Он небрежно сдвинул его назад и сказал:

– Отличное звучание, мадам! Очень, очень недурно! Возможно, вам знакома эта мелодия из «Бабочки»? – Он пропел несколько тактов.

– По крайней мере, слышала, – осторожно ответила я. – Гм, мелодию, во всяком случае. А слов я не знаю.

– О! Нет проблем, мадам! Ведь в хоре вы просто...

Тут я обнаружила, что он крепко держит меня за запястье и тащит куда-то в дальнюю комнату, откуда доносятся звуки клавесина. При этом герр Герстман неумолчно жужжал мне что-то в ухо, словно обезумевший шмель.

Я бросала беспомощные взгляды на Джейми, но тот только усмехнулся в ответ и прощальным жестом поднес к губам бокал, тут же вступив в беседу с месье Дюверни-младшим, сыном министра финансов.

Дом де ла Туоров – если слово «дом» вообще пригодно для определения этого жилища – был освещен снаружи гирляндами ламп, протянутыми в саду и обрамлявшими террасу. Пока герр Герстман волок меня по коридорам, я видела, как снуют вокруг слуги, накрывающие стол к обеду, который должен был начаться чуть позже. В большинстве салонов, которые мы посе-

щали, давались весьма скромные приемы, но у щедрой по натуре Луизы де ла Тур все было на широкую ногу.

Я познакомилась с принцессой неделей раньше, на другом приеме, и, увидев ее, была удивлена. Полненькая, довольно простоватая на вид, с круглым лицом и пухлым подбородком, бледно-голубыми глазами, напрочь лишенными ресниц, и маленькой мушкой в виде звездочки, которая мало соответствовала ее внешности.

«И эта дама умудрилась обворожить принца Карла, заставила его пренебречь общественными и моральными приличиями!» – думала я, приседая в глубоком реверансе.

Однако была в ней какая-то живость, шарм, к тому же природа наделила ее совершенно прелестным розовым ротиком – самой привлекательной и яркой чертой лица.

– Я очарована! – воскликнула она тогда, хватая меня за руку. – Очень рада наконец-то с вами познакомиться. Муж и отец без конца поют милорду Брех-Туараху такие дифирамбы, а о его очаровательной жене не сказали ни слова! Я совершенно счастлива видеть вас, моя дорогая миледи. Должна ли я называть вас Брех-Туарах или достаточно просто леди Туарах? Страшно трудно запомнить, но с одним словом как-нибудь справлюсь, даже если оно и такое странное. Кстати, это шотландская фамилия? Совершенно очаровательно!

Дословно Брех-Туарах означает «Башня, глядящая на север», но даже если б ей захотелось называть меня «леди, глядящая на север», я бы не возражала. Впрочем, она быстро оставила попытки запомнить это трудное для нее имя и стала называть меня просто «*ma chere*¹⁹ Клэр».

Луиза собственной персоной находилась в музыкальном салоне среди певцов, она порхала от одного гостя к другому, болтала, смеялась. При виде меня простоватое ее личико озарилось радостью, и она побежала навстречу так быстро, насколько позволяли громоздкие юбки.

– Моя дорогая Клэр! – воскликнула она, безжалостно отрывая от меня герра Герстмана. – Вы как нельзя более вовремя! Идемте, поможете мне говорить с этим глупеньким английским ребенком!

«Глупеньким английским ребенком» на деле оказалась молоденькая, не старше пятнадцати, девушка с темными блестящими локонами и щеками, настолько раскрасневшимися от смущения, что они напомнили мне полыхающие маки. Именно по щекам я и узнала ее: это была та самая девушка, которую я заметила в дворцовом парке как раз перед столь расстроившим меня появлением Александра Рэндолла.

– Мадам Фрэзер – тоже англичанка, – объясняла Луиза девушке. – Скоро она заставит вас чувствовать себя здесь как дома. Бедняжка так стесняется, – заметила она мне, не переводя духа. – Побеседуйте с ней, уговорите спеть вместе с нами. Уверена, у нее восхитительный голосок. Ну-с, дети мои, веселитесь!

И через секунду она оказалась уже в другом конце зала, где принялась громко выражать восторг по поводу платья только что прибывшей гостьи; остановилась приласкать перекормленного юношу, сидевшего за клавесином, и, рассеянно наматывая его кудряшки на палец, вступила в беседу с герцогом де Кастеллоти.

– Наблюдать за ней – занятие довольно утомительное, вы согласны? – улыбнувшись, обратилась я к девушке по-английски.

В ответ на ее лице возникла робкая улыбка, и она коротко кивнула, но не произнесла ни слова. Да, бедняжка совершенно растерялась, подумала я. И ничего удивительного – от этих приемов в доме Луизы у меня тоже всегда раскалывалась голова. А эта девочка-мак, она, должно быть, прямо со школьной скамьи...

– Я – Клэр Фрэзер. Однако Луиза забыла назвать ваше имя.

¹⁹ Моя дорогая (*фр.*).

Я сделала выжидательную паузу, но она снова не ответила, лишь еще больше покраснела и плотно поджала губы. Увидев это, я слегка встревожилась, но тут девочка наконец проявила желание заговорить. Она набрала воздуха в грудь и решительно вздернула подбородок с таким видом, словно ей предстояло взойти на эшафот.

– М-м-меня зовут... М-м-м... – начала она, и я тут же догадалась, в чем причина ее молчания и болезненной застенчивости.

Прикрыв глаза, она яростно кусала губы, затем предприняла вторую отчаянную попытку.

– М-м-мэри Хоукинс, – выдавила она. – И п-п-петь я не умею, – решительно добавила она.

Если до этого я глядела на нее с интересом, то теперь была совершенно заморожена. Так, значит, это и есть племянница Сайласа Хоукинса и дочь баронета, невеста виконта Мариньи! Нет, этот брак не для нее, это уж слишком! Я огляделась по сторонам, ища глазами виконта, и, к своему облегчению, убедилась, что его среди гостей нет.

– Ничего страшного, – сказала я и заслонила ее собой от толпы гостей, заполнивших зал. – Не хочется говорить – и не надо. Хотя, пожалуй, попробовать спеть что-нибудь было бы нелишне.

Тут меня осенила идея.

– Я знала одного врача, он как раз специализировался на заикании. Так вот, он уверял, что при пении заикание исчезает.

Глаза Мэри Хоукинс удивленно расширились. В этот миг я заметила поблизости альков, где за шторой виднелась уютная скамья.

– Сюда. – Я взяла ее за руку. – Можно отсидеться здесь, тут не надо будет говорить с людьми. Если захочется спеть, можете выйти и присоединиться, когда мы начнем. А нет – так сидите себе спокойно до самого конца приема.

Она молча смотрела на меня, потом лицо ее озарила благодарная улыбка, и она нырнула в альков.

Я немного подежурила рядом, болтая с гостями и не давая любопытным слугам беспокоить Мэри в ее убежище.

– Вы так чудесно выглядите сегодня, *ma chere!*

Это была мадам де Рамаж, одна из фрейлин королевы, важная и очень достойная дама средних лет, она пару раз приходила к нам на ужин. Она тепло обняла меня и осмотрелась – нет ли кого поблизости.

– Надеюсь встретить вас здесь, дорогая, – сказала она, приблизившись почти вплотную и понизив голос. – Хотела бы дать вам один совет. Остерегайтесь графа Сен-Жермена!

Проследив за ее взглядом, я увидела, что в зал входит тот самый мужчина с худощавым лицом, которого я видела в доках Гавра. Он вел под руку спутницу – молодую, элегантно одетую даму. Очевидно, он меня не заметил, и я поспешно отвела глаза.

– Что... разве он... то есть... – пробормотала я, чувствуя, что краснею.

– Да, люди слышали, что он о вас говорил, – ответила мадам де Рамаж, помогая мне преодолеть замешательство. – Я так поняла, что между вами в Гавре произошла какая-то размолвка?

– Да, что-то в этом роде, – ответила я. – Причина сводилась лишь к тому, что я обнаружила на его корабле человека, заболевшего оспой. Правда, после этого корабль пришлось уничтожить... Ну и он был... не слишком доволен этим, – робко закончила я.

– Ах, так вот оно что...

Похоже, мадам де Рамаж удовлетворил мой ответ. Я полагала, что мое объяснение даст ей теперь преимущество во время светской болтовни и сплетен, из которых, собственно, и состояла светская жизнь в Париже.

– А он тут уверял разных людей, что вы – ведьма! – заметила она с улыбкой и помахала рукой какому-то знакомому. – Прелестная история! Никто, разумеется, ему не поверил, – утешила она меня. – Каждый знает: если какой-нибудь скандал связан с именем Сен-Жермена, он сам тому виной!

– Вот как?

Я не совсем поняла, что она имеет в виду, но в этот момент в толпу, громко хлопая в ладоши, ворвался герр Герстман.

– Сюда, сюда, месье, мадам! Все в сборе, мы начинаем.

Хор торопливо выстроился возле клавесина, а я обернулась к алькову, где пряталась Мэри Хоукинс. Мне показалось, что занавеска дрогнула. А когда заиграла музыка и зал наполнился стройным пением, то из алькова донесся чистый голос, высокое сопрано, – впрочем, это мне тоже могло показаться.

– Очень мило, англичаночка, – сказал Джейми, когда я, раскрасневшаяся и запыхавшаяся, присоединилась к нему после концерта.

Он усмехнулся и покровительственно похлопал меня по плечу.

– Откуда тебе знать? – сказала я, беря с подноса у проходившего мимо лакея бокал вина. – Ты же совсем не разбираешься в пении.

– Во всяком случае, оно было достаточно громким, – невозмутимо ответил он. – Было слышно каждое слово.

Тут я заметила, как он весь напрягся, и обернулась посмотреть, кого же он там увидел.

Только что вошедшая дама была хрупка и мала ростом, она едва доставала Джейми до нижнего ребра. Ручки и ножки – словно кукольные, тонкие, как на китайских рисунках, бровки над глубокими иссиня-черными глазами, напоминавшими ягоды можжевельника. И шаг у нее был легкий и немного подпрыгивающий, словно она не шла, а танцевала.

– Аннализа де Марильяк, – любуясь ею, сказала я. – Прелестное создание!

– О да!

Что-то в его голосе заставило меня поднять глаза. Мочки ушей у него порозовели.

– Именно над ней ты одержал свою первую романтическую победу во Франции? – язвительно спросила я.

К моему удивлению, он рассмеялся. Услышав смех, дама обернулась, и при виде Джейми на лице ее засияла ослепительная улыбка. Она уже было направилась к нам, но тут ее внимание отвлек некий джентльмен в парике и нарядном шелковом камзоле цвета лаванды – он довольно нахально остановил ее за руку. Перед тем как обернуться к своему новому собеседнику, она кокетливым жестом махнула веером в сторону Джейми.

– Что тут смешного? – спросила я, видя, как он все еще улыбается, провожая глазами нежно колышущиеся кружевные юбки дамы.

Эти слова заставили его вспомнить о моем присутствии, и он снова улыбнулся – на этот раз мне.

– Да ничего особенного, англичаночка. Просто ты сказала о победах, и я вспомнил, что первая моя дуэль, да, по правде сказать, и последняя, состоялась именно из-за Аннализы де Марильяк. Мне было восемнадцать.

Голос его звучал немного мечтательно, и он следил глазами за темным париком с короткими завитками, мелькавшим в толпе. Перед ним склонялись напудренные головы и белоснежные локоны; среди этих пышных волн то здесь, то там мелькали парики с розоватым оттенком – последний крик моды.

– Дуэль? Но с кем? – спросила я, ища глазами возле китайской куколки господина, которому могло бы взбрести в голову продолжить старую ссору.

– О, его здесь нет, – ответил Джейми, заметив и верно истолковав мой взгляд. – Он умер.

– Ты убил его?

Взволнованная, я произнесла эти слова громче, чем следовало бы. Несколько голов с любопытством повернулись в нашу сторону. Джейми подхватил меня под локоть и торопливо отвел к стеклянной створчатой двери.

– Поттише, англичаночка! Нет, я его не убивал. Хотел, – злобно добавил он, – но не убил. Он умер два года назад от болезни горла. Джаред сказал.

Он вывел меня в сад, на аллею, освещенную фонарями. Их держали слуги, стоявшие, словно швартовые тумбы, через каждые пять футов – от террасы до фонтана, которым заканчивалась аллея. В центре над поблескивающей темной водой выступали туловища четырех дельфинов, поливающих струями довольно раздраженного на вид Тритона, пытавшегося отогнать их трезубцем, впрочем, безуспешно.

– Не томи меня! – потребовала я, когда мы удалились от террасы на достаточное расстояние. – Что произошло?

– Ладно, так и быть. – Он вздохнул. – Ты, наверное, заметила, что эта Аннализа довольно хорошенькая?

– Правда? Ну, раз уж даже ты так считаешь, придется, видно, признать этот факт, – нарочито ласковым тоном заметила я.

При этом глаза мои злобно сверкнули, а рот искривила ироническая усмешка.

– Да. Так вот... Я был в Париже не единственным кавалером, придерживающимся этого мнения. Я совершенно потерял голову. Бродил, словно в тумане, караулил на улице, в надежде увидеть, как она выходит из дома и садится в карету. Джаред говорил, что камзол болтался на мне как на вешалке, и вообще я походил на воронье пугало с всклокоченными волосами.

Он бессознательно провел рукой по волосам, туго стянутым на затылке синей лентой с безупречно завязанным бантом.

– Забывал есть...

– Забывал есть? Господи, похоже, дела твои были действительно плохи, – заметила я.

Он усмехнулся.

– Да. Но стало еще хуже, когда она начала флиртовать с Шарлем Голуазом. Надо заметить, – честно признался он, – что она флиртовала с каждым первым встречным. Что было, то было, но, на мой взгляд, слишком часто она выбирала этого Шарля соседом по столу, слишком много с ним танцевала и... Короче, англичаночка, как-то раз поздно вечером я застиг их целующимися на террасе под луной и вызвал его на дуэль.

К этому времени мы уже дошли до фонтана. Джейми остановился, и мы присели на бортик, там, где водяная пыль из толстогубых пастей дельфинов нас не доставала. Джейми опустил руку в темную воду, затем поднял и задумчиво созерцал серебристые капли, стекающие с пальцев.

– Тогда в Париже дуэли были категорически запрещены, как, впрочем, и сейчас. Но удобное местечко всегда можно было отыскать. Выбирать должен был он. Он и нашел, в Булонском лесу. Поляну рядом с дорогой Семи Святых, ее надежно укрывала от любопытных взоров дубовая рощица. Выбор оружия тоже принадлежал ему. Я предпочел бы пистолеты, но он выбрал шпаги.

– Но почему? Ты достал бы его с любого расстояния!

Я не была экспертом по этой части, но все же кое-что знала о стратегии и тактике фехтования. Раз в два-три дня Джейми с Муртой упражнялись в саду: со звоном скрещивали они шпаги, парировали удары, прыгали, делали выпады – к вящему восторгу слуг обоего пола, которые высыпали на балкон полюбоваться.

– Почему он выбрал шпаги? Да потому, что владеет этим оружием чертовски здорово. К тому же, как я догадываюсь, он опасался, что я могу застрелить его по чистой случайности.

Он ведь понимал, что убивать его я не собираюсь, просто хочу унижить. Шарль знал, что я прекращу бой после первой же крови, – добавил он. – Нет, он был далеко не дурак, этот Шарль.

И Джейми печально покачал головой.

От влаги, исходявшей от фонтана, выбившиеся из моей прически пряди закурчавились и обрамляли теперь лицо облаком мелких локонов. Я отбросила их назад и спросила:

– Ну и удалось тебе его унижить?

– Ранить, по крайней мере, удалось.

Уловив в его тоне нотку удовлетворения, я удивленно приподняла бровь.

– Он обучался этому искусству у самого ле Жене, одного из лучших фехтовальщиков Франции, зацепить его было труднее, чем муху, тем более что я фехтовал правой.

Он снова провел рукой по волосам, словно проверяя, в порядке ли прическа.

– Помню еще, прическа у меня растрепалась – сломалась шпилька, и ветер задувал волосы прямо в глаза. Поэтому я видел перед собой просто белое пятно: Шарль был в белой рубашке. Пятно, делающее выпады и верткое, точно гольян. Ну а потом я все же его достал... Знаешь, как прокалывают рыбу кинжалом? Он так взвыл, словно его пронзили насквозь, хотя я только задел руку. Тут наконец я убрал волосы с лица и, обернувшись, увидел, что на краю лужайки стоит Аннализа. Глаза у нее были огромные и темные, как озера.

Он указал на отливающую серебром гладь воды.

– Так вот, я убрал шпагу, откинул волосы и стоял, ожидая, что она бросится ко мне в объятия...

– Гм... – деликатно хмыкнула я. – Однако она, очевидно, не бросилась?

– Ах, что я тогда понимал в женщинах! – воскликнул он. – Нет! Она подбежала к нему, рухнула рядом на колени.

Он насмешливо и одновременно разочарованно фыркнул.

– Месяц спустя они поженились. Вот так!

Он беспомощно пожал плечами, губы искривила горькая усмешка.

– Итак, сердце мое было разбито. Я вернулся в Шотландию и предавался там скорби в течение нескольких недель, пока у отца окончательно не лопнуло терпение.

Он усмехнулся.

– Знаешь, я даже подумывал уйти в монахи. Однажды за ужином сказал об этом отцу, думая где-то к весне перебраться в аббатство и стать послушником...

Я рассмеялась:

– Ну, со скудостью пищи ты еще как-нибудь смирился бы. Но что касается воздержания и повиновения... Что же ответил отец?

Он усмехнулся, в полутьме блеснули белые зубы.

– Как раз в этот момент он ел похлебку. Отложил ложку, посмотрел на меня, вздохнул, покачал головой и сказал: «День выдался такой тяжелый, Джейми». Взял ложку и снова принялся за еду, не промолвив больше ни слова.

Джейми взглянул на террасу, по которой в перерыве между танцами разгуливали пары, потягивая вино и флиртуя; дамы кокетливо обмахивались веерами.

– Да, красивая была девочка, эта Аннализа де Марильяк! – ностальгически вздохнул Джейми. – Грациозная и легкая, как ветерок, и такая маленькая, что так и подмывало сунуть ее под рубашку и носить за пазухой, точно котенка.

Я молчала, вслушиваясь в звуки музыки, доносившейся из распахнутых дверей, потом перевела взгляд вниз, на свою туфлю девятого размера из блестящего шелка. Через мгновение Джейми почувствовал, что что-то неладно.

– Что такое, англичаночка? – спросил он и положил мне руку на плечо.

– О, ничего, – ответила я со вздохом. – Просто подумала, что, вспоминая обо мне, вряд ли кто-нибудь скажет: «Грациозная, как ветерок».

– О-о...

Он сидел полуобернувшись, на фоне фонаря вырисовывался длинный прямой нос и четко очерченный подбородок. Джейми повернулся ко мне, на губах его сияла улыбка.

– Да, честно признаться, англичаночка, «грациозная» – это не первое слово, что приходит на ум при мысли о тебе.

Он нежно обнял меня за талию и притянул к себе.

– Но я говорю с тобой, как со своей душой.

Он заглянул мне в глаза, нежно коснулся ладонью щеки.

– А твое личико, англичаночка, – это мое сердце...

Несколько мгновений спустя ветер переменялся и направил струи воды в нашу сторону. Мы торопливо и со смехом вскочили. Джейми указал на террасу и вопросительно взглянул на меня. Я кивнула.

– Итак, – заметила я, поднимаясь рядом с ним по широким ступеням в бальный зал, – теперь ты наверняка знаешь о женщинах больше?

– Самое важное, чему я научился, англичаночка, – это правильно выбрать женщину.

Отступив на шаг, он склонился в низком поклоне, указал на распахнутые двери, где сверкали огни и драгоценности, а бал был в самом разгаре.

– Вы не подарите мне этот танец, мадам?

Заехав на следующий день к д'Арбанвиллям, я снова встретила там с учителем пения. На этот раз у нас нашлось время для беседы, и вечером я пересказывала ее Джейми.

– Что?!

Джейми недовольно покосился на меня, словно услышал неудачную шутку.

– Я же говорю: герр Герстман сказал, что мне будет интересно познакомиться с его другом. Это мать Хильдегард, она заведует больницей «Обитель ангелов». Ну, ты знаешь, благотворительное заведение, то, что неподалеку от собора.

– Да, я знаю, где оно находится.

Особого энтузиазма в его тоне я не уловила.

– У него болело горло, и я стала давать ему разные советы. Разговорились о лекарствах, болезнях, слово за слово, ну, ты знаешь, как это бывает...

– Имею представление. С тобой только так и бывает, – иронично заметил он.

Проигнорировав этот тон, я продолжила:

– Так вот, завтра я иду в эту больницу.

Встав на цыпочки, я достала с полки аптечку.

– Может, для первого раза ее и не стоит брать, – сказала я, задумчиво разглядывая содержимое. – Иначе еще подумают, что я навязываюсь. Как тебе кажется?

– Навязываешься? – Он удивился. – Так ты что, собираешься просто посетить это заведение или остаться там?

– Э-э... видишь ли, – осторожно начала я, – я тут подумала, что, возможно, могу работать там регулярно... Герр Герстман сообщил мне, что все врачи и целители время от времени заглядывают туда и помогают. Бывать в больнице каждый день они, разумеется, не могут, но времени у меня много, и я могла бы...

– Много времени, говоришь?

– Перестань повторять мои слова, как попугай! – рассердилась я. – Да, много. Я понимаю, как это важно – посещать балы, приемы и прочее. Но в конце концов, это ведь только по вечерам, а все дни у меня свободны. И я могла бы...

– Англичаночка, ты носишь ребенка! Неужели это так необходимо – торчать там и нянчиться с разными попрошайками и преступниками?

Вид у него был страшно растерянный, как будто он столкнулся с человеком, внезапно потерявшим рассудок.

– Я не забыла, – уверила я его и прижала ладони к животу. – Пока незаметно. И не будет заметно еще какое-то время, если носить просторные платья. И чувствую я себя нормально, если не считать тошноты по утрам. Так что не вижу причин, почему бы мне пару месяцев не поработать.

– Причина только одна: я этого тебе не позволю!

Поскольку сегодня вечером гостей у нас не ожидалось, галстука на нем не было и ворот рубашки был распахнут. Я видела, как он медленно начинает краснеть, с шеи.

– Джейми, – начала я, пытаюсь апеллировать к здравому смыслу, – тебе известно, кто я?

– Моя жена.

– Да, и это тоже. – Я отмахнулась. – Но я еще и врач, Джейми. Целитель. Ты имел случай в этом убедиться.

Он жарко покраснел.

– Да, имел. И только потому, что ты подштопала мои дырки, я должен позволить тебе пойти туда и возиться с какими-то нищими и проститутками? Ты имеешь представление, англичаночка, что за люди попадают в больницу «Обитель ангелов»?

Он с мольбой взглянул на меня, словно ожидая, что ко мне вот-вот вернется разум.

– Какая разница!

Он оглядел комнату, словно призывая в свидетели моего безрассудства портреты над камином.

– Но, господи, ты же можешь заразиться дурной болезнью! Ладно, тебе плевать на меня, но хоть о ребенке могла бы подумать!

– Ну разумеется, я о нем думаю! Ты что, всерьез считаешь меня настолько безответственной и глупой?

– Нет. Но ты принадлежишь к тому типу женщин, которые могут бросить мужа и пойти забавляться с каким-то бродягой из канавы! – отрезал он. – Раз уж тебя так интересует мое мнение...

Он взъерошил рукой волосы, отчего они встали на затылке дыбом.

– Бросить тебя? С каких это пор сделать что-то полезное называется «бросить»? Вместо того чтобы торчать в салоне у д'Арбанвиллей, наблюдать, как Луиза де ла Тур наедается сладостей, слушать глупые стихи и плохую музыку? Я хочу приносить пользу!

– А заботиться о собственном доме – разве это не значит приносить пользу? Быть замужем – разве это для тебя ничто?

Лента, перехватывающая его волосы, лопнула, и они вырвались на свободу, окружив лицо пылающим ореолом. Он глядел на меня, грозно сверкая глазами, и напоминал в этот миг ангела мести.

– Но разве быть моим мужем – достаточное для тебя занятие? – холодно парировала я. – Что-то незаметно, чтобы ты торчал дома весь день, окутывая меня обожанием! Какая чушь!

– Чушь? Что такое чушь?

– Ну, ерунда, бессмыслица. Дрянь. Одним словом – тьфу! Ладно, не смейся меня. Мадам Вионе присматривает за всем в доме и делает это раз в десять лучше, чем я.

Это являлось столь неоспоримой истиной, что он на какое-то время затих. Только смотрел на меня, сверкая глазами и беззвучно шевеля губами.

– А... значит, так... А что, если я запрещаю тебе идти туда?

На мгновение я растерялась, но взяла себя в руки и оглядела его с головы до ног. Глаза у Джейми потемнели, крупные чувственные губы сжались в плотную линию. Плечи широкие, прямые, руки скрещены на груди. Прямо-таки чугунная статуя. «Запрет» – это слово как нельзя более ему подходило.

– Ты мне запрещаешь?

Напряжение нарастало. Я смотрела ему прямо в глаза. Мне страшно хотелось моргнуть, но доставить ему такое удовольствие – отвести глаза первой?.. Нет, никогда! А что делать, если он действительно запретит? Тут в голове пронеслось сразу несколько вариантов: вонзить ему между ребер нож из слоновой кости для разрезания бумаг, поджечь дом, чтобы он сгорел вместе с ним. Лишь один выход я отвергала напрочь – подчиниться.

Он выдержал паузу, затем набрал в грудь побольше воздуха. Руки были сжаты в кулаки, и он медленно, с видимым усилием начал разжимать их.

– Нет, – сказал он, – я не запрещаю... – Голос слегка дрожал. – Но что, если я попрошу тебя?

Я опустила глаза и уставилась на его отражение на полированной поверхности письменного стола. Сначала идея посещения больницы казалась мне просто занятой, приятной альтернативой бесконечным сплетням и интригам парижской знати. Но теперь... Руки мои тоже непроизвольно сжались в кулаки. Теперь я не просто хотела работать, мне было это жизненно необходимо.

– Не знаю... – выдавила я.

Он глубоко вздохнул.

– Ты все же подумай об этом, Клэр.

Я чувствовала на себе его взгляд. Прошла, казалось, вечность, прежде чем я кивнула:

– Подумаю.

– Ну и хорошо.

Напряжение спало, он резко отвернулся. И стал бродить по кабинету, беря в руки разные предметы и ставя их куда попало. Наконец подошел к лестнице у книжных полок и привалился к ней. Начал разглядывать переплетенные в кожу корешки с названиями. Я осторожно приблизилась и положила ему руку на плечо:

– Джейми, я не хотела тебя огорчать.

Он взглянул на меня и криво усмехнулся:

– Да ладно! Мне тоже вовсе не хочется сражаться с тобой, англичаночка. Наверное, просто я вспыльчив и чрезмерно чувствителен.

Он извиняющимся жестом похлопал меня по руке, отошел и уставился на письменный стол.

– Ты слишком много работаешь, – с состраданием заметила я, следуя за ним.

– Дело не в этом.

Покачав головой, он начал перелистывать страницы огромного гроссбуха, лежавшего посередине.

– Что касается бизнеса, то тут все в порядке. Да, работы много, но я справляюсь. Что же касается этого...

Он указал на пачку писем под алебастровым пресс-папье. Оно было сделано в форме белой розы – символа дома Стюартов. Там были письма от аббата Александра, от графа Мара и других известных якобитов, и в каждом – завуалированный вопрос, туманные намеки и обещания, противоречивые предположения...

– Ощущение такое, будто я сражаюсь с ветряными мельницами! – с горечью воскликнул Джейми. – Другое дело – настоящая схватка! Там, где могут пригодиться мои руки! А это...

Выхватив из ящика стола пачку писем, он подкинул ее вверх. По комнате гуляли сквозняки – бумаги зигзагом запорхали вокруг, полетели под мебель, осели на ковер.

– Тут совершенно не за что уцепиться, – беспомощно произнес он. – Я могу переговорить с тысячей людей, написать сотню писем, упиться с Карлом до чертиков, но так и не понять, сдвинулось дело с мертвой точки или нет.

Я решила оставить письма в покое – придет служанка и уберет их.

– Джейми, – как можно мягче произнесла я, – что же еще нам остается делать? Только пытаться.

Он слабо улыбнулся и опустил руки на стол.

– Знаешь, я рад, что ты сказала «мы», англичаночка. Иногда я чувствую себя таким страшно одиноким...

Я обняла его за плечи и прижалась лицом к спине:

– Ты же знаешь, я не позволю тебе чувствовать себя одиноким. И потом, именно я втянула тебя в эту историю...

Я почувствовала, как спина его затряслась от смеха.

– Да уж! Кто, как не ты... Но я не держу на тебя зла, англичаночка. – Обернувшись, он нежно поцеловал меня в лоб. – Ты выглядишь усталой, mo duinne. Ступай ложись. Я еще немного поработаю и приду к тебе.

– Хорошо.

Я действительно чувствовала себя усталой, хотя хроническая сонливость, преследовавшая меня на ранних стадиях беременности, исчезла и днем я так и кипела энергией, спать не хотелось вовсе.

Выходя, я остановилась у двери. Джейми стоял у стола, просматривая записи в гроссбухе.

– Джейми! – окликнула я его.

– У-у?

– Джейми, я обещала, что подумаю насчет больницы. Ты тоже подумай, ладно?

Он обернулся ко мне, бровь настороженно приподнята. Потом улыбнулся и кивнул.

– Скоро приду к тебе, англичаночка, – ответил он.

На улице снова стояла слякоть, сыпал дождь со снегом, мелкие крупинки барабанили в окна и шипели в камине, когда порывы ночного ветра затягивали их в трубу. Ветер разбушевался не на шутку, он стонал и завывал в дымоходах, но от этого в спальне казалось еще уютнее. Постель, оазис тепла и комфорта, была покрыта одеялами на гусином пуху. А еще огромные пышные подушки и Джейми, посапывающий рядом и источающий тепло, словно электрообогреватель.

Большая рука нежно погладила меня по животу, ее тепло просачивалось сквозь шелк ночной рубашки.

– Не здесь. Нажми-ка тут, посильнее.

Я взяла его руку и прижала к животу чуть ниже, там, где прощупывалось небольшое округлое затвердение размером чуть больше грейпфрута.

– Да, чувствую, – пробормотал он. – Он и вправду тут.

Уголки рта растянулись в довольной улыбке.

– А он двигается уже или нет?

Я покачала головой:

– Пока нет. Но будет примерно через месяц, если верить твоей сестре Дженни.

– Мм... – Он наклонился и поцеловал округлость. – А что ты думаешь насчет Далхузи, англичаночка?

– Далхузи? В каком смысле? – удивилась я.

– В качестве имени. – Он похлопал меня по животу. – Ведь придется давать ему какое-то имя.

– Это верно, – заметила я. – Но с чего ты взял, что там мальчик? Это может быть и девочка.

– О!.. Ну да, в общем-то, верно, – согласился он, словно мысль о такой возможности впервые пришла ему в голову. – И все же почему бы не начать с мужских имен? Можно назвать его в честь дяди, который тебя воспитал.

– Гм... – Я нахмурилась, скосив глаза на живот. Сколь нежно я ни любила своего дядюшку Лэма, мне все же не очень хотелось давать невинному младенцу имя Лэмберт или Квентин. – Нет, не думаю. С другой стороны, почему бы не назвать его в честь какого-нибудь твоего дяди?

Джейми задумчиво и рассеянно поглаживал меня по животу.

– А как звали твоего отца, англичаночка? – спросил он.

Мне пришлось на секунду задуматься, чтобы вспомнить.

– Генри, – ответила я. – Генри Монморанси Бошан. Джейми, я не желаю, чтобы мой ребенок носил имя Монморанси Фрэзер, ни под каким видом! Да и Генри тоже мне что-то не очень нравится, хотя уж куда лучше, чем Лэмберт. А как насчет Уильяма? – предложила я. – В честь твоего брата?

Старший брат Джейми умер ребенком, но муж всегда вспоминал его с любовью и нежностью.

Он задумчиво нахмурил брови:

– Гм... А что, может быть. Кстати, а почему бы не назвать его, скажем...

– Джеймс, – произнес глухой замогильный голос из дымохода.

– Что?! – Я резко села в постели.

– Джеймс, – нетерпеливо повторили из камина. – Джеймс, Джеймс!..

– Господи Иисусе! – воскликнул Джейми, пялясь на языки пламени.

Я почувствовала, что каждый волосок на его руке встал дыбом и походил теперь на жесткую проволоку. Какое-то время он сидел неподвижно, затем, словно осененный некоей идеей, вскочил на ноги и подбежал к окну мансарды, даже не озабочась накинуть на плечи рубашку.

Он поднял раму, впустив в спальню струю холодного воздуха, и выглянул в ночь. Я услышала какой-то сдавленный возглас и скрежещущие звуки на кровле. Джейми, приподнявшись на цыпочки, высунулся почти весь, медленно вполз обратно в комнату, весь вымокший от дождя и кряхтящий от усилий. Он был не один. Красивый юноша в темном одеянии, тоже промокшем до нитки, обхватил его за шею. Одна рука у него была обмотана окровавленным клочком ткани.

Непрошенный гость встал на подоконник, потом неуклюже спрыгнул и растянулся на полу. Однако тут же вскочил на ноги и поклонился мне, сорвав с головы широкополую шляпу.

– Мадам, – по-французски он говорил с сильным акцентом, – должен просить у вас прощения за столь бесцеремонное вторжение, но поверьте, обратиться к своему другу Джеймсу меня вынудили крайние обстоятельства.

Это был крепко сложенный и миловидный юноша с густыми светло-каштановыми волосами, спадавшими на плечи длинными завитками, и розовым лицом – щеки у него так и пылали от холода и волнения. Из носа текло, и он, слегка поморщившись, вытер его тыльной стороной ладони.

Джейми вежливо поклонился гостю, хотя был явно смущен.

– Мой дом к вашим услугам, ваше высочество, – сказал он, окинув взглядом костюм визитера, который был в страшном беспорядке.

Воротник рубашки разорван и свободно болтается на шее, пуговицы камзола отлетели, панталоны расстегнуты. Я заметила, как при виде этой последней детали Джейми нахмурился и шагнул к юноше, загородив его от моего взора.

– Позвольте представить вам мою жену, ваше высочество. Клэр, миледи Брех-Туарах. Клэр, а это его высочество принц Карл, сын короля Якова Шотландского.

– Да, я уже догадалась. Э-э... добрый вечер, ваше высочество.

Я грациозно кивнула, повыше натянув одеяло. Очевидно, в подобных обстоятельствах можно обойтись и без реверанса.

Принц, воспользовавшись церемонией представления, поспешно привел свои панталоны в порядок и ответил мне поклоном, преисполненным истинно королевского достоинства.

– Счастлив, мадам, – сказал он и снова отвесил поклон, еще более изысканный, после чего выпрямился и застыл посреди комнаты, не выпуская из рук шляпы и, видимо, не зная, что делать и говорить дальше.

Джейми, босоногий, с полуобнаженным торсом, переводил взгляд с меня на принца, тоже, очевидно, не в силах подобрать нужные слова.

– Э-э... – начала я, желая нарушить неловкое молчание, – вы, должно быть, попали в неприятную историю, ваше высочество? – и кивком указала на обмотанный вокруг его руки окровавленный платок, словно впервые увидев его.

– Да, – ответил он. – Гм... то есть нет. Я хочу сказать, это сущие пустяки, миледи.

Он еще больше покраснел, глядя на свою руку. Держался он как-то странно, в его поведении угадывались растерянность и гнев. Я видела, как расплзается по ткани красное пятно, и, спустив ноги с постели, потянулась за халатом.

– Позвольте мне взглянуть, что там такое, – сказала я.

Рана, которую принц продемонстрировал мне весьма неохотно, оказалась несерьезной, но выглядела как-то странно.

– Похоже на укус какого-то животного, – с удивлением заметила я, вглядываясь в полукруг мелких красных ранок между большим и указательным пальцами.

Принц Карл поморщился, стоило мне надавить на мякоть. Надо бы прочистить рану, вызвав дополнительное кровотечение.

– Да, – ответил он. – Укус обезьяны. Мерзкая блохастая тварь! – вдруг взорвался он. – Сколько раз я говорил, что от нее надо избавиться! К тому же животное наверняка заразное. Я нашла аптечку и смазала рану тонким слоем мази из горечавки.

– Не думаю, что есть повод к беспокойству, – заметила я, целиком сосредоточившись на своем занятии. – В том случае, разумеется, если она не бешеная.

– Бешеная? – Принц побледнел. – Так вы считаете, это возможно?

По всей очевидности, он не имел ни малейшего понятия о том, что такое бешенство, однако не на шутку разволновался.

– Все возможно, – весело заметила я.

Удивленная столь неожиданным появлением его высочества, я только теперь вдруг поняла, что быстрая и внезапная его смерть могла бы избавить многих людей от больших неприятностей. И все же мне страшно не хотелось, чтобы у него развилась гангрена или, не дай бог, проявились симптомы бешенства, а потому я аккуратно перевязала руку льняным бинтом.

Он улыбнулся, снова поклонился и очень цветисто и пространно начал выражать мне свою благодарность на смеси французского с итальянским. Несколько раз извинившись за свой неожиданный визит, он позволил Джейми увести себя вниз, в гостиную, выпить.

Чувствуя, как холодный воздух пробирается под халат, я заползла обратно в постель и натянула одеяло до самого подбородка. Так вот он каков, этот принц Карл! С виду вполне хорошенький и совсем молодой, гораздо моложе Джейми, хотя я знала, что на самом деле Джейми всего на год или два старше. И манеры у его высочества отменные, и держался он с таким достоинством, несмотря на беспорядок в платье. Но достаточно ли всего этого, чтобы отправиться в Шотландию и стать во главе армии, призванной сменить власть в стране? Размышления об этом навели на другую мысль: интересно, с какой это целью шастал наследник шотландского престола среди ночи по крышам парижских домов с рукой, укушенной обезьяной?..

Вопрос этот продолжал мучить меня, когда чуть позже Джейми вернулся, влез в постель и вывел меня из дремотного состояния, прижав оледеневшие ступни к моим теплым коленям.

– Ну что ты так раскричалась? – спросил он. – Слуг разбудишь.

– А чем это занимался принц Карл, бегая среди ночи по крышам вместе с обезьянами? – парировала я. – Немедленно отодвинь эти ледышки от моих ног!

– Он навещал свою любовницу, – лаконично ответил Джейми. – Ну ладно, будет тебе, перестань лягаться.

Он убрал ноги и обнял меня, стараясь согреться.

– Так у него любовница? Кто она?

Я окончательно проснулась.

– Луиза де ла Тур, – нехотя выдавил Джейми в ответ на мои настойчивые расспросы.

Нос казался длиннее и заостреннее обычного, густые брови сошлись у переносицы. С точки зрения истового шотландского католика, иметь любовницу – грех, с другой стороны, должны же быть у членов королевского дома свои привилегии. Однако принцесса Луиза де ла Тур – замужняя женщина, а уж брать в любовницы замужнюю даму не к лицу даже королям.

– Ха! – с удовлетворением воскликнула я. – Так я и знала!

– Он уверяет, что любит ее, – добавил Джейми, поплотнее укутываясь в одеяла. – И она его тоже любит, так он, во всяком случае, утверждает. Говорит, что последние три года она ему верна. Тьфу!

– Да, случается на белом свете и такое, – философски заметила я. – Так он был у нее? Но как же он попал на крышу? Он тебе рассказал?

– Да, рассказал.

Карл, подкрепившись несколькими стаканчиками лучшего и выдержанного портвейна Джареда, окончательно разоткровенничался. По его словам, глубокое и искреннее чувство подверглось нешуточному испытанию, связанному с привязанностью его дамы сердца к своей любимице, весьма капризной и взбалмошной обезьяне, которая отвечала его высочеству полной взаимностью по части неприязни и использовала куда более конкретные и изощренные средства для демонстрации своего отношения, нежели возлюбленный ее хозяйки. Решив пошутить с животным, его высочество щелкнул пальцами у самого носа обезьяны, за что и был укушен, а затем на него обрушились словесные упреки любовницы. Ссора получилась такая бурная, что в конце концов Луиза де ла Тур велела Карлу убираться с глаз долой, в ответ на что он выразил самое откровенное желание уйти, и немедленно, как драматично подчеркнул он в разговоре с Джейми, с тем чтобы не вернуться более. Никогда.

Но уход принца был осложнен следующим обстоятельством: оказывается, супруг принцессы вернулся домой после карточной игры раньше обычного и уютно устроился внизу, в приемной, с бутылкой бренди.

– Таким образом, – продолжал Джейми, улыбаясь своим мыслям, – он не мог оставаться со своей девочкой, но и выйти через дверь тоже не мог. Тогда он открыл окно и вылез на крышу. Он уже почти спустился на землю по водосточной трубе, как вдруг, если верить его словам, на улице появился ночной дозорный, и ему пришлось лезть обратно, чтобы не попасться ему на глаза. Какое-то время он ползал среди печных труб, оскальзываясь на мокрой от дождя крыше, пока наконец не вспомнил, что от нашего особняка его отделяют всего три дома, крыши которых примыкают так тесно одна к другой, что перескочить не составляет труда.

– Мм... – пробормотала я, чувствуя, как ноги снова отогрелись. – Ты отправил его домой в карете?

– Нет, он взял на конюшне одну из лошадей.

– Надеюсь, принц все же доберется до Монмартра, тем более что он пил портвейн Джареда, – заметила я. – Путь отсюда неблизкий.

– Да уж, путешествие не из приятных: холод, сырость, – ответил Джейми с самодовольным видом преисполненного добродетелей человека, который, вместо того чтобы шляться в такую скверную погоду по улицам, уютно лежит себе в постели рядом с законной женой.

Он задул свечу и крепко прижал меня к груди.

– А впрочем, поделом ему, – добавил он. – Мужчина должен быть женатым.

С рассветом все наши слуги были на ногах и занимались подготовкой к приему месье Дюверни, который должен был сегодня пожаловать к нам на ужин в тесном семейном кругу.

– Не пойму, чего это они так суетятся, – сказала я Джейми, лежа в постели с закрытыми глазами и прислушиваясь к возне, доносившейся снизу. – Всего и дел-то, что стереть пыль с шахматной коробки и поставить бутылку бренди. Остального он просто не заметит.

Джейми рассмеялся и поцеловал меня на прощание:

– Ты права. Но мне нужно плотно поужинать, иначе я не смогу обыграть его. – Он похлопал меня по плечу. – Иду на склад, англичаночка. Приду домой поздно, только чтобы успеть переодеться.

Дабы не путаться под ногами у слуг, я, в поисках какого-нибудь занятия, в конце концов попросила лакея сопроводить меня до дома де ла Туров. Наверняка Луиза жаждет утешения после разрыва с любовником. Нет, мной движет вовсе не какое-то там вульгарное любопытство, пыталась уверить я себя, ничего подобного...

Возвратившись домой к вечеру, я обнаружила Джейми в спальне. Он сидел, развалясь в кресле, ноги на столе, ворот расстегнут, волосы растрепаны, и пялился в исписанные листки бумаги. Услышав, что дверь отворилась, поднял глаза, и сосредоточенное лицо расплылось в широкой улыбке.

– Англичаночка, наконец-то!

Спустив ноги со стола, он подошел и обнял меня. Спрятал лицо в моих волосах, потерся о них носом и громко чихнул. Снова чихнул и, отпустив меня, полез в рукав за платком, который носил там на военный манер.

– Чем это от тебя пахнет, англичаночка? – спросил он, прижимая к носу квадратик льняной ткани, и снова громко чихнул.

Я сунула руку за вырез платья и извлекла оттуда крохотное саше, спрятанное между грудей.

– Жасмин, роза, гиацинт, ландыш. Ну и очевидно, еще амброзия, – добавила я.

Джейми опять чихнул и уткнулся в платок.

– Ты в порядке?

Я обвела глазами комнату в поисках какого-нибудь средства и мимоходом опустила саше в шкатулку на моем столике, в дальнем углу комнаты.

– Угу, да... Так ты говоришь... гиа... гиа... апчхи!

– Господи!

Я торопливо распахнула окно и подозвала Джейми к себе. Он послушно высунул голову и плечи на дождь, вдыхая свежий, не пахнувший гиацинтом воздух.

– Уф! Так-то лучше, – с облегчением заметил он через некоторое время, втягивая голову обратно.

Глаза его округлились.

– Что это ты делаешь, англичаночка?

– Моюсь, – ответила я, расстегивая застёжки на платье. – Вернее, собираюсь мыться. Я вся намазана этим гиацинтовым маслом.

Он смотрел на меня, недоуменно моргая.

– И если не смыть, ты еще, пожалуй, лопнешь.

Он задумчиво почесал кончик носа и кивнул:

– Тут ты права, англичаночка. Приказать лакею принести тебе горячей воды?

– Не беспокойся. Ополоснусь на скорую руку, и запах исчезнет, – уверила я его, торопливо расстегивая и расшнуровывая одежду.

Подняла руки – собрать волосы в пучок. Тут Джейми весь подался вперед, схватил меня за запястье и вздернул руку в воздух.

– Что ты делаешь? – удивилась я.

– Нет, это ты что сделала, англичаночка? – воскликнул он, заглядывая мне под мышку.

– Побрилась, – с гордостью ответила я. – Вернее, навощилась. К Луизе приходила сегодня утром ее *servante aux petits soins*²⁰, ну, нечто вроде личной косметички. Она и меня заодно обработала.

– Навощилась? – Джейми в полном недоумении переводил взгляд со свечи в подсвечнике на меня и обратно. – Ты что же, совала воск себе под мышку?

– Да нет, не тот воск, что ты думаешь, – успокоила я его. – Ароматизированный воск из пчелиных ульев. Косметичка нагрела его, затем наложила вот сюда, пока он еще был горячим. А потом отодрала, как только он остыл.

Я слегка поморщилась при этом воспоминании.

– И вот полюбуюсь: лысенькая, что твой дядюшка Боб.

– Мой дядюшка Боб никогда бы не потерпел ничего подобного, – сурово заметил Джейми. – И вообще, на кой черт тебе это понадобилось?

Он всматривался мне в подмышку, все еще не отпуская руку.

– Ведь больно... было... навер... апчи!

Он отпустил руку и отскочил.

– Я говорю, больно небось было? – спросил он, поднося платок к носу.

– Немножко, – призналась я. – Однако результат того стоит. – Я подняла обе руки и повертелась перед ним, как балерина. – Впервые за долгие месяцы чувствую себя абсолютно чистой.

– Стоит? – Он все еще пребывал в недоумении. – Но при чем здесь чистота?

Лишь с запозданием до меня дошло, что ни одна из шотландок, с которыми мне доводилось встречаться, не использовала депилятории. К тому же Джейми никогда не вступал в достаточно тесный контакт с парижанками из высшего общества, чтобы заметить эту тонкость.

– Ну, – начала я, в этот миг с особой отчетливостью представив себе, с какими, должно быть, трудностями сталкиваются антропологи, пытающиеся истолковать обычаи какого-нибудь первобытного племени, – так, по крайней мере, меньше пахнет.

– А что плохого в том, что ты пахнешь собой? – осведомился он. – Пахнешь женщиной, а не какой-то там цветочной клумбой? Я ведь мужчина, а не пчела, англичаночка. Ну что, будешь мыться или нет? Иначе я к тебе и на десять футов не подойду.

²⁰ Дословно: служанка для мелких услуг (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.